

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 1/2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Андрюшин С.А., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Колпакова И.А. канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой банковского дела и монетарного регулирования
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
кафедры экономики инноваций экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некпелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития
науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 1/2024

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
- 5.2.4. Финансы (экономические науки),
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Бухвальд Е.М., Бессонов И.С.**
Субрегионы в пространственной организации регионов
Российской Федерации 7
- Братченко С.А.**
Несогласованность целей при разработке государственных
программ: обзор практики и анализ ситуаций 28
- Сухарев О.С.**
Технологический суверенитет России: формирование
на базе развития сектора «экономика знаний» 47
- Дмитриченко Л.И., Аванесова И.Б.**
Наука и образование как объект социальной ответственности
государства 65
- Агафонов Д.В., Мозговая О.О., Файн Б.И., Кузнецов В.В.**
Оценка результатов и дальнейших перспектив внедрения
эталонного регулирования в электроэнергетике 87

ФИНАНСЫ

- Клачкова О.А.**
Влияние инфляционных ожиданий на долгосрочные
последствия инфляции 113

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Мальцев А.А.**
Глобальные мета-риски в постковидную эру 124
- Сидоров А.А.**
Доступ на внешние рынки в контексте конъюнктурных
исследований 138

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

- Соколова Ю.Д.**
Эмпирический анализ влияния экономической деятельности
на состояние окружающей среды: пример стран БРИКС 154
- Сероштан С.М.**
Развитие туризма в России: динамика основных
макроэкономических показателей 177

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Buchwald E.M., Bessonov I.S. Subregions in the Spatial Organization of the Russian Federation Regions	7
Bratchenko S.A. Inconsistency of Goals in the Development of Government Programs: Survey of Practices and Case Studies	28
Sukharev O.S. Technological Sovereignty of Russia: Formation on the Basis of the Development of the "Knowledge Economy" Sector	47
Dmitrychenko L.I., Avanesova I.B. Science and Education as an Object of Social Responsibility of the State	65
Agafonov D.V., Mozgovaya O.O., Fayn B.I., Kuznetsov V.V. Assessing the Results and Prospects for Introducing Yardstick Regulation in the Electric Power Industry	87

FINANCE

Klachkova O.A. Impact of Inflationary Expectations on Long-Run Consequences of Inflation	113
---	-----

WORLD ECONOMY

Maltsev A.A. Global Meta-Risks in the Post-COVID Era	124
Sidorov A.A. Foreign Market Access in the System of Market Research	138

PUBLICATIONS OF YOUNG AUTHORS

Sokolova Y.D. The Impact of Economic Activity on the Environment: Empirical Evidence from BRICS Countries	154
Seroshtan S.M. Tourism Development in Russia: Dynamics of the Main Macroeconomic Indicators	177

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Е.М. БУХВАЛЬД

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
заведующий Центром ФГБУН Института экономики РАН

И.С. БЕССОНОВ

кандидат экономических наук, доцент
Самарского государственного экономического университета

СУБРЕГИОНЫ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В последние годы обозначился ряд факторов, которые существенно активизировали внимание к проблемам и перспективам развития российского местного самоуправления: поручение Президента РФ В.В. Путина относительно подготовки новых основ государственной политики в сфере местного самоуправления; внесение законопроекта об общих принципах организации местного самоуправления в стране и, наконец, активное распространение новых форм территориальной структуризации в российских регионах, например, таких как агломерации, экономическое зонирование, различные субрегиональные территориальные образования и пр. Все это также связано с возможными модификациями в деятельности институтов местного самоуправления в стране. В статье на примере ряда субъектов Российской Федерации рассматриваются их попытки внести определенные изменения в свою внутрирегиональную территориальную структуру, в систему управления хозяйственными и социальными процессами с целью обеспечить полное и эффективное использование потенциала муниципального звена и преимуществ межмуниципальной кооперации. Такие новации, в частности, реализуются в виде формирования особых субрегионов, которые представляют собой территориально-экономический феномен, формирующийся вне агломерационных образований и образующий систему устойчивых межмуниципальных хозяйственных взаимодействий.

Ключевые слова: муниципальное управление, муниципальная реформа, субрегиональные территориальные структуры, государственное регулирование, стратегическое планирование.

УДК: 332.025.12

EDN: DZWBTK

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_7_27

Федерализация как вектор муниципального развития

Государства с федеративным устройством, как правило, стремятся к распространению принципов федерализма на все стороны их государственного и общественного устройства, а также на практику государственного регулирования хозяйственных и социальных процессов. Не составляет здесь исключения и сфера местного самоуправления, которое в современных условиях, при наличии значимых признаков института гражданского общества, тем не менее попадает в сферу объектов государственного регулирования – как с федерального уровня, так и с уровня субъектов Федерации [4; 9; 13; 16].

Эта двойственность неизменно порождает дискуссию о том, *выступает ли местное самоуправление самостоятельным элементом федеративных отношений или нет*. Те ученые и эксперты, которые дают на этот вопрос отрицательный ответ, аргументируют свою позицию тем, что федеративные отношения традиционно носят межгосударственный характер, а институты местного самоуправления, даже с учетом их вхождения в единую систему публичной власти, не являются государственными образованиями (или государственно-подобными образованиями типа субъектов Российской Федерации). Напротив, сторонники концепции вхождения местного самоуправления в систему федеративных отношений основываются на том, что в современных условиях местное самоуправление, оставаясь, в известных рамках, институтом гражданского общества, повсеместно тесно связано с государством и государственным узаконением. Например, в любом современном государстве федеративного типа основные государственные полномочия по регулированию сферы местного самоуправления затрагивают общую организацию институтов местного самоуправления, круг его полномочий по вопросам хозяйственного и социального развития территорий; определяют источники финансового обеспечения местного самоуправления и пр.

Что касается Российской Федерации, то, по нашему мнению, конституционные поправки 2020 г. еще более усилили «патронаж» государственной власти над системой местного самоуправления в стране [2; 10]. При этом регулятивные полномочия государственной власти по вопросам деятельности институтов местного самоуправления распределяются между Российской Федерацией и ее субъектами. Сказанное не означает, что в условиях федеративной государственности взаимоотношения государства и институтов местного самоуправления складываются достаточно единообразно. Напротив, федеративная природа государства представляется наиболее гибкой в плане адаптации системы местного самоуправления к географической, социально-экономической и национально-этнической специфике

каждого из субъектов Российской Федерации. Именно они выступают основным связующим звеном между федеральными органами государственной власти и институтами местного самоуправления. Особо важен этот фактор, если речь идет о таком пространственно значительном и разнообразном государственном образовании, как Российская Федерация.

Опыт послевоенных десятилетий дает примеры как многообразия допускаемых государством форм организации и даже самоорганизации муниципальной власти и местных сообществ (например, в Германии) [12], так и достаточно жесткого установления со стороны государства форм и рамок такой организации. Именно такая ситуация характерна для современной России.

В экономической науке рассматривается широкий круг проблем, практическое решение которых характеризует уровень федерализации в регулировании основ местного самоуправления в той или иной стране. Традиционно, основное внимание здесь уделяется вопросам финансово-бюджетных взаимодействий государства и местного самоуправления, участия субъектов Федерации в формировании институциональной структуры местного самоуправления, регулирования круга полномочий местного значения, а также ситуации в сфере так называемых «делеглируемых полномочий» и пр. Например, в статье И. Глазуновой [6] вопрос о степени федерализации государственной политики в отношении местного самоуправления рассматривается на примере участия субъектов Российской Федерации в формировании территориально-институциональной структуры субрегионального управления и ее связи с системой местного самоуправления.

Субрегиональные структуры как инструмент оптимизации социально-экономического пространства субъекта Федерации

Структурная оптимизация экономического пространства выступает такой же важной предпосылкой устойчивого хозяйственного и социального развития региона, как и оптимизация отраслевой структуры его экономики. Критерием такой оптимизации, как правило, выступает усиление вклада того или иного территориально-хозяйственного комплекса в экономику региона (например, по доле в региональном ВВП) на основе совершенствования его пространственных характеристик и соответствующих им систем управления. Инструментами достижения подобных оптимизационных решений выступают формальные и неформальные новации (корректировки), так или иначе затрагивающие пространственную структуру экономики региона. Формальными корректировками следует признать те

из них, которые модифицируют официальную вертикаль публичной власти. На субфедеральном уровне таковыми могут быть новации, затрагивающие сеть муниципальных образований, например, путем слияния муниципалитетов, полной или частичной ликвидации поселенческого звена местного самоуправления и пр. Этот тренд обозначился в регионах России практически сразу после полномасштабной реализации муниципальной реформы, осуществлявшейся на базе положений Федерального закона № 131-ФЗ 2003 г.¹ В результате за период 2007–2023 гг. в стране исчезло более 4 тыс. муниципальных образований (в основном сельских поселений²).

На федеральном уровне подобными новациями могут считаться те, которые связаны с принципиальными изменениями в системе муниципальной власти в стране. Например, это введение институтов городских округов, а также внутригородских муниципальных образований вне городов федерального значения. Еще более существенные изменения в этом направлении потенциально возможны в случае принятия и реализации нового федерального законопроекта об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации³.

Кроме того, на данный момент пространственная структуризация экономики субъекта Федерации и управления ее субрегиональными звеньями происходит вне рамок (институтов) «вертикали» публичной власти. Такая структуризация происходит на базе двух начал.

Во-первых, это директивные решения федерального центра по созданию в регионах страны институтов – территориально-экономических образований с особыми условиями хозяйствования и управления, часто не совпадающих с границами (территориями) отдельных муниципальных образований. Правовой статус, системы управления, особенности ведения хозяйственной (в т. ч. внешнеэкономической) деятельности, бюджетирования и налогообложения в пределах таких территорий определяются, как правило, федеральным законодателем и не всегда строго соотносятся с установленными законом общими принципами организации местного самоуправления в стране. Это такие территории, как федеральные наукограды и особые экономические зоны, территории опережающего развития и пр. [5].

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 30.10. 2023 г.).

² База данных «Показатели муниципальных образований». <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.html> (дата обращения: 30. 11. 2023 г.).

³ Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». <https://sozd.duma.gov.ru/>. (дата обращения: 30. 11. 2023 г.).

Так, в настоящее время гл. 11 Федерального закона № 131-ФЗ содержит 10 статей, касающихся особенностей организации местного самоуправления в пределах различных «особых» территорий и публично-правовых образований их локализации. Это приграничные территории; территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР); территория «Сколково»; территории муниципальных образований, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях; на территориях инновационных научно-технологических центров и пр. В большинстве случаев эта особенность местного самоуправления в пределах данных территорий сводится к передаче части полномочий органов местного самоуправления неким иным структурам как государственного, так и негосударственного характера. Теперь сюда должны добавиться и аналогичные по сути особенности организации местного самоуправления в пределах особых «федеральных территорий», возможность создания которых сейчас получила практическое закрепление в федеральном законодательстве. Согласно действующему законодательству⁴, федеральная территория должна иметь свой Устав, свой Совет и даже свой бюджет, хотя источники его формирования не ясны. Для федеральной территории создается особая система управления, которой частично передаются полномочия субъекта Федерации (в т. ч. и по предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов), а также некоторые полномочия органов местного самоуправления.

Во-вторых, это аналогичные по характеру инициативы по формированию локальных территориально-экономических образований, реализуемые по инициативе самого субъекта Федерации. За пределами сфер исключительного федерального регулирования (внешне-экономическая деятельность; налогово-бюджетный процесс, кроме вопросов, попадающих в сферу полномочий субъектов Федерации; природоохранные требования) основные параметры функционирования таких территориально-экономических образований определяются субъектом Федерации. В настоящее время сюда можно отнести различные агломерационные образования, региональные наукограды, региональные особые экономические зоны, промышленные зоны, кластеры, индустриальные парки, иные субрегиональные территориально-экономические образования и пр. Большое количество подобных образований, при разнообразии целевых установок их функционирования, имеет такую оборотную сторону, как отсутствие упорядоченного нормативно-правового регулирования их финансово-хозяй-

---

⁴ Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371784/ (дата обращения: 30.10. 2023 г.).

ственной деятельности, а также порядка взаимодействия с органами местного самоуправления.

При этом следует учесть, что если рассматриваемые новации устанавливаются и регулируются федеральным центром, права (круг полномочий) органов местного самоуправления в пределах подобных территорий либо не меняются (федеральные наукограды), либо подвергаются некоторому «усечению» (территории опережающего развития). Напротив, органы власти субъектов Федерации при формировании у себя неких новых территориально-экономических образований не могут сокращать (урезать) установленный федеральным законом круг полномочий муниципалитетов по вопросам местного значения, однако могут «маневрировать» ими в плане того, на каком уровне субрегиональной власти эти полномочия фактически исполняются.

На данный момент основные пространственные характеристики управления экономикой региона (помимо собственно самого субъекта Федерации) заданы прежде всего системой муниципальных органов власти, а также структурами управления территориально-экономическими образованиями, не являющимися органами публичной власти (например, управляющие организации территорий опережающего развития). Однако локация, сфера действия и круг полномочий этих органов управления не всегда выглядят оптимально, в частности с точки зрения интересов устойчивого, инновационно ориентированного развития территорий как единого социально-экономического комплекса. Отсюда вполне закономерно выглядит стремление субъектов Федерации, не нарушая их формальное административное деление и действующую систему институтов местного самоуправления, осуществить у себя различные (чаще всего неформальные) новации, позволяющие более полно и продуктивно использовать пространственно-экономический потенциал данного региона.

Попытки регионов России создать в своем экономическом пространстве различные обособленные территории, характеризующиеся особыми природно-климатическими условиями, условиями развития и размещения производительных сил, а также особыми трендами расселения, имеют достаточно давнюю историю. В частности, они включают в себя практику социально-экономического зонирования территории субъектов Российской Федерации, выделения в ней различных промышленных, аграрно-сырьевых и иных «поясов» и пр. В последнее время акцент в проведении подобной работы сместился на активизацию агломерационных процессов, в том числе базирующихся на формировании территориально-кластерных структур [11; 14]. Очень часто формирование агломерационных образований определяется как стратегический курс развития экономики региона.

Ввиду отсутствия единого нормативно-правового регулирования, исчерпывающе и достаточно конкретно описывающего необходимые или хотя бы наиболее значимые признаки агломерации, точно указать на количество агломераций, имеющих на данный момент в стране (а в некоторых случаях даже и в пределах одного субъекта Федерации), практически очень сложно. Это также связано с тем, что некоторые территориально-экономические образования, имеющие многие признаки агломерации, сложились давно, и в настоящее время весь вопрос сводится к тому, как закрепить этот статус нормативно-правовым образом (если считать, что это вообще необходимо). В других случаях агломерационные образования только формируются или даже только планируются. В последние годы многие регионы России декларируют наличие (формирование) у себя агломераций, хотя анализ чаще всего показывает в таких случаях отсутствие четкой нормативно-правовой базы таких агломерационных процессов и систем управления ими. Не всегда ясно, на какие именно позитивные экономические и социальные эффекты рассчитаны эти процессы и как именно их предполагается достичь.

Такой документ, как Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г., выделяет три вида агломераций. Прежде всего это как бы малая агломерация с населением более 250 тыс. человек населения. Далее это крупная агломерация (500–1000 тыс. человек) и крупнейшая агломерация (более 1 млн человек населения). Однако при всей их важности для формирования пространственной картины экономики российских регионов, агломерации, тем более крупные и крупнейшие, охватить всю их территорию не могут. А что за их пределами? Ясно, что и для этих территорий необходимы некие институциональные формы (механизмы) их включения в единый процесс внутрирегиональной кооперации, хозяйственных взаимодействий и пр. Речь идет о формах территориальной организации, не нарушающих принцип единства экономического пространства региона, но позволяющих создавать для внеагломерационных территорий условия для более эффективного использования их хозяйственного потенциала.

Очевидно, что такие территории также нуждаются в неких «центрах притяжения» и управления хозяйственными и социальными процессами на территории. С этой целью в Стратегии пространственного развития вводится такое понятие, как «опорный населенный пункт». Таковой определяется как населенный пункт, расположенный вне границ городских агломераций, на базе которого обеспечивается ускоренное развитие инфраструктуры, позволяющей реализовать социальные гарантии в сфере образования, доступность медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализацию иных потребностей населения территории одного или нескольких муниципальных образований.

К сожалению, данная стратегия не проясняет статуса и механизмов реализации задач, поставленных перед опорными населенными пунктами (дополнительные полномочия и финансовые ресурсы; межмуниципальные соглашения и пр.). Не ясно и то, нуждается ли статус такого поселения в нормативно-правовом закреплении, и если да, то какой орган власти должен его осуществлять. Однако ясно, что в данном случае речь идет о проблемах и перспективах значительного круга российских муниципалитетов, что должно найти отражение в концептуальных, нормативно-правовых и стратегических документах по развитию местного самоуправления в стране [8].

Одной из возможных и во многом уже апробированных форм организации названных выше «внеагломерационных территорий» выступают так называемые субрегионы. Научное оперирование понятием «субрегион», и тем более его практическое использование, затруднено тем, что единого определения этого понятия нет; часто оно адресуется различным образованиям регионального, межрегионального и даже международного уровней. В нашей работе мы будем понимать под субрегионом территориально-экономический феномен, формирующийся вне агломерационных образований и образующий систему устойчивых межмуниципальных хозяйственных взаимодействий. Такая характеристика внеагломерационных образований не означает экономической замкнутости того или иного субрегиона; он остается не только возможным участником хозяйственных взаимодействий с агломерациями, но и, как показывает практика, составляет резерв их дальнейшего расширения в объективно приемлемых рамках. Не случайно одну из ранее опубликованных статей [3, с. 19] мы завершили выводом о том, что активный курс на агломерационные процессы «потребуется определиться с системой компенсационных мер, в частности за счет широких программ поддержки малых и средних городов, а также прочих «неагломерируемых» поселений».

В этой статье мы рассмотрим данную проблему на примере формирования и функционирования субрегионов Самарской и Свердловской областей, Республики Башкортостан и других регионов России.

Субрегионы как возможная альтернатива муниципальной реформы на принципах реального федерализма

Появление нового законопроекта об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации⁵ вызывало не

⁵ Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 30. 11.2023 г.).

только мощный поток критических замечаний в адрес этого документа, но и повсеместно укрепило мнение о том, что существенная реформа муниципальной организации в стране, действительно, крайне необходима. В нашей экономической литературе уже неоднократно делались попытки определить то, что должно стать лейтмотивом такой реформы. Мы отметим лишь такой важный вектор реформы, как расширение институционального разнообразия в системе российского местного самоуправления при федерализации практики его регулирования. Это не означает допущения произвольной фабрикации на местах все новых форм (видов) институтов местного самоуправления. Речь идет о существенном расширении круга этих форм (видов), допускаемых федеральным законодателем и по своему выбору используемых в регионах с учетом их природно-территориальных, социально-экономических, национально-этнических и иных условий. Очевидно, что переход к такой модели муниципальной организации в стране требует и ее законодательного закрепления. Для подготовки конкретных, обоснованных решений по данным вопросам целесообразно использовать опыт, уже накопленный в целом ряде регионов страны. В частности, это касается опыта Самарской области.

Современную территориально-пространственную организацию Самарской области определяет прежде всего наличие третьей по величине в Российской Федерации Самарско-Тольяттинской агломерации (далее – СТА), действующей на основе закона субъекта Российской Федерации⁶. В отличие от большинства российских агломерационных образований СТА является полицентрической агломерацией и включает в себя Самарское «ядро» и Тольяттинское «ядро». Иногда в качестве «ядра» СТА указывается также и г. Сызрань [7]. 14 февраля 2014 г. между правительством Самарской области и главами администраций восьми городских округов и девяти муниципальных районов Самарской области было подписано соглашение о сотрудничестве и взаимодействии по развитию данной агломерации. Одновременно был создан Координационный совет по развитию СТА.

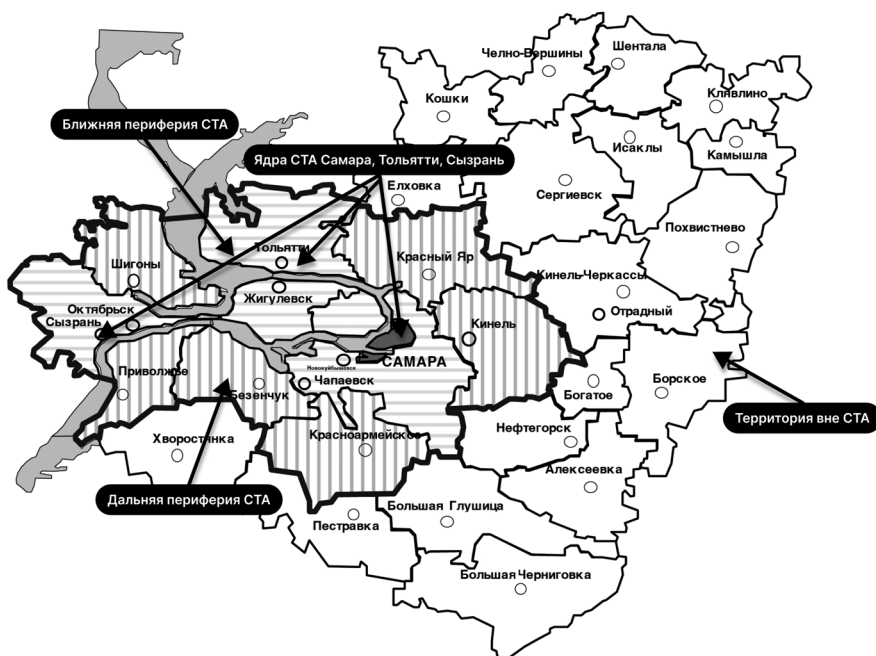
Основные параметры СТА были заданы в Стратегии социально-экономического развития Самарской области до 2030 г.⁷ Сайт Министерства экономического развития и инвестиций Правительства Самарской области (economy.samregion.ru) также содержит достаточно подробную информацию о составе СТА, ее «экономическом весе» и перспективах развития. Так, по данным Министерства, в насто-

⁶ Постановление Правительства Самарской области от 12.07.2017 г. № 441 «Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 г.» (дата обращения: 30.10.2023 г.).

⁷ Там же.

ящее время в состав данного агломерационного образования входят 8 из 10 городских округов и 9 из 27 муниципальных районов области. На территории СТА проживает 2,7 млн человек – это 86,5% населения области. В СТА производится 73% промышленной и 42% сельскохозяйственной продукции региона; осваивается 84% инвестиций. В рамках СТА действуют мощные научно-технический, проектный и образовательный комплексы. Это наиболее значительный вклад одного агломерационного образования в экономику российского региона.

При этом, при явной асимметрии локализации экономической активности в данном регионе, в чисто территориальном разрезе область поделилась на агломерационную (примерно $\frac{1}{3}$ территории) и внеагломерационную части (см. рис. 1).

Примечание: заштрихованы агломерационные территории области.

Источник: [14].

Рис. 1. Агломерационные и внеагломерационные территории Самарской области

Кроме того, интенсивное развитие внутрорегиональных межмуниципальных связей привело к формированию в регионе целого ряда территориальных субрегионов (кластеров) за пределами Самарского и Тольяттинского «ядер» СТА. Каждый такой субрегион (всего их семь – Сызранский, Юго-Западный, Отрадненский, Нефтегорский, Похвистневский, Сергиевский и Южный) представляет собой систему муниципальных образований, характеризующихся сходным уровнем

и структурой экономики, инфраструктурной связанностью, общностью социального пространства и в целом – особо значимым местом в хозяйственном комплексе региона. Согласно стратегии, субрегионы – это полупериферийные и периферийные территории региона, сформированные преимущественно из расчета сложившихся межмуниципальных связей. Очевидно, что ставка на агломерационные образования как главную «точку роста» экономики региона не означает, что все прочие территории области могут остаться без внимания к их хозяйственным и социальным проблемам и без соответствующих мер поддержки.

В Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 г.⁸ отмечается, что основными направлениями развития субрегионов в области станет решение таких задач, как развитие дорожно-транспортной и телекоммуникационной инфраструктур; совершенствование социальной инфраструктуры; обеспечение населения чистой питьевой водой, формирование современной системы водоснабжения, водоочистки и водоотведения; улучшение санитарного состояния территорий, развитие комплексной системы сбора, утилизации и переработки отходов; развитие экологической и рекреационной функции территорий; создание межмуниципальных туристических объектов и пр. Импульс развитию субрегионов придаст реализация ряда инвестиционных проектов, полностью или частично локализуемых в данной группе муниципальных образований региона.

Как отмечено в Стратегии развития Самарской области, в рамках поддержки субрегионов будет реализована региональная политика, направленная на поддержание устойчивости расселения, в том числе и на территориях с низкой бюджетной обеспеченностью, низкой плотностью населения, а также с дефицитом рабочих мест. Возможно, такую направленность политики пространственного развития области следует считать одним из ее приоритетов, направленных на то, чтобы избежать избыточных центростремительных трендов в размещении экономической активности по территории региона и, соответственно, не допустить откровенного запустения ее периферийных территорий [5].

Одним из инструментов решения этой задачи видится кластерный подход в развитии экономики субрегионов. Отечественный и зарубежный опыты показывают, что территории, в пределах которых формируются кластеры, чаще других становятся лидерами экономического роста. В частности, в данном регионе реализуется идея активизиро-

---

⁸ Постановление Правительства Самарской области от 12.07. 2017 г. № 441 «Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 г.» (дата обращения: 30.10. 2023 г.).

вать развитие муниципальных образований на основе формирования субрегионального лесного кластера. Это – первая попытка применить кластерный подход на субрегиональном межмуниципальном уровне. Формирование кластера иного уровня, субрегионального, происходит путем условного объединения нескольких муниципальных образований на основе общности территории, наличия однородных природных ресурсов и ряда других факторов. На наш взгляд, кластерный подход успешно соотносится и с территориально-пространственной организацией Самарской области.

Примером такого подхода может служить формирование и развитие лесного кластера в пределах Северо-восточного субрегиона Самарской области. Проведение политики кластерного развития экономики данного субрегиона со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления путем выполнения целого ряда программных мероприятий должно привести к следующим результатам:

- росту конкурентоспособности существующих предприятий лесного комплекса в результате улучшения условий для ведения бизнеса, созданию новых производств отрасли, диверсификации производства в субрегионе, созданию возможности для субрегиона стать дополнительной «точкой роста» экономики региона;
- увеличению занятости трудоспособного населения, росту денежных доходов и заработной платы;
- повышению доходов областного и местных бюджетов в результате роста прибыльности предприятий, заработной платы, поступлений земельного налога и других выплат за пользование лесными ресурсами;
- созданию наиболее благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса;
- укреплению межмуниципальных экономических связей, содействующих повышению конкурентоспособности территории;
- дальнейшему развитию механизмов муниципально-местного партнерства, повышению результативности взаимодействия органов исполнительной власти Самарской области, органов местного самоуправления с бизнес-сообществом в направлении активизации его участия в социально-экономическом развитии территорий;
- сокращению дифференциации по основным социально-экономическим показателям муниципальных образований субрегиона;
- повышению уровня и качества жизни населения муниципальных образований субрегиона.

Можно сделать вывод, что предпосылки и ожидаемые результаты формирования и развития лесного кластера Северо-Восточного субрегиона Самарской области подтверждают возможность исполь-

зования кластерного подхода в качестве нового, современного инструмента региональной политики области по отношению к отдельным группам муниципальных образований. Это может стать примером результативного управленческого взаимодействия областных властей и органов местного самоуправления, выявляющим «узкие места» в пространственной организации экономики области и нацеленным на преодоление дифференциации территориального развития.

Идея субрегионов отражена и в Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 г.⁹ В данном случае субрегионы республики представляют собой экономические районы субрегионального уровня, формируемые в рамках межмуниципального стратегического сотрудничества и реализующие программы комплексного решения общих для субрегиона проблем развития. В настоящее время в Республике Башкортостан официально утверждены два таких субрегиона: Северо-восток Республики и Зауралье Республики.

Вместе с тем все более укрепляется точка зрения, что оперирование системой субрегионов на неформальном (операционном) уровне не позволяет извлечь всех выгод и преимуществ из заложенного здесь гибкого подхода к институционализации пространственной структуры региона. При таком подходе, как отмечали эксперты, в субрегионе отсутствуют признаки административной единицы; нет «своих» органов управления; такой субрегион создается на ограниченный период времени; управление им реализуется через программу развития, основанную на механизмах межмуниципального сотрудничества. Как ни парадоксально, но именно такой механизм формирования и функционирования (помимо внеагломерационных территорий) чаще всего просматривается и для самих агломераций.

Ситуацию можно существенно улучшить, если логически продолжить или практически реализовать идею создания субрегионов в сфере административно-территориального деления региона и, соответственно, в системе его муниципальной организации. Так, И.А. Тажитдинов предлагает использовать комбинированный экономико-административный подход к пространственному развитию на субрегиональном уровне [15]. В рамках такого подхода внутри региона выделяются новые формы структурной организации хозяйственного пространства – субрегионы, представляющие собой зону консолидации полномочий и ресурсов для решения социально-экономических проблем территорий. Это и возможно, и целесоо-

---

⁹ Постановление Правительства Республики Башкортостан от 20 декабря 2018 года № 624 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года» (дата обращения: 30.10. 2023 г.).

бразно, поскольку, как правило, в субрегионы объединяются муниципальные образования со схожими проблемами социально-экономического развития, устойчивыми хозяйственными связями, общими или аналогичными по характеру точками роста или предпосылками для их формирования.

Интересным примером инициативных (т. е. не продиктованных свыше) со стороны федерального центра новаций в пространственной структуре региона могут служить управленческие округа Свердловской области. Эти округа имеют длительную историю. Еще 4 марта 1996 г. был подписан Указ Губернатора области «О внесении изменений и дополнений в структуру исполнительной власти области»¹⁰, которым структура исполнительной власти была дополнена «системой территориальных исполнительных органов государственной власти Свердловской области, с образованием шести управленческих округов». Указом был определен состав управленческих округов: Восточный, Южный, Горнозаводский, Западный, Северный. Шестой округ (Центральный) создан не был, а г. Екатеринбург остался муниципальным образованием, не вошедшим в состав округов. Администрации управленческих округов действуют на основе закона Свердловской области «Об исполнительных органах государственной власти Свердловской области». Управляющие округами назначаются указом губернатора области.

Управленческие округа данного региона имеют важные особенности. Во-первых, округа изначально получили возможность формировать свои администрации, хотя не имеют собственной правосубъектности и финансируются за счет бюджета области. Во-вторых, если субрегионы Самарской области формировались как попытка несколько ограничить тенденцию к агломерированию значительной части территории региона, то в Свердловской области этот аргумент формирования субрегиональных структур явно не обозначался. Более того, когда в ноябре 2020 г. главы 14 муниципалитетов региона подписали соглашение о взаимодействии органов местного самоуправления в рамках агломерации «Большой Екатеринбург», возникло некоторое наложение «окружной» структуры региона и агломерационной структуры, а сама надобность существования округов была поставлена под сомнение.

Аналогичные попытки сегодня осуществляются в таком регионе, как Краснодарский край. Всего в рамках Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г. было выделено семь

¹⁰ Указ Губернатора Свердловской области от 4 марта 1996 г. № 78 «О внесении изменений и дополнений в структуру исполнительной власти области, утвержденную Указом Губернатора от 18.09.1995 г. № 12 (дата обращения: 30.10.2023 г.).

экономических округов: Северный, Центральный, Восточный, Черноморский, Предгорный, Сочинский и Краснодарский¹¹.

Объединение в одно экономическое пространство округа предположительно позволит муниципалитетам реализовать тренд комплексного устойчивого развития; совместно принимать участие в масштабных программах и проектах регионального и межмуниципального уровня. В частности, главная цель Черноморского округа – дальнейшее развитие санаторно-курортного и туристского центра общегосударственного уровня – центра с развитой инфраструктурой, способной круглогодично привлекать гостей и жителей края.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает тенденцию усиления разнообразия внутрирегиональной организации территориально-экономических структур сообразно специфике того или иного региона страны. Цель такого разнообразия в том, чтобы сбалансировать тренды пространственного развития регионов в контексте их разделения на агломерационные и внеагломерационные территории; расширить возможности внутрирегиональной производственной специализации и кооперации; придать конкретные перспективы пространственному стратегированию и территориальному планированию в субъекте Федерации.

В социально-экономическом контексте институцию субрегионов следует рассматривать как противовес трендам избыточной агломерации в виде «стягивания» всех видов экономических ресурсов региона в одно-два агломерационных образования. Однако специфическая роль субрегионов в решении этой важной задачи не всегда просматривается достаточно конкретно. Например, в рассмотренной выше Стратегии развития Самарской области указывается, что основными направлениями развития субрегионов станет развитие разной инфраструктуры, в т. ч. и социальной. В частности, это обеспечение населения чистой питьевой водой; улучшение санитарного состояния территорий, развитие комплексной системы сбора, утилизации и переработки отходов производства и пр. Все это – очень актуальные задачи. Но тогда причем здесь именно субрегионы? Решать названные задачи можно и нужно независимо от того, есть ли в субъекте Российской Федерации субрегионы или их нет. Как полагают авторы данной статьи, *дополнительные возможности социально-экономического развития*

---

¹¹ Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 года № 3930-КЗ от «Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года» (дата обращения: 30.10.2023 г.).

территорий, получаемые именно в связи с формированием института субрегионов, должны получить более конкретное обоснование в рамках регионального стратегического планирования (см., например: [1]).

При этом в рамках дальнейшего научно-практического осмысления институции субрегионов акцент должен быть перенесен на их роль в совершенствовании практики пространственного стратегирования и территориального планирования в субъекте Федерации в целях повышения адресности, а значит, и эффективности использования этих методов управления на региональном уровне. Однако решение этих задач возможно только на базе адекватного нормативно-правового регулирования и тесного взаимодействия органов власти субъекта Федерации и органов местного самоуправления, функции, полномочия и ресурсы которых должны быть адаптированы к допустимому по закону разнообразию территориально-экономических структур. Пока же конкретные пути такой адаптации в программно-стратегических документах субъектов Федерации, использующих институт субрегионов, практически не обозначаются. Примером может служить вопрос об организации систем управления (в т. ч. местного самоуправления) в рамках агломерационных образований. Это касается и уже упомянутого выше института «опорных территорий». *Не имеет четко ответа даже такой, казалось бы, вполне банальный вопрос: могут ли различаться по статусу агломерационные и внеагломерационные муниципальные образования, и если да, то какими могут быть эти отличия и кем они могут быть установлены?*

Проблема во многом заключается в том, что имеющийся законопроект по местному самоуправлению не расширяет возможности субъектов Федерации по инициативной реорганизации своих территориально-экономических структур с их проекцией на используемые институты местного самоуправления. Напротив, законопроект сводит такие возможности к минимуму, поскольку предполагает только три вида муниципалитетов: городской округ; муниципальный округ; внутригородское муниципальное образование города федерального значения. Какие-либо иные формы муниципальной организации, отвечающие специфическим условиям того или иного региона, в данном случае полностью исключаются. В итоге получается, что в случае принятия законопроекта все регионы страны будут вынуждены оперировать округами как единственно допустимым видом муниципальных образований. Все это совершенно несообразно формирующемуся в стране многообразие территориальной организации экономики регионов, т. к., по сути, эта ситуация противопоставляет объективно востребованную гибкость пространственных структур экономики регионов косности его муниципальной организации. Другими словами, речь идет о нескоординированности динамично меняющейся пространственной организации экономики и муниципальной реформы на региональном уровне.

Это противоречие имеет и тот негативный эффект, что неоправданная жесткость, негибкость муниципальной организации серьезно ограничивают эффективность внутрирегионального социально-экономического, в т. ч. пространственного стратегирования. Всякое стратегирование достаточно результативно лишь тогда, когда оно осуществляется от лица того или иного органа (уровня) публичной власти, имеющего четко закрепленные полномочия, ответственность и необходимые ресурсы. Различного рода инициативные территориально-экономические образования, даже при всей целесообразности их обособления, не могут осуществлять такое стратегирование в полном объеме, если они не наделены достаточными полномочиями как представители публичной власти. Как мы полагаем, в рамках федеративной реформы право наделения такими полномочиями должно быть предоставлено субъектам Российской Федерации, осуществляющим ту или иную модель реорганизации своего экономического пространства [1].

Скорее всего, для этих целей нет необходимости «ломать» уже действующую сеть муниципалитетов в том или ином регионе. Здесь возможны два варианта решения проблемы. В рамках действующего законодательства о местном самоуправлении субрегионы могут функционировать как муниципальные районы, а в случае принятия изменения/ изменений, вносимых упомянутым законопроектом, – как муниципальные округа. И в том и другом случае целесообразно наделение органов управления субрегиона дополнительными полномочиями и дополнительными ресурсами: во втором случае – от субъекта Федерации, в первом случае – от субъекта Федерации и поселенческих муниципалитетов, входящих в данный субрегион. Разумеется, подобные действия нуждаются в их подтверждении со стороны представительных органов власти соответствующего круга муниципальных образований, а также органов власти субъекта Федерации. Кроме того, возможность осуществления подобных реорганизаций должна быть отражена и в базовом законодательстве по местному самоуправлению в Российской Федерации.

Создание благоприятных экономических и институционально-правовых предпосылок позитивной роли таких институций, как субрегионы, не сводится только к корректировкам в нормативно-правовых документах, касающихся функционирования органов местного самоуправления и субрегионального управления в целом. Также и многие другие сферы экономических отношений, где субрегионы должны быть закреплены законом как полноправные участники этих отношений, а также как субъекты стратегического планирования. В частности, это практика налогового и бюджетного планирования; использование государственно-частного и муниципально-частного партнерства; поддержка малого и среднего предпринимательства и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессонов И.С. Структуризация экономического пространства и методы пространственного анализа как особенности идентификации пространственного потенциала малых предприятий. В сб. «Механизм реализации стратегии социально-экономического развития государства». Сб. материалов XII Международной науч.-практ. конф. (23–24 сент. 2020 г.) / под ред. А.М. Эсетовой. Махачкала: Дагестан. гос. техн. ун-т, 2020. С. 64–67.
2. Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В., Кожевников О.А. Местное самоуправление: реформировать, но не уничтожать // Самоуправление. 2022. № 1. С. 12–15. EDN: NKULFC.
3. Бухвальд Е.М. Федеративная реформа: возможен ли новый этап? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 2. С. 34–49. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_34_49. EDN: PYJTYM.
4. Бухвальд Е.М., Рябова И.А. Государство и местное самоуправление: как обеспечить новый уровень взаимодействия? // Региональная экономика. Юг России. 2021. Т. 9. № 1. С. 4–15. DOI: org/10.15688/re.volsu.2021.1.1. EDN: TBIVGO.
5. Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Атаева А.Г. Методологический подход и инструментарий обеспечения сбалансированного пространственного развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 75–91. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.5. EDN: LHJIEU.
6. Глазунова И.В. Делегирование полномочий между органами исполнительной власти и органами местного самоуправления // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 12. С. 291–299. DOI: 10.34755/IROK.2022.36.24.020.
7. Домнина С.В., Подкопаев О.А. Составляющие развития Самарско-Тольяттинской агломерации // Финансовая экономика. 2020. № 8. С. 47–52. DOI: 10.25997/FIE.2020.79.8.001. EDN: VGCAZL.
8. Дорошенко С.В., Третьяк А.Н., Илинбаева Е.А. Концепция стратегии социально-экономического развития субрегионального образования // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2014. № 2 (38). Номер статьи: 3807.
9. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Субрегиональное управление и развитие местного самоуправления в регионах России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 4. С. 7–31. DOI: 10.24411/2071-6435-2018-10034.
10. Иванова М.А. Поправки-2020 как основа для усиления экспансии государства над органами местного самоуправления // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 3. С. 20–25. DOI: org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-20-25.
11. Константинович Д.А., Федосеева О.Ю. Городские агломерации в России: проблемы и перспективы (с учетом опыта формирования и развития Самарско-Тольяттинской агломерации) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 2. № 3 (50). С. 98–110. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_3_98.
12. Ларичев А.А., Маркварт Э. Локальные сообщества как инструмент развития общемуниципальной демократии: опыт Германии и уроки для России // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5 (138). С. 74–88. DOI: 10.21128/1812-7126-2020-5-74-88. EDN: XJYWPI.
13. Некрасов С.И. Экстерриториальная компетенция в территориальной организации публичной власти // LexRussica (Русский закон). 2017. № 1 (122). С. 140–152.

14. Павлов Ю. В. Выявление и анализ агломерационных эффектов в экономике региона (на примере Самарской области) // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 8. С. 2983–3004. DOI: 10.18334/epp.13.8.118827.
15. Тажитдинов И.А. Субрегион как особое звено территориально-экономической системы: сущность, особенности функционирования и управления // Вестник Уфимского гос. тех. университета. Экономика и управление народным хозяйством. 2013. Т. 17. № 1 (54). С. 191–197.
16. Шамхалов М.А., Эльмурзаев А.М. Особенности общих принципов организации местного самоуправления в Российской Федерации // Закон и право. 2019. №5. С. 45–47. DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10192.EDN: ZFAMVN.

REFERENCES

1. Bessonov I.S. Structuring of the economic space and methods of spatial analysis as the features of identifying the spatial potential of small enterprises. In the collection: The mechanism for implementing the strategy of socio-economic development of the state. A study of the 12th International Scientific Practical Conference (September 23–24, 2020) / edited by A.M. Esetova. Makhachkala: Dagestan State Technical University, 2020. Pp. 64–67. (In Russ).
2. Buchwald E.M., Voroshilov N.V., Kozhevnikov O.A. Local self-government: to reform, but not to destroy // Self-government. 2022. No. 1. Pp. 12–15. EDN: NKULFC. (In Russ).
3. Buchwald E.M. Federal reform: is a new stage possible? // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 2. P. 19. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_34_49. EDN: PYJTYM. (In Russ).
4. Buchwald E.M., Ryabova I.A. The state and local self-government: how to ensure a new level of interaction? // Regional economy. South of Russia. 2021. Vol. 9. No. 1. Pp. 4–15. DOI: org/10.15688/re.volsu.2021.1.1. EDN: TBIVGO. (In Russ).
5. Gainanov D.A., Gataullin R.F., Ataeva A.G. Methodological approach and tools for ensuring balanced spatial development of the region // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2021. Vol. 14. No. 2. Pp. 75–91. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.5. EDN: LHJIEU. (In Russ).
6. Glazunova I.V. The Delegation of powers between executive authorities and local self-government bodies // Current issues of the modern economy. 2022. No. 12. Pp. 291–299. DOI: 10.34755/IROK.2022.36.24.020. (In Russ).
7. Domnina S.V., Podkopaev O.A. Components of the development of the Samara-Tolyatti agglomeration // Financial economics. 2020. No. 8. Pp. 47–52. DOI: 10.25997/FIE.2020.79.8.001. EDN: VGCAZL. (In Russ).
8. Doroshenko S.V., Tretyak A.N., Ilinbaeva E.A. The concept of the strategy of socio-economic development of sub-regional education // Regional economics and Management: an electronic scientific journal. 2014. № 2 (38). Article number: 3807. (In Russ).
9. Ivanov O.B., Buchwald E.M. Sub-regional management and development of local self-government in the regions of Russia // STAGE: economic theory, analysis, practice. 2018. No. 4. Pp. 7–31. DOI: 10.24411/2071-6435-2018-10034. (In Russ).
10. Ivanova M.A. Amendments of 2020 as a basis for strengthening the expansion of the state over local governments // Bulletin of the Russian Law Academy. 2021. No. 3. Pp. 20–25. DOI: org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-20-25. (In Russ).

11. *Konstantinovich D.A., Fedoseeva O.Yu.* Urban agglomerations in Russia: problems and prospects (taking into account the experience of formation and development of the Samara-Tolyatti agglomeration) // Bulletin of the Volzhsky State University after V.N. Tatishchev. 2022. Vol. 2. No. 3 (50). Pp. 98–110. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_3_98. (In Russ).
12. *Larichev A.A., Markwart E.* Local communities as a tool for the development of general municipal democracy: the German experience and lessons for Russia // Comparative Constitutional Review. 2020. No. 5 (138). Pp. 74–88. DOI: 10.21128/1812-7126-2020-5-74-88. EDN: XJYWPI. (In Russ).
13. *Nekrasov S.I.* Extraterritorial competence in the local organization of public authority // Lex Russica (Russian Law). 2017. No. 1 (122). Pp. 140–152. (In Russ).
14. *Pavlov Yu.V.* Identification and analysis of agglomeration effects in the economy of the region (on the example of the Samara region) // Economics, entrepreneurship and law. 2023. T. 13. No. 8. Pp. 2983–3004. DOI: 10.18334/epp.13.8.118827. (In Russ).
15. *Tazhitdinov I.A.* The subregion as a special link of the territorial-economic system: the essence, features of functioning and management // Bulletin of the Ufa State Technical University. university. Economics and management of the national economy. 2013. Vol. 17. No. 1 (54). Pp. 191–197. (In Russ).
16. *Shamkhalov M.A., Elmurzaev A.M.* Features of the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation // Law and law. 2019. No. 5. Pp. 45–47. DOI 10.24411/2073-3313-2019-10192. EDN: ZFAMVN. (In Russ).

Дата поступления рукописи: 03.10.2023 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бухвальд Евгений Моисеевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
buchvald@mail.ru

Бессонов Игорь Сергеевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, организации и стратегии развития предприятия Самарского государственного экономического университета, Самара, Россия
igornews@rambler.ru

ABOUT THE AUTHORS

Evgeny M. Buchwald – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Federal Relations and Regional Development at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
buchvald@mail.ru

Igor S. Bessonov – Cand. Sci. (Econ.), Assistant Professor of the Department of Economy, Organization and Enterprise Development Strategy, Samara State University of Economics, Samara, Russia
igornews@rambler.ru

SUBREGIONS IN THE SPATIAL ORGANIZATION OF THE RUSSIAN FEDERATION REGIONS

In recent years, a number of factors have emerged significantly focused attention on the problems and prospects for the development of Russian local self-government. This is the order of the President of the Russian Federation V.V. Putin regarding the preparation of the new foundations for state policy in the field of local self-government; the introduction of a draft law on the general principles of local self-government organization in the country and, finally, the active dissemination of new forms of territorial structuring in the regions, such as agglomerations, economic zoning, various subregional entities, etc. All these tendencies relate to possible modifications in the activities of local self-government institutions. Using the example of a number of regions of Russia, the article examines the attempts of the subjects of the Federation to make certain changes in the interregional territorial structure and management of economic and social processes in order to ensure full and effective use of the municipal level potencial and the advantages of intermunicipal cooperation.

Such innovations, in particular, are implemented as the formation of special subregions, which represent a territorial and economic phenomenon that is formed outside agglomerations and that establishes a system of sustainable intermunicipal economic interactions.

Keywords: *municipal government, municipal reform, subregional territorial entities, government regulation, strategic planning.*

JEL: O18, R12.

С.А. БРАТЧЕНКО

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

НЕСОГЛАСОВАННОСТЬ ЦЕЛЕЙ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ: ОБЗОР ПРАКТИКИ И АНАЛИЗ СИТУАЦИЙ¹

Реализация государственных программ зачастую не приводит к достижению их стратегических целей, к решению тех социально-экономических задач, ради которых они разрабатывались. На материале нескольких государственных программ в статье показано, что одной из значимых причин этой проблемы является несогласованность целевых параметров государственных программ (показателей, мероприятий, контрольных событий) со стратегическими целями этих программ. Проведенное исследование подтвердило, что на практике степень согласованности показателей и мероприятий (контрольных событий) государственных программ с их стратегическими целями разнится от программы к программе: в ряде программ утверждены нерелевантные показатели, не содействующие достижению стратегических целей соответствующих госпрограмм. Другой важной причиной недостижения как стратегических, так и операционных целей госпрограмм является несогласованность мероприятий (контрольных событий) с целями госпрограмм. В статье раскрыто понятие несогласованности целей в управлении, представлены рекомендации по выбору согласованных целевых параметров государственных программ. Существенным препятствием для повышения качества управления государственными программами является действующая методика оценки эффективности реализации государственных программ, согласно которой основным условием их успешности выступает достижение целевых значений показателей без учета достижения стратегических целей.

Ключевые слова: государственная программа, стратегические и операционные цели, несогласованность целей, достижимость целей, показатели, мероприятия, контрольные события, национальные цели.

УДК: 338.24

EDN: FXOLFG

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_28_46

---

¹ Статья подготовлена в рамках темы государственного задания ФГБУН Институт экономики РАН «Трансформация и развитие институтов государственного управления в новых социально-экономических условиях».

Введение

Вот уже почти два десятилетия, с 2005 г., когда было объявлено о приоритетных национальных проектах², основным инструментом решения стратегических задач государственного управления выступают (в различных видах) государственные проекты: национальные проекты, федеральные проекты, государственные программы, федеральные целевые программы и пр., а с 01.10.2021 – еще и Единый план по достижению национальных целей развития РФ (далее – Единый план)³. О важной роли проектного управления свидетельствует тот факт, что на реализацию 38 государственных программ в 2023 г. предполагалось выделить 79% Федерального бюджета⁴.

Ранее нами уже была предпринята попытка исследования несогласованности целей в государственном управлении, в рамках которого была предложена типология данного феномена. В частности, был выделен случай несогласованности целей в рамках одного проекта (одной государственной программы (далее – ГП)) [1, с. 85]. В виду той роли, которую играют госпрограммы в государственном управлении и о которой шла речь в предыдущем абзаце, было продолжено изучение несогласованности целей в рамках государственных программ. Эта проблема и является предметом настоящего исследования.

В статье анализируются данные о госпрограммах, разработанных на 2021 г. В качестве объекта исследования выступают следующие ГП, реализуемые в 2021 г.: «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»⁵, «Развитие авиационной промышленности»⁶,

² Программа приоритетных национальных проектов была сформулирована Президентом России В.В. Путиным 5 сентября 2005 г. в обращении к федеральному правительству, парламенту страны и руководителям регионов (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23157> (дата обращения: 03.12.2023)), сами приоритетные национальные проекты начали реализовываться с 2006 г.

³ «Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года», утвержден Распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р. <https://base.garant.ru/402907041/> (дата обращения: 14.12.2023).

⁴ <https://programs.gov.ru/Portal/home> (дата обращения: 03.12.2023).

⁵ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности”». <https://base.garant.ru/70643464/?ysclid=lt2yek2zrl249834237> (дата обращения: 10.01.2024)

⁶ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 303 (ред. от 22.11.2022) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие авиационной промышленности”». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162188/ (дата обращения: 28.01.2024).

«Научно-технологическое развитие»⁷, «Экономическое развитие и инновационная экономика»⁸ и «Развитие внешнеэкономической деятельности»⁹.

Целеполагание как фактор, определяющий качество управления государственными программами

Проблема выбора целей при разработке государственных программ нашла достаточно широкое отражение в научной литературе. В качестве одной из значимых причин низкого качества управления государственными программами ученые отмечают некорректное целеполагание, прежде всего в отношении выбора показателей ГП [2, с. 5; 3, с. 35; 4, с. 34; 5, с. 67; 6, с. 6; 7, с. 65], несогласованность целей государственного управления [1; 8, с. 179].

Эта проблема имеет два измерения – практическое и методологическое (институциональное). С одной стороны, в силу заинтересованности участников «в некоторых госпрограммах прослеживается явная деградация: широкомасштабные цели политики подменяются более локальными задачами либо пустыми по сути фразами или абстрактными декларациями» [9, с. 10]. С другой стороны, «значительное число ученых сходятся во мнении, что проблемы целеполагания не сводятся к недоработкам составителей ГП, а имеют институциональные корни» [10, с. 40]. На это указывали академики С.Ю. Глазьев, В.В. Ивантер, В.Л. Макаров, А.Д. Некипелов, Р.С. Гринберг и др. [11, с. 15-16], Е.Б. Ленчук с соавторами [12, с. 33, 35], А.Е. Городецкий [13, с. 37], Ю.Б. Винслав [14, с. 13]. Более того, высказывалось мнение, что «недостатки, «зацементированные» в системе разработки и реализации государственных программ, делают их непригодными для решения амбициозных и комплексных задач» [15, с. 215].

⁷ Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”». <https://base.garant.ru/72216664/> (дата обращения: 11.01.2024).

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”» (от 25 августа 2023 г. № 1385). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162191/854091cacc247df1c6774f4f03b0ac1ce496921c/ (дата обращения: 26.01.2024).

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 330 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие внешнеэкономической деятельности”» (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 31 марта 2021 г. № 508). <https://base.garant.ru/70644016/> (дата обращения: 17.01.2024).

На данном этапе исследования мы намерены сконцентрироваться на практическом аспекте и попытаться понять, насколько могут быть согласованы или не согласованы целевые параметры между собой в рамках одной программы.

В этой связи возникает вопрос о том, что такое согласованность целей – в целом в управлении, и при разработке и реализации государственных программ в частности. В общем контексте согласованность означает слаженность и сонаправленность действий, отсутствие противодействия и противоречий. Соответственно, *согласованность целей означает их взаимную сонаправленность, когда достижение одной цели содействует достижению другой, и наоборот.*

Однако если цели связаны причинно-следственными связями, их согласованность оказывается односторонней, а не двухсторонней, не симметричной. То есть если цель А выступает одной из причин цели В, то достижение цели А должно содействовать достижению цели В, а вот достижение цели В вовсе не обязательно будет содействовать достижению цели А. Например, повышение конкурентоспособности обычно приводит к росту спроса и, как следствие, к увеличению объемов производства. А вот рост производства вовсе не обязательно приводит к повышению конкурентоспособности и даже, более того, не является индикатором повышения конкурентоспособности, поскольку рост производства может иметь место в результате целого ряда иных причин.

Поэтому при выборе целевых параметров государственных программ следует обязательно анализировать, являются ли эти параметры зависимы друг от друга, связаны ли они причинно-следственными связями, и уже исходя из этого принимать решение о выборе целей.

Здесь и далее мы проводим четкое различие между стратегическими целями управления (в данном случае – целями государственных программ) и операционными целями (в данном случае – показателями/индикаторами государственных программ). Стратегические цели обычно представляют собой социально-экономическую проблему или задачу, которую предстоит решить; они носят качественный характер (например, повышение конкурентоспособности промышленности). Операционная цель – это аппроксимация, точнее, одномерная проекция «объемной» качественной стратегической цели, используемая в операционном управлении и обладающая свойствами SMART, она обычно выражается в виде набора индикаторов (показателей). Подробнее об этом см. в [1, с. 81–84].

При этом мы исходим из того, что система целей субординирована, и действительной целью управления является достижение именно стратегической цели (например, в ГП «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» – развитие и повышение конкурентоспособности промышленности), а все остальные целевые пара-

метры ГП являются вспомогательными и должны быть направлены на достижение стратегической цели, то есть сонаправлены со стратегической целью [1, с. 82].

В этом контексте мы будем считать цели (целевые параметры) согласованными, если цель нижнего порядка содействует достижению цели высшего порядка. То есть стратегические цели и операционные цели (показатели) ГП согласованы в том случае, если достижение показателей содействует достижению стратегических целей ГП.

Институциональная конструкция целевых категорий государственных программ

Прежде чем перейти к собственно исследованию, рассмотрим институциональную конструкцию целевых категорий ГП и их взаимосвязь.

Согласно действующему корпусу нормативных документов¹⁰, регулирующих разработку государственных программ, к целевым категориям ГП относятся национальные цели, стратегические цели (стратегические приоритеты ГП), целевые показатели ГП, мероприятия и контрольные точки (контрольные события) ГП. При разработке ГП предполагается следующая последовательность действий.

Исходя из приоритетов и целей социально-экономического развития РФ, в том числе национальных целей и обеспечения национальной безопасности РФ, составляется перечень государственных программ¹¹.

Для каждой госпрограммы формулируются стратегические цели (называемые стратегическими приоритетами) и включающие: а) оценку текущего состояния соответствующей сферы социально-экономического развития или обеспечения национальной безопасности; б) описание приоритетов и целей государственной политики в сфере реализации данной ГП; в) задачи государственного управления и способы их эффективного решения; г) задачи, определенные в соответствии с национальными целями¹².

Для каждой (стратегической) цели ГП формируются показатели, отражающие конечные общественно значимые социально-экономические эффекты от реализации данной ГП¹³.

¹⁰ В частности, Положения о системе управления государственными программами Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 26 мая 2021 года № 786 (далее – ПП №786). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385064/ (дата обращения: 27.11.2023).

¹¹ Согласно п. 28 ПП №786.

¹² Согласно п. 22 ПП №786.

¹³ Согласно п. 15 ПП №786.

Ключевым элементом ГП выступает мероприятие: само понятие государственная программа определяется в Постановлении № 786 как «комплекс мероприятий»¹⁴. Мероприятие определяется как «действие (совокупность действий), направленное на достижение показателей государственных программ»¹⁵; соответственно, предполагается, что должны выбираться мероприятия, содействующие достижению целевых значений показателей.

Мероприятия наряду со стратегическими целями и показателями ГП относятся к целевым категориям ГП, разница только в том, что стратегические цели описывают целевое качественное состояние социально-экономической системы, показатели количественно характеризуют один из аспектов этой социально-экономической системы, а мероприятия – комплекс целенаправленных действий исполнителей, их деятельные цели в процессе реализации госпрограммы.

После этого, в зависимости от регулярности и продолжительности проведения мероприятий, определяются контрольные события/контрольные точки¹⁶.

Связь с достижением национальных целей должна быть показана как для программы в целом, так и для отдельных ее элементов – показателей и мероприятий¹⁷.

Связь показателей (операционных целей) со стратегическими целями ГП

Рассмотрим согласованность/несогласованность показателей (операционных целей) государственных программ со стратегическими целями последних на конкретных примерах.

1. В паспорте программы ГП «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» стратегическая цель сформулирована как «формирование в гражданских отраслях промышленности Российской Федерации глобально конкурентоспособного сектора с высоким экспортным потенциалом, обеспечивающего достижение национальных целей развития», а в числе ожидаемых результатов реализации программы, в частности «увеличение производства и экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью, в том числе высокотехнологичной, обеспечивающее рост производства по высокотехнологичным обрабатывающим видам экономической деятельно-

---

¹⁴ Согласно п. 2 ПП №786.

¹⁵ Согласно п. 15 ПП №786.

¹⁶ Согласно п. 15 ПП №786.

¹⁷ Согласно пп. 5, 16, 18, 23 и 32 ПП №786.

сти в 2030 году на 80 процентов по сравнению с 2019 годом»¹⁸. В числе основных показателей программы – индекс производства и объем экспорта.

Как отмечалось выше, повышение конкурентоспособности действительно обычно приводит к росту производства и экспорта. Однако рост производства и увеличение экспорта могут иметь место как вследствие повышения конкурентоспособности, так и в результате целого ряда иных причин, и поэтому достижение целевого показателя индекса производства вовсе не тождественно повышению конкурентоспособности. Индекс производства может вырасти, например в результате увеличения государственных закупок, а экспорт – в результате снижения курса рубля при том же качественном состоянии отечественной промышленности. Между тем задача качественного управления государственными программами заключается именно в том, чтобы выбрать такие показатели, достижение которых содействовало бы достижению стратегической цели.

В данном случае мы вынуждены констатировать несогласованность операционных целей (показателей) ГП со стратегическими целями программы.

2. Для подпрограммы «Вертолетостроение» ГП «Развитие авиационной промышленности» основными показателями являются:

- выручка, рентабельность активов, рентабельность продаж и производительность труда в отрасли;
- количество поставленных вертолетов и доля российских машин на мировом рынке вертолетов¹⁹.

Первая группа показателей (за исключением показателя производительности труда) перемещает акценты руководителей отрасли с развития на коммерческие ориентиры. Эти цели гораздо легче достигаются повышением цен, чем разработкой новой модели вертолета с уникальными качествами; повышение цен вполне возможно, поскольку рынок вертолетов вряд ли можно назвать слишком насыщенным, а в условиях слабой конкуренции снижение или поддержание цен на одном уровне не является императивом. Количество поставленных вертолетов также подталкивает к количественному росту, а не к разработке новых моделей. А вот показатель экспорта подталкивает разрабатывать и производить все лучшие и более конкурентоспособ-

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 28 января 2021 г. № 66 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности”». <https://base.garant.ru/400258681/> (дата обращения: 07.12.2023).

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 29 марта 2021 г. № 480 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Развитие авиационной промышленности”». <https://base.garant.ru/400529297/> (дата обращения: 21.12.2023).

ные машины; но этот показатель оказался не универсальным, и в условиях санкций его целевые значения должны быть пересмотрены. Это означает, что большая часть утвержденных показателей в действительности не стимулирует развитие вертолетостроения, то есть достижение стратегических целей госпрограммы.

3. Стратегическая цель подпрограммы «Фундаментальные научные исследования» госпрограммы «Научно-технологическое развитие» – «формирование научного задела для устойчивого и долгосрочного развития РФ за счет эффективной реализации фундаментальных научных исследований»²⁰.

Достижение данной цели предполагается через ряд показателей, рассмотрим основные из них в контексте согласованности с целями ГП. Показатель «Удельный вес бюджетных расходов на фундаментальные исследования в ВВП» и «Внутренние затраты на исследования и разработки за счет всех источников, в % от ВВП» характеризуют затраты на научные исследования, которые безусловно являются необходимым условием проведения исследований. При этом совсем необязательно, что бюджетные средства будут потрачены эффективно и приведут к фундаментальным открытиям.

Показатель «морские экспедиции» также является необходимым условием проведения научных исследований в ряде областей науки, но не гарантирует получение научного результата, к тому же он касается только небольшой части областей науки.

Представляется, что эти два показателя могут быть полезны в операционном управлении, но они не могут быть критериями развития науки, и в этом смысле можно говорить об их несогласованности со стратегической целью подпрограммы «Фундаментальные научные исследования» госпрограммы «Научно-технологическое развитие» – получение фундаментальных научных результатов.

Показатель «Численность российских и зарубежных ученых, работающих в российских организациях и имеющих статьи в научных изданиях первого и второго квартилей, индексируемых в международных базах данных», отражает стремление повысить число ученых, публикующих свои работы в ведущих мировых научных журналах. Публикация статьи в одном из ведущих мировых журналов, конечно, свидетельствует об уровне ученого. Этот показатель можно назвать согласованным со стратегической целью развития науки (хотя данный показатель может «работать» не во всех областях науки: физики и

---

²⁰ Постановление Правительства РФ от 31 марта 2021 г. № 518 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”». <https://base.garant.ru/400644870/> (дата обращения: 24.12.2023).

медики изучают проблемы, общие для всего человечества; а вопросы особенностей поэзии Есенина вряд ли заинтересуют англоязычных читателей).

В этой связи напрашивается вопрос о публикациях в российских журналах и, как следствие, о повышении культуры публикаций в наших отечественных журналах. Справедливости ради следует отметить, что такая работа ведется и Министерством науки и высшего образования, и ВАК, и РИНЦ, и редакторами ведущих журналов, и позитивные сдвиги в этом вопросе, произошедшие за последние годы, нельзя не заметить.

Это означает, что в данной госпрограмме имеет место частичная согласованность показателей со стратегическими целями программы.

4. Для подпрограммы «Совершенствование системы государственного стратегического управления» ГП «Экономическое развитие и инновационная экономика» утверждено три показателя:

- количество подготовленных проектов нормативных правовых актов, направленных на совершенствование механизмов государственных инвестиций (единиц);
- среднее отклонение ключевых макроэкономических показателей (процентных пунктов);
- доля учтенных в федеральной адресной инвестиционной программе адресно распределенных государственных капитальных вложений, не обеспеченных заключениями по проектной документации (процентов)²¹.

Что тут можно сказать? Стремиться максимизировать число нормативных актов представляется нонсенсом. Желательно, чтобы документов было столько, сколько требуется, а государственная машина работала бы «как часы». Доля учтенных адресно распределенных капитальных вложений, не обеспеченных проектной документацией, свидетельствует о низком качестве выполнения рутинной работы государственной машиной. Эту проблему, несомненно, нужно решать, но это никак не связано с совершенствованием самой системы стратегического государственного управления. Отклонение значений ключевых макроэкономических показателей характеризует точность прогноза и обычно решается утверждением менее напряженных и значит легче достижимых показателей, но это опять никак не связано с совершенствованием самой системы стратегического государственного управления.

---

²¹ Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 379 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72117260/> (дата обращения: 23.12.2023): именно этим Постановлением был утвержден паспорт госпрограммы, действовавший в 2021 г.

Очевидно, что далеко не все индикаторы госпрограмм столь же нерелевантны – это не была случайная выборка, в качестве объектов анализа специально были выбраны критичные примеры. Тем не менее, вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что:

- в ряде программ утверждены нерелевантные показатели, не содействующие достижению стратегических целей соответствующих госпрограмм;
- достижение операционных целей (показателей) госпрограммы не обеспечивает автоматическое достижение стратегических целей ГП;
- выбор нерелевантных показателей является одним из значимых факторов низкого качества управления государственными программами.

Согласованность мероприятий (контрольных событий) со стратегическими и операционными целями (показателями) госпрограмм

В качестве следующего шага рассмотрим мероприятия и контрольные события ГП, и насколько они согласованы с операционными целями (показателями) и стратегическими целями ГП. От этого непосредственно зависит, будет ли реализация мероприятий содействовать достижению стратегических и/или операционных целей ГП.

Изучение мероприятий и контрольных событий выборки госпрограмм («Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», «Научно-технологическое развитие», «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Развитие авиационной промышленности», «Развитие внешнеэкономической деятельности») позволило выделить четыре случая.

1. Мероприятия ГП нацелены на достижение операционных целей (показателей) ГП и не согласованы со стратегическими целями.

Примером выступает ГП «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» в отношении автомобилестроения: в данном случае задача составителей ГП состояла в выборе мероприятий, которые содействовали бы показателю подпрограммы – индексу производства. В качестве средства достижения этой цели было выбрано субсидирование, что обычно стимулирует продажи и, как следствие, объем производства.

При этом связь мероприятий с операционными целями (показателями) может быть по существу и по форме. В данном случае мы можем наблюдать формальную связь: если мы проанализируем конкретные виды субсидий, то увидим, что 95% субсидий выплачивалось производителям для компенсации ряда текущих затрат (не предполагая смены модельного ряда, без улучшения организации производства), еще 4,8% средств компенсировало логистику, стимулировало

лизинг и участие банков в автокредитовании²². Все эти 99,8% средств лишь подтолкнули чисто временный количественный рост производства. Деньги госбюджета были потрачены, произведя весьма краткосрочный эффект, никакого развития производства (улучшения организации производства) или улучшения качества продукции не произошло (и только 0,2% средств было выделено для повышения конкурентоспособности – возмещения части расходов по обслуживанию кредитов, взятых на обновление модельного ряда и модернизации производственных мощностей)²³. Соответственно, реализация данных мероприятий не привела к устойчивому росту российского автомобилестроения, то есть операционные цели были достигнуты лишь формально. К достижению стратегических целей госпрограммы – повышению конкурентоспособности автомобилестроения – реализация программы закономерно не привела.

Кроме того, показателями ГП являются индекс физического объема инвестиций в основной капитал и соотношение инвестиций в основной капитал и валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств. Каким образом стимулирование продаж должно увеличивать инвестиции в основной капитал и улучшать отношение инвестиций в основной капитал к добавленной стоимости, остается неясным.

2. Мероприятия ГП нацелены на достижение стратегических целей ГП, но слабо связаны с операционными целями (показателями) госпрограммы.

Этот случай был обнаружен в ГП «Развитие авиационной промышленности», подпрограмме «Вертолетостроение». Показатели подпрограммы отражают видение сторонника идеального рынка – выручка, рентабельность продаж, рентабельность активов... Как будто бы задача государства – содействовать максимально быстрому обогащению владельцев вертолетостроительных заводов, в то время как стране нужны новые современные вертолеты. Четыре из пяти мероприятий подпрограммы действительно работают на развитие нашего отечественного вертолетостроения и повышения его конкурентоспособности, они связаны с конструированием и доработкой новых модификаций вертолетов Ка-62, Ми-38-2 и «Ансат-2», то есть работают на достижение стратегических целей²⁴. Однако возникает вопрос о том, что в соответствии

²² Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов». <https://base.garant.ru/75018021/> (дата обращения: 21.12.2023).

²³ Там же.

²⁴ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 303 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности»». <https://base.garant.ru/70644068/> (дата обращения: 15.12.2023).

с правилами оценки эффективности государственных программ²⁵ при недостижении плановых значений показателей реализация программы может быть признана неэффективной.

3. Мероприятия ГП нацелены как на достижение стратегических, так и операционных целей ГП.

Такой пример мы можем найти в подпрограмме «Развитие производства традиционных и новых материалов (редкие и редкоземельные металлы)» госпрограммы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». Для развития отрасли составители программы решили использовать государственную поддержку инвестиционного проекта²⁶. Вероятно, реализация инвестиционного проекта смогла бы не только количественно увеличить выпуск таких металлов, но и инвестору выгодно, чтобы вложение средств было максимально эффективным, то есть в проекте использовались бы новые технологии, производилась бы продукция более высокого качества, и т. п. То есть могло бы иметь место как развитие отрасли металлургии редких и редкоземельных металлов, так и повышение ее конкурентоспособности. На первый взгляд, идея выглядит весьма плодотворной, но к сожалению, реальные условия конкурса оказались таковы, что желающих участвовать в инвестиционном проекте не нашлось: оба мероприятия оказались нереализованными.

4. Мероприятия включают текущую деятельность госучреждения (в российском госуправлении это называется «процессными мероприятиями») и слабо связаны как со стратегическими, так и с операционными целями программы.

Примером выступает подпрограмма «Реализация приоритетных направлений внешнеэкономической деятельности в процессе международного экономического сотрудничества» госпрограммы «Развитие внешнеэкономической деятельности». В число показателей входят: число новых внешнеторговых проектов компаний, реализуемых при поддержке торговых представительств РФ в иностранных государствах; доля машин, оборудования и транспортных средств в общем экспорте товаров, в текущих ценах; участие Российской Федерации в переговорных мероприятиях ВТО²⁷. В качестве мероприя-

---

²⁵ Правила формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ РФ, утверждены постановлением Правительства РФ от 15 мая 2023 года № 752. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406791816> (дата обращения: 23.12.2023).

²⁶ Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов». <https://base.garant.ru/75018021> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁷ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 330 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической

тий утверждены: проведение в 2021 г. российско-абхазского делового форума, российско-азербайджанского межрегионального форума, российско-армянского межрегионального форума, российско-киргизского межрегиональной конференции, конференции по межрегиональному сотрудничеству России и Таджикистана, форума межрегионального сотрудничества России и Казахстана, форума межрегионального сотрудничества между Россией и Узбекистаном; обеспечение продвижения интересов РФ в торгово-экономической сфере в рамках подготовки и участия во встречах министров экономики и внешней торговли БРИКС; оказание содействия формированию позитивного имиджа России и привлечению иностранных инвестиций в российскую экономику²⁸. То есть мероприятия представляют собой по сути фрагмент плана работы департамента развития и регулирования внешнеэкономической деятельности Министерства экономического развития РФ. И конечно, не принижая важности развития российско-абхазских отношений, следует отметить, что проведение российско-абхазского делового форума лишь в очень небольшой степени может содействовать увеличению доли машин, оборудования и транспортных средств в общем экспорте товаров, а динамика высокотехнологичного экспорта зависит прежде всего от иных факторов.

Несогласованность мероприятий со стратегическими и/или операционными целями (показателями) госпрограмм являются значимой причиной недостижения как первых, так и вторых.

Заключение

1. Таким образом, мы выяснили, что на практике степень согласованности показателей и мероприятий (контрольных событий) государственных программ с их стратегическими целями различается от программы к программе.

В целом можно констатировать, что в качестве одной из значимых причин низкого качества управления государственными программами (то есть недостижения их стратегических целей) выступает некорректное целеполагание. Так, в ряде программ утверждены нерелевантные показатели, не содействующие достижению стратегических целей соответствующих госпрограмм. Другой важной причиной недостижения как стратегических, так и операционных целей ГП является несогласованность мероприятий (контрольных событий) с целями госпрограмм.

деятельности"» (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 31 марта 2021 г. № 508). <https://base.garant.ru/70644016/> (дата обращения: 18.12.2023).

²⁸ Там же.

Вопросы о том, почему возможны прецеденты несогласованности (то есть институциональные корни проблемы) остались за рамками нашего настоящего исследования, мы намерены вернуться к изучению этого вопроса несколько позднее. Сейчас нам важны методологические аспекты проблемы: каким образом следует выбирать показатели, мероприятия и контрольные события госпрограмм.

2. Говоря о роли *целеполагания* (выбора целевых параметров госпрограмм) в обеспечении качества управления государственными программами, можно выделить следующие аспекты.

Показатель (операционная цель) выступает лишь одномерной проекцией качественной («бесконечномерной») стратегической цели. Операционные цели используются в оперативном управлении в качестве аппроксимации стратегических целей, они не являются эквивалентом стратегических, заменить стратегическую цель (решение социально-экономической проблемы или задачи) на операционную (то есть на один или несколько показателей) без существенного ущерба для качества управления нельзя.

Поэтому *проблема целеполагания заключается не в нахождении показателя (или даже нескольких), эквивалентного стратегической цели, так как эта задача неразрешима.*

Основная функция операционных целей (показателей) – возможность оперативного контроля за предполагаемым продвижением к стратегической цели в операционном управлении [1, с. 83].

То есть при выборе показателя важно выбрать *такой показатель, достижение которого действительно содействовало бы достижению стратегической цели.* В противном случае при достижении целевых значений показателя стратегическая цель оказывается недостигнутой. Кроме того, среди показателей, достижение которых содействует достижению стратегической цели, нужно выбрать наилучший (содействующий в наибольшей степени, или несколько лучших).

Именно в этом смысле можно говорить о качестве целеполагания, качестве показателя – в какой степени показатель является индикатором достижения цели, то есть отражает движение к стратегической цели.

3. Перечисленные в предыдущем пункте рекомендации являются необходимыми, но не достаточными условиями достижения стратегических целей госпрограмм. Существенным препятствием для повышения качества управления государственными программами является действующая методика оценки эффективности реализации ГП²⁹, согласно которой основным условием успешности реализации ГП

---

²⁹ Постановление Правительства РФ от 15 мая 2023 года № 752 «Об утверждении Правил формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффек-

выступает достижение целевых значений показателей без учета достижения стратегических целей. Роль показателей должна измениться. Показатели должны активно использоваться в управлении, но они должны быть вспомогательными, а не критериальными. Именно достижение стратегических целей должно стать критерием успешности реализации госпрограммы.

4. В свете вышесказанного нельзя не упомянуть о месте национальных целей в системе управления государственными программами (и в Едином плане в целом). В настоящее время достижение национальных целей является приоритетом государственного управления. Благодаря этому «стратегические цели государственных проектов (в том числе ГП) *de facto* выпали из процесса управления, перестали быть целями» [1, с. 93]. Коллизия ситуации заключается в том, что «поскольку привязка национальных целей происходила к уже «готовым» разработанным проектам, которые изначально составлялись для достижения совершенно иных целей, то достижение операционных целей (показателей) данных проектов совершенно не гарантирует достижение национальных целей» [1, с. 100].

Поэтому, с одной стороны, *целеполагание является значимым фактором*, влияющим на результаты реализации государственных программ, определяющим качество управления ГП. Поэтому при разработке государственных программ желательно строже подходить к выбору показателей и мероприятий ГП, чтобы при принятии и утверждении госпрограмм правительством быть уверенным, что показатели и мероприятия действительно содействуют достижению стратегических целей программ.

А с другой стороны, *проблема качества управления государственными программами не сводится к выбору операционных целей (показателей) и мероприятий* и поэтому не может быть решена исключительно мерами по улучшению выбора целевых параметров ГП. Для повышения качества государственного управления, достижения национальных целей, а также стратегических целей Единого плана (включающего стратегические цели государственных программ) должны быть пересмотрены существующие механизмы достижения национальных целей, а также действующая методика оценки эффективности реализации государственных программ.

тивности государственных программ Российской Федерации». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406791816> (дата обращения: 23.12.2023).

ЛИТЕРАТУРА

1. Братченко С.А. Несогласованность целей в государственном управлении // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 78–108. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_78_108. EDN: KDHKXU.
2. Блохин А.А., Адамян Э.А., Китаев А.Е., Миронова И.И. Сравнительные оценки параметров целей государства и других субъектов управления российской экономикой // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2019. № 2. С. 3–25. EDN: CDIDPT.
3. Братченко С.А. Качество государственного управления: теоретический, методологический и институциональный аспекты: Доклад. М.: Институт экономики РАН. 2021. EDN: TJSXWF.
4. Гумеров Р.Р., Гусева Н.В., Солнцева Л.И. Оценка качества государственных программ: итоги апробации многокритериальной модели (результаты, проблемы, возможности). Менеджмент и бизнес-администрирование. 2021. № 4. С. 28–38. DOI: 10.33983/2075-1826-2021-4-28-38. EDN: HZKJFF.
5. Пивоварова О.В. 2.2. Анализ реализации и оценка эффективности государственных программ Российской Федерации как условие обеспечения результативности в сфере управления государственным имуществом // Развитие России в новой реальности: состояние и перспективы: монография / Е.В. Суханов, Е.А. Милованов, В.Н. Немиров и др. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС; Воронежский государственный педагогический университет, 2017. EDN: YOFLAD.
6. Шап Н.Н. Управление эффективностью государственных программ: методологические основы разработки программного бюджета // Управленец. 2015. № 1. С. 4–15. EDN: TKAUGT.
7. Яндиев М.И., Климов Е.Б., Магомедова Ю.Д., Цечоев М.Т. Государственные программы города Москвы: цели, сроки, показатели // Россия и Азия. 2020. № 5. С. 65–71. EDN: UYQCHM.
8. Наумов С.Н., Сорокин И.А. Оценка государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» на предмет соответствия национальным целям развития Российской Федерации на период до 2024 года // Друкеровский вестник. 2020. № 1. С. 168–182. DOI: 10.17213/2312-6469-2020-1-168-182. EDN: CZLOOD.
9. Хотулёв Е.Л., Наумов С.Н., Блохин А.А. Новые вызовы программно-целевого управления: поиск ответов и решений. М.: ВАВТ, 2019. EDN: FVMORJ.
10. Братченко С.А. Институциональные аспекты целеполагания при разработке государственных программ // Государственная служба. 2023. № 5. С. 39–54. DOI: 10.22394/2070-8378-2023-25-5-39-54.
11. Глазьев С.Ю., Ивантер В.В., Макаров В.Л., Некителов А.Д., Татаркин А.И., Гринберг Р.С. и др. О стратегии развития экономики России // ЭНСР. № 3(54). 2011. EDN: OIOUNP.
12. Ленчук Е.Б., Филатов В.И., Ахаткин Н.Ю., Смотрицкая И.И. и др. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы: Коллективный научно-аналитический доклад / Под редакцией д.э.н. Е.Б. Ленчук. М.: Институт экономики РАН, 2018. EDN: MUSYMD.
13. Городецкий А.Е. Институты государственного управления в условиях новых вызовов социально-экономического развития: Монография. М.: Институт экономики РАН, 2018. EDN: SQEFMN.

14. Винслав Ю.Б. Год 2020-й: о сохраняющихся воспроизводственных угрозах и об их нейтрализации на путях совершенствования стратегического планирования и промышленной политики, развертывания национальной инновационной системы и ее отраслевых и региональных подсистем // Российский экономический журнал. 2020. №1. С. 4–53. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-1-3-53. EDN: NCFUXI.
15. Хотулев Е.Л., Наумов С.Н. Государственные программы как инструмент реализации новой экономической политики // Новая экономическая политика для России и мира. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции. XXVII Кондратьевские чтения / Под редакцией В.М. Бондаренко. М.: Международная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2019. С. 214–221. EDN: WHRJJR.

REFERENCES

1. Bratchenko S.A. Inconsistency of goals in public administration // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 6. Pp. 78–108. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_78_108. EDN: KDHKXU.
2. Blokhin A.A., Adamyan E.A., Kitaev A.E., Mironova I.I. Comparative estimates of the parameters of the goals of the state and other subjects of management of the Russian economy // Bulletin of the Moscow University. Ser. 6. Economics. 2019. No. 2. Pp. 3–25. EDN: CDIDPT.
3. Bratchenko S.A. Quality of public administration: theoretical, methodological and institutional aspects: Report. M.: Institute of Economics RAS. 2021. EDN: TJSXWF.
4. Gumerov R.R., Guseva N.V., Solntseva L.I. Assessment of the quality of government programs: results of testing a multi-criteria model (results, problems, opportunities) // Management and business administration. 2021. No. 4. Pp. 28–38. DOI: 10.33983/2075-1826-2021-4-28-38. EDN: HZKJFF.
5. Pivovarova O.V. 2.2. Analysis of the implementation and evaluation of the effectiveness of state programs of the Russian Federation as a condition for ensuring effectiveness in the field of state property management // Development of Russia in a new reality: state and prospects: monograph / E.V. Sukhanov, E.A. Milovanov, V.N. Nemirov, et al. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS; Voronezh State Pedagogical University, 2017. EDN: YOFLAD.
6. Shash N.N. Management of the effectiveness of state programs: methodological foundations for the development of a program budget // Manager. 2015. No. 1. Pp. 4–15. EDN: TKAUGT.
7. Yandiev M.I., Klimov E.B., Magomedova Yu.D., Tsechoev M.T. State programs of the city of Moscow: goals, deadlines, indicators // Russia and Asia. 2020. No. 5. Pp. 65–71. EDN: UYQCHM.
8. Naumov S.N., Sorokin I.A. Assessment of the state program of the Russian Federation “Scientific and technological development of the Russian Federation” for compliance with the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 // Drucker’s Bulletin. 2020. No. 1. Pp. 168–182. DOI: 10.17213/2312-6469-2020-1-168-182. EDN: CZLOOD.
9. Khotulev E.L., Naumov S.N., Blokhin A.A. New challenges of program-oriented management: search for answers and solutions. Moscow: VAVT, 2019. EDN: FVMORJ.

10. *Bratchenko S.A.* Institutional aspects of goal-setting in the development of state programs // Public Service. 2023. No. 5. Pp. 39–54. DOI: 10.22394/2070-8378-2023-25-5-39-54.
11. *Glazyyev S.Yu., Ivanter V.V., Makarov V.L., Nekipelov A.D., Tatarkin A.I., Grinberg R.S., et al.* On the strategy for the development of the Russian economy // ENSR. No. 3(54). 2011. EDN: OIOUNP.
12. *Lenchuk E.B., Filatov V.I., Akhapkin N.Yu., Smotritskaya I.I., et al.* Formation of the digital economy in Russia: problems, risks, prospects / Ed.: E.B. Lenchuk. M.: Institute of Economics RAS, 2018. EDN: MUSYMD.
13. *Gorodetsky A.E.* Institutes of public administration in the context of new challenges of socio-economic development: Monograph. M.: Institute of Economics, RAS. 2018. EDN: SQEFMN.
14. *Vinislav Yu.B.* The year 2020: on the continuing reproductive threats and their neutralization on the ways to improve strategic planning and industrial policy, the deployment of the national innovation system and its sectoral and regional subsystems // Russian Economic Journal. 2020. No. 1. Pp. 4–53. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-1-3-53. EDN: NCFUXI.
15. *Khotulev E.L., Naumov S.N.* State programs as a tool for implementing a new economic policy // New Economic policy for Russia and the world. Collection of scientific papers of the participants of the International Scientific Conference. XXVII Kondratiev readings. Ed. by V.M. Bondarenko. M.: International Public Organization for the Promotion of the Study and Promotion of the scientific Heritage of N.D. Kondratiev, 2019. Pp. 214–221. EDN: WHRJJR.

Дата поступления рукописи: 19.01.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Братченко Светлана Анатольевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5066-0678
svetlana.bratchenko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Bratchenko – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5066-0678
svetlana.bratchenko@gmail.com

INCONSISTENCY OF GOALS IN THE DEVELOPMENT OF GOVERNMENT PROGRAMS: SURVEY OF PRACTICES AND CASE STUDIES

The implementation of government programs often does not lead to the achievement of their strategic goals, to the solution of those socio-economic tasks for which they were developed. Based on the material of several state programs, the work shows that one of the significant causes of this problem is the inconsistency of the target parameters of state programs (indicators, measures, control events) with the strategic goals of these programs. The conducted research confirmed that in practice, the degree of consistency of indicators and measures (control events) of state programs with their strategic goals varies from pro-

gram to program: a number of programs have approved irrelevant indicators that do not contribute to achieving the strategic goals of the relevant state programs. Another important reason for the failure to achieve both strategic and operational goals of government programs is the inconsistency of measures (control events) with the goals of government programs. The paper reveals the concept of inconsistency of goals in management, provides recommendations on the selection of agreed target parameters of government programs. A significant obstacle to improving the quality of government program management is the current methodology for evaluating the effectiveness of program implementation, according to which the main condition for the success of the implementation is the achievement of target values of indicators without taking into account the achievement of strategic goals.

Keywords: *government program, strategic and operational goals, inconsistency of goals, achievability of goals, indicators, measures, control events, national goals.*

JEL: B41, E61, H50, H83, L52, L62, L72, O25.

О.С. СУХАРЕВ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ НА БАЗЕ РАЗВИТИЯ СЕКТОРА «ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ»

Статья посвящена вопросам технологического суверенитета российской экономики. Как основное условие его обеспечения определено целенаправленное формирование и развитие сектора «экономика знаний». Предложен подход к измерению технологического суверенитета по конкретным направлениям технологического развития и видам экономической деятельности. На основе результатов регрессионного анализа связи затрат на внутренние исследования и разработки и валовой добавленной стоимости сектора «экономика знаний» установлено наличие проблемы, связанной с эффективностью этих затрат и подчинением их исключительно задаче развития экономики знаний. Сделан вывод о том, что нужны новые подходы к формированию экономики знаний, которая должна быть существенно расширена прежде всего за счет наращивания объемов затрат, направляемых на разработку новых технологий и на поддержание сложившихся стандартных технологических цепочек, а также и за счет повышения эффективности этих затрат. Методологию исследования составили эмпирический, сравнительный, структурный и регрессионный анализ, а также разработки автора в области количественных измерений. Показано применение авторской методики оценки сектора «экономика знаний» в России и влияние этого сектора на хозяйственное развитие, определяемое по масштабу и вкладу в темп экономического роста.

Ключевые слова: сектор «экономика знаний», технологии, затраты на исследования и разработки, технологический суверенитет, экономический рост, методы измерения.

УДК: 338.1 (338.22)

EDN: GBHMQW

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_47_64

Введение

Современные технологии составляют базу текущего и будущего экономического развития, создавая условия для научно-технических прорывов, модернизации промышленности и перехода на наукоемкий тип экономического роста [1; 2; 4; 11]. Существенным образом на

внедрение технологических инноваций и их распространение влияет состояние систем науки и образования [6], качество инженерных кадров, институциональные условия функционирования различных секторов экономики [5], финансовый капитал [3].

В разных странах в зависимости от исходной технологической и научно-образовательной базы формируются различные режимы технологического развития и инноваций [8]. При этом в процессе технологической эволюции, базирующейся на результатах четырех промышленных революций [12; 14; 15; 17], происходил обмен не только знаниями (существует принципиальная разница между фундаментальным и технологическим знанием), но и технологиями, что обуславливало возникновение некоторых уровней зависимости. Эта зависимость формировалась и изменялась начиная от первой промышленной революции, когда эффект быстрой индустриализации еще никак не сказывался на темпе экономического роста, до четвертой, при которой сквозные технологии приобрели самодовлеющее влияние. Они обеспечили генерацию возможностей по иным технологическим решениям, нивелируя технологическую зависимость и одновременно порождая ее благодаря коммуникации и обмену знаниями и информацией, что детерминирует процесс технологического дополнения и замещения, а также и трансфер технологий. Сегодня, когда противоречия между странами приобрели повышенную остроту, возникла необходимость обеспечения национального технологического суверенитета.

Борьба за обеспечение технологического суверенитета идет по многим направлениям, включая собственно технологии, финансы, инфраструктуру, науку и образование (правила организации этих сфер), идеологию, государственные решения стратегического характера и формы взаимодействия государств. Для достижения успехов в этой борьбе используются, в частности, финансовые платформы, построенные на сквозных (цифровых) технологиях. Так, китайские компании активно и успешно применяют платформенные платежные сервисы [7], тогда как страны Европы противодействуют доминированию таких технологий, если они не подконтрольны органам Европейского Союза.

Соперничество разворачивается в рамках развития и так называемой экономики, основанной на знаниях¹ [9]. Причина в том, что без

---

¹ Распространенный в научной литературе термин «экономика знаний» будет применяться и в этой статье. Однако автор предпочитает говорить об экономике знаний как особо выделяемом секторе, ответственном за производство, распространение и применение передового знания, включая технологическое знание. Любая экономика, как хозяйственная система, базируется на знаниях. Даже в аграрном обществе для возделывания почвы были необходимы определенные знания (например, о методе чересполосицы). Другое дело, что в прошлом знания не были продуктом, создаваемым с целью распространения и продажи.

основы в виде знаний и достижений фундаментальной науки, наравне с прикладными разработками, обеспечить технологический суверенитет, понимаемый как независимость от импортных технологий, не представляется возможным. При этом прежде всего требуется независимость в получении научного знания, которое чуть позже (в редких случаях одновременно) превратится в технологическое знание.

Исследования в области технологического суверенитета в настоящее время ведутся по двум магистральным направлениям: измерение его уровня (индекс технологического суверенитета) и определение факторов, влияющих на него [16]. Также проводятся исследования, направленные на уточнение содержания понятия «технологический суверенитет» и условий его обеспечения, в частности, связанных с усилением глобальной конкуренции в области технологического развития [13].

Отдельные экономисты-аналитики дают усложненные определения технологического суверенитета, в то время как это понятие весьма простое по своему смыслу. Суверенитет означает независимость, и применительно к технологиям она должна касаться именно этой области, то есть состоять в создании своих способов производства (технологий), а не в закупке их по импорту. Однако и импортные технологии могут пройти отечественную модификацию и выйти из внешней зависимости, например оторваться от внешнего снабжения и обслуживания. Такие действия и такая политика будут также означать обеспечение технологического суверенитета. Таким образом, у процесса обеспечения технологического суверенитета как минимум две составляющие – это создание своих технологий и превращение ранее закупленных за рубежом технологий в свои собственные. Отказ от импорта технологий также может рассматриваться как способ обеспечения технологического суверенитета, хотя и примитивный, поскольку в таком случае могут теряться возможности создания конкретных видов благ.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать основной инструмент обеспечения технологического суверенитета России в виде развития сектора «экономика знаний» [10], поскольку именно он влияет на формирование технологического знания, науку и технику, а также в том, чтобы предложить метод оценки технологического суверенитета, позволяющий конкретизировать список задач по его обеспечению. Для достижения поставленной цели решались две основные задачи. Во-первых, показать особенности функционирования сектора «экономика знаний» в России. Во-вторых, обозначить способы измерения суверенитета и сектора «экономика знаний», дав оценку влияния указанного сектора на экономическую динамику в России.

Технологический суверенитет: методология оценки

Технологический суверенитет – это прежде всего независимое развитие в области техники и технологий, средств производства, фондовой базы экономики и формирования человеческого капитала. По этой причине технологический суверенитет не может быть обеспечен, если присутствует сильная зависимость в области науки, образования, а также в финансово-инвестиционной сфере от внешних центров и бенефициаров. Таким образом, главным условием обеспечения технологического суверенитета России, на взгляд автора, выступает развитие сектора «экономика знаний», создающего как новые виды научного знания, так и новые кадры, которые становятся носителями генерируемого технологического знания. Оно возникает на базе фундаментальных разработок и проводимых научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКР).

Технологический суверенитет складывается из следующих трех главных компонентов: разработка отечественных технологий (на основе фундаментального и технологического знания), замещение импортных технологий отечественными, а там, где это по различным причинам невозможно, модификация импортных технологий на отечественной обслуживающей базе и инфраструктуре без привязки к внешнему импортному обслуживанию. В процессе технологического замещения должен учитываться критерий эффективности эксплуатации техники и технологий – замещение выгодно тогда, когда вытесняемая технология показывает меньшую эффективность или уровень технологичности. Однако если ставить задачу освобождения от зависимости по импорту, то допустимо, чтобы отечественные технологии были хотя бы равнозначны импортным по эффективности и уровню технологичности. По многим производственно-техническим направлениям в России потребуется создавать новые технологии и соответствующую аппаратную базу. При этом нужно особо подчеркнуть, что поскольку речь идет о технологическом суверенитете в значении независимости, постольку не вполне корректно вносить именно в эту задачу еще и замещение продуктового импорта, так как это расплывает прилагаемые усилия.

Технологический суверенитет необходимо обеспечивать по тем производственным и технологическим направлениям, где отсутствуют отечественные технологии и оборудование, потому что они покупаются по импорту, либо по тем, где доля импортных технологий высока. Там, где Россия самостоятельно создает свои технологии и контролирует виды производства, например в военно-технической области, такой суверенитет уже обеспечен (гиперзвук, лазерные системы построены на новых физических принципах). Подобные успехи имеются и в гражданской авиации, ледокольном судостроении, атомной

и космической промышленности, в отдельных видах общего машиностроения. Здесь, скорее всего, имеет смысл ставить задачу сохранения, поддержания либо наращивания суверенитета. Это не то же самое, что обеспечить технологический суверенитет, когда он отсутствует и высока зависимость от импорта технологий, включая критические, причем как по сквозным, так и широкого применения.

Таким образом, задачу и условие обеспечения технологического суверенитета можно и нужно ограничить теми видами деятельности и экономическими секторами, где имеется внешняя зависимость именно по технологиям. Конечно, следует активизировать усилия по развитию науки, и прежде всего таких ее направлений, как искусственный интеллект, генетика и биотехнологии, наноиндустрия и биоэлектронные системы, медицина, фармакология, вирусология, информатика. Это способно привести к прорыву в области робототехнических систем и систем управления, а также в области продления жизни, что составляет передовой край науки и технологий.

В России имеется перечень критических технологий². По каждой 27 групп технологий, приведенных в перечне, а также по каждой подгруппе внутри группы и следует оценивать уровень технологической независимости. Агрегация по всем 27 группам представляется нецелесообразной. Результаты таких расчетов не удастся корректно интерпретировать. Это же относится к сравнительной оценке стран и регионов по уровню технологического суверенитета. Такие большие системы по одним направлениям (группам и подгруппам технологий) могут обладать технологическим суверенитетом, а по другим – нет.

Когда импортная технология подлежит замене? Тогда, когда имеется, восстановлена ранее утерянная или создана новая отечественная технология как минимум с той же эффективностью и обеспечивающая тот же уровень технологичности. В идеальном варианте, разумеется, она должна превосходить импортную технологию по эффективности и уровню технологичности. Если отечественная технология отсутствует и не может быть в обозримый период создана, то обеспечение суверенитета может быть достигнуто за счет «русификации» имеющейся зарубежной технологии. Это возможно, например, за счет модернизации, изменения интерфейса либо перестройки технологической инфраструктуры³ (корректируется периферия технологии, а ядро

---

² Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 16.12.2015 № 623). <http://government.ru/docs/all/77983/>.

³ Такие подходы на протяжении нескольких десятилетий на практике реализовывал Китай.

пока сохраняется⁴). При этом процесс замещения технологии может быть вынужденным или спланированным. При уходе из-за санкций некоторых зарубежных фирм с российского рынка возникает необходимость вынужденного замещения. Когда целенаправленно планируется разработка и ввод отечественной технологии вместо зарубежной, то это второй тип технологического замещения.

Условие обеспечения технологического суверенитета может быть сведено к исходной технологической базе и отечественному потенциалу, к состоянию производственно-аппаратного оснащения и промышленности в целом, а также заделов фундаментальной науки и проводимых НИОКР. Значение будет иметь как спрос на новые технологии, так и возможности инвестирования в замену фондов и оборудования.

Технологический суверенитет может быть обеспечен только по отдельно взятому технологическому или производственному направлению. Это требует оценки уровня зависимости / независимости по конкретным технологиям. Иногда может иметься зависимость только от одной технологии. Но она так встроена в общую технологическую цепочку, что заменить ее невозможно из-за отсутствия такой же отечественной. Решением в таком случае является только разработка аналогичной или лучшей отечественной технологии.

Уровень технологического суверенитета (независимости) по каждому производственно-технологическому направлению может быть оценен как отношение числа отечественных технологий к числу импортных. Если отсутствуют отечественные технологии, то имеется нулевой суверенитет (независимость). Если же отсутствуют импортные технологии, то показатель можно принять равным числу отечественных технологий (чтобы не обозначать его бесконечно большим числом из-за нуля в знаменателе). Таким образом, независимость или суверенитет изменяются от нуля до числа отечественных технологий (при полном отсутствии импортных).

Усреднять или агрегировать показатель технологического суверенитета по всей совокупности производственно-технологических направлений, то есть для всей экономики, представляется неправомерным действием при проведении измерений. Причина в том, что увеличивать независимость нужно по каждому направлению с учетом возможной их связности, как и связности технологий. И вряд ли

---

⁴ Здесь используется авторский подход к модели технологии, представленной в виде некоего ядра, слабо поддающегося модернизации, и периферии, которую можно корректировать, меняя параметры эффективности эксплуатации данной технологии (См.: Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. М.: Финансы и статистика, 2014).

удастся получить достоверный результат при измерении технологического суверенитета, рассчитывая его индекс (TSI), как это предложено в работе [16], по регионам или стране в целом.

При имеющихся проблемах с измерением суверенитета возникают ограничения в части формирования модели его обеспечения и управления этим процессом. Однако отраслевая и прикладная ориентация государственной политики в этой области способны дать положительный результат. Как было отмечено выше, чтобы повысить суверенитет страны в области технологий, потребуется импортную технологию заменить отечественной либо превратить импортную в отечественную соответствующими модификациями. При замещении технологий важно иметь свою разработанную технологию, готовую к внедрению, причем ее технологичность должна быть как минимум не меньше технологичности импортных образцов.

Если под технологичностью (T) понимать изменение создаваемой с помощью данной технологии стоимости (dS) к изменению ресурса (dR), тогда показатель можно записать в виде $T = dS/dR$. Замещение импортной (T_I) на отечественную (T_O) технологию возможно, когда $T_O \geq T_I$. Если по отдельным технологическим направлениям существует острая необходимость избавиться от импортной технологии, то на каком-то этапе в этом случае допустим критерий, когда технологичность отечественной технологии ниже импортной – $T_O < T_I$. Конечно, во многих случаях потребительские свойства создаваемого продукта или качества самой технологии могут быть важнее, нежели затраты или изменение стоимости, в связи с чем критерий технологичности при технологическом выборе может быть не единственным.

Исходя из базового критерия замещения не сложно показать, что оно происходит при условии: $dR_I / dR_O \geq dS_I / dS_O$ (в предположении роста ресурсов и стоимости $dS_O > 0$; $dR_I > 0$), то есть отношение изменения ресурсов импортной к отечественной технологии должно быть не ниже соотношения созданных с их помощью стоимостей. С учетом затрат на обслуживание технологии, разработку и внедрение, включая процесс замещения, следует ориентироваться на критерий неснижения создаваемых с помощью данной технологии стоимости и качеств (технических параметров) производимого блага. Если технологический суверенитет обеспечивается не замещением импортной технологии на отечественную, а посредством модификации и улучшения импортной технологии, также критерием для такого решения выступает неснижение или рост технологичности (снижение может рассматриваться лишь в особых случаях).

Учитывая представленные выше соотношения, не представляет труда показать, что изменение затрат на «русификацию» импортной технологии должно быть не меньше уровня технологичности импорт-

ной технологии (отношению изменения стоимости к изменению ресурса по данной технологии). В этом случае не будет происходить снижения технологичности при реализации мер по модификации импортной технологии с целью отвязать ее обслуживание и дальнейшее функционирование от внешних центров (поставок).

Обозначив технологический суверенитет как T_S , можно выделить четыре основных уровня его обеспечения по каждому конкретному технологическому направлению:

- 1) $T_S = 0$ – полная зависимость от импортных технологий, суверенитет равен нулю;
- 2) $T_S \leq 1$, когда число импортных технологий превосходит или равно отечественным технологиям в данном направлении деятельности;
- 3) $T_S > 1$, когда отечественные технологии преобладают;
- 4) $T_S = T_O$ – импортные технологии не применяются в данном виде деятельности.

Конечно, это приближенные оценки. Например, если $T_S = 5$, но имеются пять отечественных технологий и всего одна импортная, это не свидетельствует о слабой зависимости, когда на одной импортной работают эти пять отечественных технологий или они целиком определяются ее присутствием. В связи с этим дополнительно к измерению нужна еще и профессиональная оценка качества связи технологий и их зависимости.

Было бы полезно обозначить, какой уровень независимости может быть признан достаточным по конкретному технологическому направлению, поскольку стремление к четвертой позиции по всем из них вряд ли целесообразно в условиях технологической гонки и при значительных масштабах трансфера технологий. Особое внимание нужно обратить на первые две позиции, когда импортные технологии преобладают абсолютно или преимущественно. Нетривиальная задача технологического замещения возникает для третьей позиции, когда отечественные технологии преобладают, но имеется некоторый набор импортных технологий. Стоит ли их вытеснять? И до какого уровня? Достигать ли $T_S = T_O$? К тому же придется разделить инструменты политики технологического развития на те, которые возможно применить в государственном секторе, и те, которые имеют стимулирующее влияние в частном секторе. Взаимодействие этих секторов имеет значение как в части эксплуатации и разработки технологий, так и их трансфера, например из оборонного в гражданские секторы производства.

Можно также привязывать оценку суверенитета к конкретному классу технологий (технологии синтеза, распада и воздействия), причем выделяя в каждом классе передовые и устаревающие, а также

переходные технологии [5]. Зависимость по устаревающим и передовым наверняка будет разной, но они в некоторой степени детерминируют друг друга. Если велика зависимость по устаревающим технологиям, то она, скорее всего, будет таковой и по передовому классу технологий. Безусловно, имеется связность уровней независимости между классами технологий, но данный вопрос составляет отдельную и весьма непростую для исследования тему. Важно принимать во внимание, насколько страна зависима по технологиям широкого применения, по сквозным технологиям и какой режим технологического развития сложился, поскольку он может быть совсем не связан с моделью экономического роста (потребительской, инвестиционной или какой-либо иной), хотя инвестиционная модель в большей степени может оказывать влияние на технологическое обновление (фонды, технологии).

Технологическое замещение с целью повысить технологический суверенитет может не приводить к росту капиталоинтенсивных технологий. Поэтому крайне необходимо учитывать эффект технологического дуализма [5]. В России этот классический эффект имеет свою специфику, которая проявляется в том, что невысокая динамика обновления капиталоинтенсивных технологий либо ее отсутствие обеспечивают вытеснение труда из капиталоинтенсивных секторов, поддерживая трудоинтенсивные технологии [5]. При вялом режиме технологического обновления замещение импортных (капиталоинтенсивных) технологий вряд ли изменит общую ситуацию. Нужен целый пласт новых отечественных технологий. Иными словами, и это представляется принципиальным условием обеспечения технологического суверенитета, требуется развернуть работу по созданию и внедрению отечественных технологий, даже вне привязки к задаче текущего замещения действующих импортных технологий. Поскольку не по всем технологическим и производственным направлениям нужна такая работа, приоритеты требуется сформулировать в соответствующей доктрине и в планах технологического развития страны.

Виды технологической зависимости также неодинаковы по технологиям широкого применения, передовым, устаревающим, сквозным и критическим технологиям. Кроме того, по капиталоинтенсивным и трудоинтенсивным технологиям присутствует свой уровень зависимости, что потребует рассмотрения необходимости ее преодоления по данному классу технологий, способных затормозить процесс технологического обновления.

Оценивая влияние экономики знаний на технологическое развитие и обеспечение технологического суверенитета, целесообразно выделить ее как самостоятельный сектор и определить, что он в себя

включает. Расчеты при этом могут проводиться в соответствии с методикой Евростата и на основе авторской методики, дающей «чистую» оценку⁵.

Авторский подход сводится к тому, чтобы учесть этот сектор по добавленной стоимости, согласно ОКВЭД, и данным Росстата в чистом виде, то есть включать в расчет такие виды деятельности, как «наука» и «образование», и отрасли, в которых широко применяются и внедряются высокие технологии (передовое технологическое знание), а также имеющие определяющее социальное значение (медицина) (позиции, включаемые в авторскую методику, отражены в табл.).

Таблица

Позиции по видам экономической деятельности, относимые к сектору «экономика знаний» (авторская методика оценки)

Коды вида деятельности по ОКВЭД	Наименование вида деятельности
С 21	Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях.
С 26	Производство компьютеров, электронных и оптических изделий.
С 27	Производство электрического оборудования.
С 28	Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки.
J (59-60)	Производство кинофильмов, видеофильмов и телевизионных программ, издание звукозаписей и нот; деятельность в области телевизионного и радиовещания.
J 61	Деятельность в сфере телекоммуникаций.
J (62-63)	Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги; деятельность в области информационных технологий.
М 71	Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа.
М 72	Научные исследования и разработки.

⁵ Методику Евростата и ее критику см.: *Sukharev O.S. Measuring the Contribution of the “Knowledge Economy” to the Economic Growth Rate: Comparative Analysis // Journal of Knowledge Economy. 2021. Vol. 12. Pp. 1809–1829.* В настоящей статье мы не приводим положения методики Евростата, а сразу даем авторский подход к измерению сектора «экономика знаний».

Коды вида деятельности по ОКВЭД	Наименование вида деятельности
М (74-75)	Деятельность профессиональная научная и техническая прочая; деятельность ветеринарная.
N 78	Деятельность по трудоустройству и подбору персонала.
P 85	Образование.
Q 86	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг.
R (90-92)	Деятельность творческая, в области искусства и организации развлечений, библиотек, архивов, музеев и прочих объектов культуры, по организации и проведению азартных игр и заключению пари, по организации и проведению лотерей.

Источник: составлено автором на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 30.11.2023). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/?ysclid=lsh7ef3jv6771416478.

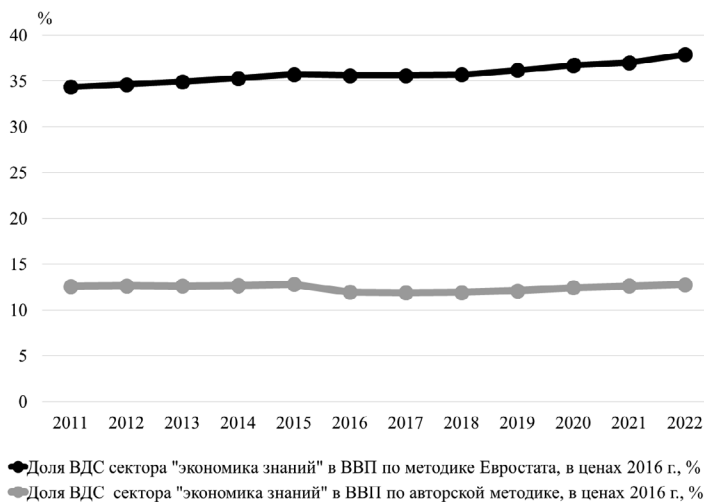
Далее проведем анализ динамики размера сектора «экономика знаний» как базового для обеспечения технологического суверенитета, а также рассмотрим некоторые параметры его влияния на экономический рост и влияния затрат, направляемых на исследования и разработки, на само функционирование этого сектора.

Влияние сектора «экономика знаний» на динамику экономического роста и технологическое развитие

Влияние любого сектора на развитие экономики определяется величиной (масштабом) этого сектора (долей в ВВП), а также вкладом в темп экономического роста. Кроме этого, можно, конечно, ставить задачу оценки влияния через появление новых технологий и знаний. Но это составляет самостоятельную задачу, непростую в решении, особенно на удлиненном отрезке времени, и она в настоящем исследовании не рассматривается.

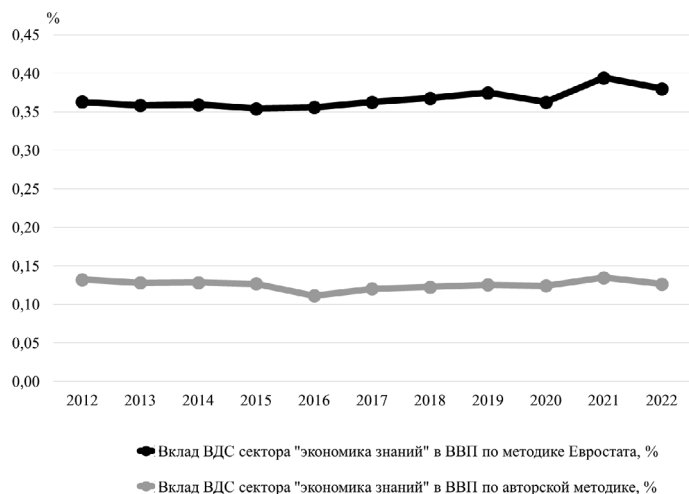
Покажем динамику удельного веса сектора «экономика знаний» в России в период 2011–2022 гг. (по доле валовой добавленной стоимости (ВДС), см. рис. 1), а также оценим вклад этого сектора в темп экономического роста (см. рис. 2).

Как видно из рис. 1, чистая оценка сектора «экономика знаний» для России дает на много меньшую величину, нежели по методике Евростата, которая, на взгляд автора, весьма необоснованно завышает

Источник: рассчитано автором по данным Росстата: Национальные счета. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

Рис. 1. Доля сектора «экономика знаний» по валовой добавленной стоимости в ВВП России, 2011–2022 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным Росстата: Национальные счета. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

Рис. 2. Вклад валовой добавленной стоимости сектора «экономика знаний» в темп экономического роста России, 2011–2022 гг., %

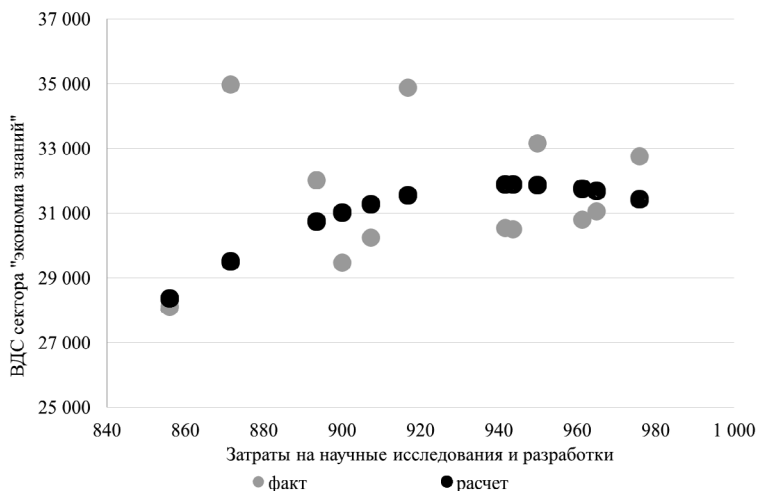
объем этого сектора. Еще одной особенностью, которая сразу же видна, является то, что доля сектора «экономика знаний» в ВВП России практически не растет. Причем такой результат обнаруживается и при расчете в соответствии с методикой Евростата (верхняя кривая на рис. 1) – можно отметить только некоторое увеличение в 2019–2021 гг. Понятно,

что когда имеется такая разница по доле в ВВП по двум методикам, то она сохраняется примерно в тех же пропорциях и по вкладу сектора в темп экономического роста России, тем более что сама доля сектора ощутимо не меняется. Важно отметить, что указанный вклад в темп роста понизился в 2022 г., после того как возрос в 2021 г. (см. рис. 2). Величина вклада не меняется на всем отрезке времени, но по авторской методике она совсем небольшая. Хотя и расчет по методике Евростата показывает, что вклад этого сектора в экономическую динамику России также относительно небольшой.

Регрессионный анализ ВВП России и валовой добавленной стоимости сектора «экономика знаний» показывает наличие положительной связи. Если оценивать добавленную стоимость сектора «экономика знаний» в ценах 2016 г. по методике Евростата, то обнаруживается некоторая связь с затратами на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы (на рис. 3 дается регрессия вида: $K = -0,46 \cdot R^2 + 862 \cdot R - 375019$; $R^2 = 0,49$; $R^2_{adj} = 0,43$). С ростом внутренних затрат на исследования и разработки растет и валовая добавленная стоимость экономики знаний, но затем это увеличение притормаживается и начинается снижение.

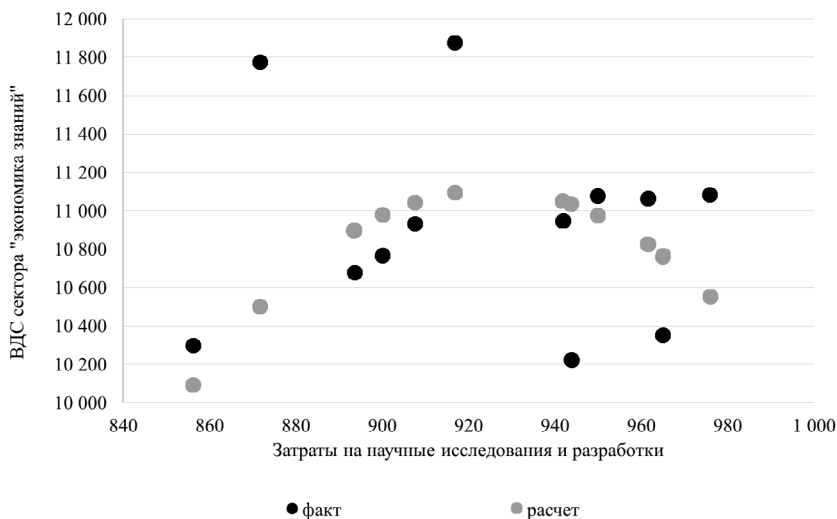
Если давать чистую оценку сектора «экономика знаний», то обнаруживается аналогичная связь, но с еще худшей детерминацией (еще больший разброс точек) (см. рис. 4, где регрессия имеет вид: $K = -0,21 \cdot R^2 + 397 \cdot R - 172453$; $R^2 = 0,35$; $R^2_{adj} = 0,29$). Здесь также видно, что с ростом затрат на научные исследования и разработки растет экономика знаний, но после достижения определенного уровня начинается снижение. Причины подобного снижения требуют отдельного изучения. Однако можно предположить, что низка эффективность этих затрат и абсолютно не увеличивается доля сектора «экономика знаний».

Скромная величина сектора «экономика знаний» в России ограничивает возможности развертывания целых классов технологий сквозного и широкого назначения, а также затрудняет процессы превращения фундаментального знания в технологическое. Одна из причин слабой связи экономики знаний с затратами на исследования и разработки состоит в том, что эти затраты не подчинены задаче получения прорывных результатов, относимых к экономике знаний, а связаны с устаревшими решениями. К тому же незначительный размер сектора выступает как фактор, детерминирующий такую связь и ограничивающий исходные возможности развития. Это напрямую касается условия обеспечения технологического суверенитета России. Важно не только наращивать затраты на исследования и разработки кратно, но подчинить их развитию экономики знаний, расширяя величину этого сектора. Потребуется повысить эффективность этих затрат и технологического замещения, в том числе за счет верификации измерения и оценки

Источник: рассчитано автором по данным Росстата: Инвестиции в нефинансовые активы. https://www.gks.ru/investment_nonfinancial; <https://www.gks.ru/folder/14476>; Национальные счета. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

Рис. 3. Зависимость валовой добавленной стоимости сектора «экономика знаний» и затрат на научные исследования и разработки по методике Евростата (статистики регрессионной модели: F-критерий = 6,33; D–Wрасчет. = 1,35 € [1,33; 2,67]; Тест Уайта: χ^2 расчет. = 3,4; χ^2 крит. = 3,84), в ценах 2016 г., млрд руб.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата: Инвестиции в нефинансовые активы. https://www.gks.ru/investment_nonfinancial; <https://www.gks.ru/folder/14476>; Национальные счета. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

Рис. 4. Зависимость валовой добавленной стоимости сектора «экономика знаний» и затрат на научные исследования и разработки по авторской методике (статистики регрессионной модели: F-критерий = 5,78; D–Wрасчет. = 1,33 € [1,33; 2,67]; Тест Уайта: χ^2 расчет. = 2,4; χ^2 крит. = 3,84), в ценах 2016 г., млрд руб.

самого технологического суверенитета и результатов технологического развития (измерение технологических вкладов по конкретным технологическим цепочкам). Эта ставит задачу расширения статистического учета технологий и технологического развития, осуществляемого Федеральной службой государственной статистики.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, сформулируем наиболее релевантные и имеющие прикладное значение выводы.

Во-первых, оценка технологического суверенитета может быть достоверной только в разрезе конкретных технологических и производственных направлений деятельности, а не в агрегатном виде. Суверенитет может быть измерен соотношением количества отечественных и импортных технологий. Конечно, потребуется учитывать значимость технологий и технологический охват. Необходимы изменения в государственной статистике по учету технологий, для того чтобы иметь достоверную информацию об их состоянии и динамике. Также нужно учитывать, что на основании агрегированных методик достоверных данных о технологическом суверенитете получить не удастся.

Во-вторых, в зависимости от исходного уровня влияния импортных технологий возникают задачи по повышению технологической независимости, касающиеся разработки и внедрения отечественных технологий, а также модификации импортных. По каждой из 27 групп критических технологий, а также по двойным и сквозным технологиям эти задачи могут быть конкретизированы с внесением соответствующих изменений в национальные проекты и программы развития (целенаправленная замена фондовой и технологической базы, включая региональный аспект).

В-третьих, сектор «экономика знаний» требует расширения и опережающего развития за счет кратного увеличения инвестиций и повышения эффективности затрат на исследования и разработки, что должно идти параллельно со значительным наращиванием их объема, прежде всего по направлениям, ориентированным на создание новых технологий и поддержание сложившихся стандартных технологических цепочек.

Таким образом, измерение технологического суверенитета России не должно сводиться исключительно к агрегированному методу его оценки. Требуется обоснованные государственные решения в области учета, типизации технологий, оценки суверенитета и экономики знаний с учетом их влияния на экономический рост.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.
2. Мени Г. Технологический пат: инновации преодолевают депрессию. М.: Экономика, 2001.
3. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Изд. дом «ДЕЛО», 2011.
4. Сухарев О.С. Экономика технологического развития. М.: Финансы и статистика, 2008.
5. Сухарев О.С. Экономика промышленности, технологий и интеллектуальных фирм. М.: Ленанд, 2022.
6. Хэллман Э. Загадка экономического роста. М.: Изд-во института Гайдара, 2011.
7. Bassens D., Hendrikse R. Asserting Europe's technological sovereignty amid American platform finance: Countering financial sector dependence on Big Tech? // *Political Geography*. 2022. 97(1):102648.
8. Breschi S., Malerba F., Orsenigo L. Technological Regimes and Schumpeterian Patterns of Innovation // *The Economic Journal*. 2000. Vol. 110 (463). Pp. 388–410.
9. Caputo F. Reflecting upon knowledge management studies: insights from systems thinking // *International Journal of Knowledge Management Studies*. 2017. Vol. 8 (3–4). Pp. 177–190.
10. Caputo, F., Garcia-Perez, A., Cillo, V., Giacosa, E. A knowledge-based view of people and technology: directions for a value co-creation-based learning organisation // *Journal of Knowledge Management*. 2019. Vol. 23(7). Pp. 1314–1334.
11. Cheng M., Yang S., Wen Z. The effect of technological factors on industrial energy intensity in China: New evidence from the technological diversification // *Sustainable Production and Consumption*. 2021. Vol. 28. Pp. 775–785.
12. Crafts N. The First Industrial Revolution: Resolving the Slow Growth. Rapid Industrialization Paradox. Papers and Proceedings of the Nineteenth Annual Congress of the European Economic Association // *Journal of the European Economic Association*. 2005. Vol. 3. No. 2/3. Pp. 525–534.
13. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // *Research Policy*. 2023. 52(6):104765.
14. Lu Y. Industry 4.0: A survey on technologies, applications and open research issues // *Journal of Industrial Information Integration*. 2017. Vol. 6. Pp. 1–10.
15. Philbeck T., Davis T. The Fourth Industrial Revolution // *Journal of International Affairs*. 2019. Vol. 72. No. 1. Pp. 17–22.
16. Ponte A., Leon G., Alvarez I. Technological sovereignty of the EU in advanced 5G mobile communications: An empirical approach // *Telecommunications Policy*. 2023. 47(7):102459.
17. Rifkin J. The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World. St. Martin's Griffin Pbl, 2011.

REFERENCES

1. *Glazyev S.Yu.* Theory of long-term technical and economic development. M.: VlaDar, 1993. (In Russ.).
2. *Mensch G.* Technological stalemate: innovation overcomes depression. M.: Economics, 2001. (In Russ.).
3. *Perez K.* Technological revolutions and financial capital. Dynamics of bubbles and periods of prosperity. M.: Publishing house "DELO", 2011. (In Russ.).
4. *Sukharev O.S.* Economics of technological development. M.: Finance and Statistics, 2008. (In Russ.).
5. *Sukharev O.S.* Economics of industry, technology and intellectual firms. M.: Lenand, 2022. (In Russ.).
6. *Helpman E.* The mystery of economic growth. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2011. (In Russ.).
7. *Bassens D., Hendrikse R.* Asserting Europe's technological sovereignty amid American platform finance: Countering financial sector dependence on Big Tech? // *Political Geography*. 2022. 97(1):102648.
8. *Breschi S., Malerba F., Orsenigo L.* Technological Regimes and Schumpeterian Patterns of Innovation // *The Economic Journal*. 2000. Vol. 110 (463). Pp. 388–410.
9. *Caputo F.* Reflecting upon knowledge management studies: insights from systems thinking // *International Journal of Knowledge Management Studies*. 2017. Vol. 8 (3–4), Pp. 177–190.
10. *Caputo, F., Garcia-Perez, A., Cillo, V., & Giacosa, E.* A knowledge-based view of people and technology: directions for a value co-creation-based learning organization // *Journal of Knowledge Management*. 2019. Vol. 23(7). Pp. 1314–1334.
11. *Cheng M., Yang S., Wen Z.* The effect of technological factors on industrial energy intensity in China: New evidence from the technological diversification // *Sustainable Production and Consumption*. 2021. Vol. 28. Pp. 775–785.
12. *Crafts N.* The First Industrial Revolution: Resolving the Slow Growth. Rapid Industrialization Paradox. Papers and Proceedings of the Nineteenth Annual Congress of the European Economic Association // *Journal of the European Economic Association*. 2005. Vol. 3. No. 2/3. Pp. 525–534.
13. *Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T.* Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // *Research Policy*. 2023. 52(6):104765.
14. *Lu Y.* Industry 4.0: A survey on technologies, applications and open research issues // *Journal of Industrial Information Integration*. 2017. Vol. 6. Pp. 1–10.
15. *Philbeck T., Davis T.* The Fourth Industrial Revolution // *Journal of International Affairs*. 2019. Vol. 72. No. 1. Pp. 17–22.
16. *Ponte A., Leon G., Alvarez I.* Technological sovereignty of the EU in advanced 5G mobile communications: An empirical approach. *Telecommunications Policy*. 2023. 47(7):102459.
17. *Rifkin J.* The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World. St. Martin's Griffin Pbl, 2011.

Дата поступления рукописи: 13.12.2023 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сухарев Олег Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3436-7703
o_sukharev@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Oleg S. Sukharev – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3436-7703
o_sukharev@list.ru

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA: FORMATION
ON THE BASIS OF THE DEVELOPMENT OF THE "KNOWLEDGE ECONOMY"
SECTOR

The article is devoted to the issues of technological sovereignty of the Russian economy. The main condition for its provision is the targeted formation and development of the "knowledge economy" sector. An approach to measuring technological sovereignty in specific areas of technological development and types of economic activity is proposed. Based on the results of a regression analysis of the relationship between the costs of internal research and development and the gross added value of the "knowledge economy" sector, it has been established that there is a problem associated with the effectiveness of these costs and their subordination exclusively to the task of developing the knowledge economy. It is concluded that new approaches are needed to the formation of a knowledge economy, which should be significantly expanded primarily by increasing costs allocated to the development of new technologies, maintaining existing standard technological chains, and increasing the efficiency of these costs. The research methodology included empirical, comparative, structural and regression analysis, as well as the author's developments in the field of quantitative measurements. The application of the author's methodology for assessing the "knowledge economy" in Russia on economic development is shown – in terms of scale and contribution to the growth rate.

Keywords: "knowledge economy", technology, research and development costs, technological sovereignty, economic growth, measurement methods.

JEL: O11, O33, O41.

Л.И. ДМИТРИЧЕНКО

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой экономической теории
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

И.Б. АВАНЕСОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры общей экономической
теории Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА

В статье исследована проблема социальной ответственности государства за развитие науки и образования в стране. Проанализированы различные модели университетов, в том числе существующие в настоящее время, а также концептуальные подходы к оценке роли и значения современного образования и науки в России и в разных странах. Отражено реальное состояние сферы российской науки, сложившееся в результате либеральных реформ, проанализирована динамика расходов на научные исследования в России и в развитых странах мира. Сформулированы проблемы и противоречия в развитии науки и образования в РФ. Дан критический анализ современной концепции политики государства в сфере образования в России, которая активно внедряется в научно-образовательную практику в нашей стране. Сделан вывод о необходимости повысить роль государственного управления развитием науки и образования в РФ, в том числе за счет проведения активной стимулирующей политики в сфере научной и образовательной деятельности.

Ключевые слова: *государство, наука и образование, национальные интересы, социальная ответственность, фундаментальность образования, человеческий капитал.*

УДК: 330, 378, 341.2

EDN: JRAIAE

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_65_86

Введение

Актуальность проблемы исследования определяется целым рядом факторов.

Во-первых, опора на науку и образование – это глобальный вызов современности. В XXI в. существенными характеристиками модели экономического роста и развития стран мира являются: динамизм; высокий уровень интеграции науки, образования и инноваций; конкурентоспособность. В системе этих ориентиров приоритетом является развитие образования и науки – важнейших социальных и духовных ценностей, а также главных факторов, обеспечивающих динамику роста и повышение конкурентоспособности экономики.

Во-вторых, в системе национальных проектов Российской Федерации обозначены проекты «Образование» и «Наука и университеты», причем все активнее внимание ученых¹ и государственных деятелей² акцентируется на фундаментальности образования и науки. В условиях современных вызовов наращивать экономический потенциал и обеспечивать конкурентоспособность национальной экономики невозможно, опираясь только на естественные вещественные факторы производства. Теоретические разработки ученых и реальная практика внедрения результатов научных исследований подтверждают, что развитие системы образования и науки, формирование экономики знаний являются ключевыми факторами, приобретают статус фундаментальности в становлении национальных экономик как цивилизованных конкурентоспособных экономических систем.

В-третьих, на таком фоне, на наш взгляд, являются негативными как поддерживаемая государственными лицами идея об избыточности специалистов с высшим образованием, так и имеющая место тенденция к сокращению потребности Российской Федерации в них, переориентация граждан на получение специального профессионального образования³, а также озвученный в Государственной Думе тезис о «ненужности» высшего образования для женщин, о необходимости мотивировать их к деторождению⁴.

¹ Доклад Российской академии наук Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации, 2022. <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=bd7f8c22-b8e7-41f6-b7f7-eeddc151a1cb/> (дата обращения: 05.11.2023).

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 05.11.2023).

³ Среднего рост: две трети российских школьников отказались от высшего образования. <https://vfokuse.mail.ru/article/srednego-rost-dve-treti-rossiyskih-shkolnikov-otkazalis-ot-vysshegoobrazovaniya58087244/> (дата обращения: 07.11.2023).

⁴ «Упускается детородная функция»: российский сенатор призвала рожать, а не получать высшее образование. <https://www.gazeta.ru/social/2023/11/14/17864809.shtml> (дата обращения: 18.11.2023).

В-четвертых, в системе образования и науки России имеет место ряд недостатков в области финансирования науки, организации и стимулирования труда научных работников, что негативно влияет на инновационную составляющую науки, на воспроизводство человеческого капитала и на структуру научных кадров.

В-пятых, в связи с санкциями в отношении Российской Федерации, обусловленными проведением специальной военной операции, использование научного потенциала российского общества, опора на интеллект представляются крайне важными факторами импортозамещения, а точнее – расширенного воспроизводства на инновационной высокотехнологической основе.

Целью нашего исследования является анализ состояния науки и образования в РФ, обоснование тезиса о классическом университете инновационной направленности как о высшем образовательном учреждении современного постиндустриального типа, о науке и образовании как об объектах социальной ответственности государства и о необходимости активной государственной политики стимулирования этой важнейшей платформы социально-экономического развития страны.

Методология исследования

Образование является предпосылкой, условием и одновременно фундаментом развития науки. В самом широком понимании образование – это система принципов, способов и форм познания мира, окружающей среды и, наконец, познания человеком самого себя; это система формирования человека как профессионала, как социально культурной личности, как активного участника общественной жизни; это одна из важнейших социальных и духовных ценностей. С одной стороны, уровень образования обуславливает уровень социально-экономического и духовного состояния общества, т.е. уровень его развития. С другой стороны, уровень развития общества является фактором развития образования и, как следствие, фактором развития науки.

Наука представляет собой систематизированное структурированное знание, а также деятельность, направленную на обоснование и систематизацию объективных знаний о действительности. Этот вид деятельности опирается на факты, критически их анализирует, раскрывает причинно-следственные связи, формулирует гипотезы, прогнозирует, экспериментирует и таким образом либо опровергает гипотезу, либо открывает новый закон развития изучаемого явления.

Именно поэтому словосочетание «наука и образование» представляет неразрывное единство: нет науки без образования, и в то же время сама наука является фактором развития сферы образования. Это един-

ство носит исторический характер. С развитием общества изменяются методы, формы организации, цели науки и образования. Однако место и роль науки и образования остаются неизменно важными для любого общества, на каком бы историческом этапе оно ни находилось.

Сегодня никто не сомневается в том, что высокий уровень развития науки и образования служит предпосылкой экономического роста государства, является интеллектуальной основой общества, базой человеческого капитала, необходимым условием формирования научного мировоззрения и воспитания человека высокой культуры. В совокупности это определяет показатели научно-технического, социально-экономического, духовного и культурного развития страны, обеспечивает самодостаточность и безопасность государства.

Высокая социальная значимость науки и образования обуславливает постоянный интерес ученых к этим сферам деятельности, что подтверждается активным исследованием различных их аспектов, таких как модели различных учреждений высшего образования, модели университетов, образовательные технологии, проблемы финансирования образования и науки в целом, и субъекты инвестирования в науку и образование, в частности, проблемы цифровизации научно-образовательного процесса, вопросы стимулирования научных кадров и трудоустройства выпускников и т.д.

Вопрос о выборе модели учреждения высшего образования, модели университета, соответствующей современным потребностям российского общества, представляется наиболее актуальным, поскольку именно в учреждении высшего образования в полном объеме формируются заложенные в семье и школе ценностные (помимо профессиональных) ориентиры гражданина как члена общества.

Дискуссии, посвященные вопросам разных моделей университетов, можно сгруппировать по трем направлениям:

1) рассматривается историческое развитие моделей университета, в том числе анализируются *доклассическая модель* (охватывает весь период средневековья и эпоху Просвещения); *классическая модель* (берет начало от Берлинского университета и имеет влияние до середины XX в. Эта модель провозгласила гуманистическую идею и опиралась на методологию, формирующую научную картину мира, понимала науку не как сумму отдельных знаний, а как постоянный процесс поиска, приближения к истине); *постклассическая модель* современного университета (начинает свою историю с формирования постиндустриального общества и до настоящего времени находится в состоянии трансформации; сохраняет гуманистические принципы классического университета)[1, с. 158–160];

2) рассматривается формирование «национальных моделей» университетского образования, основанных на сочетании идеи классиче-

ского университета как «универсума наук», его принципов и институтов с государственной системой и политикой в области народного образования в каждой конкретной стране [1, с. 165]. Современные дискуссии ведутся о преимуществах национальных моделей университетов (американской, английской, немецкой, французской и др.). Наиболее распространенной в мире признается гумбольдтовская (немецкая) модель университета, основным признаком которой – сочетание исследовательской и учебной деятельности [2];

3) обсуждается формирование современных моделей университетов; дискуссии ведутся о преимуществах «классического университета», «инновационного университета», «исследовательского университета», «предпринимательского университета», «корпоративного университета», «сетевого университета» и «виртуального университета» с акцентом на национальных моделях [3, с. 5–37]. Позиции ученых относительно подготовки специалистов в современной высшей школе обусловлены различной оценкой существующих моделей учреждений высшего образования. Каждый автор делает акцент на приоритетах (с его точки зрения) той или иной модели. Разумеется, выбор модели современного университета во многом определяется государственной политикой в сфере образования и науки. В свою очередь государственная политика определяется целевыми ориентирами государства, которые обусловлены многими факторами, в первую очередь уровнем социально-экономического развития страны и наличием ресурсной базы (прежде всего трудоспособной рабочей силы).

Изучая точки зрения относительно приоритетной для России модели университета, мы выявили важную особенность современного этапа научных подходов к формированию системы образования и науки в стране. Такой особенностью является ориентация образования на *прагматический подход к подготовке специалистов*, на модель «предпринимательского университета». Это относится к позиции государства и находит поддержку со стороны ученых и практических деятелей. В работах ученых встречается тезис о необходимости *бизнес-образования, формирующего финансовую грамотность специалистов*. Так, А.М. Носонов подчеркивает, что в современных российских университетах, при сохранении ведущей роли обучающей и исследовательской функций, происходит эволюционный переход к предпринимательской модели, которая обуславливает их роль как субъектов экономического развития [4, с. 173–181]. Аналогичный подход отражен в монографии «Формирование системы непрерывного бизнес-образования в России: теория и практика», авторы которой акцентируют внимание на формировании практического опыта развития непрерывного бизнес-образования и на повышении финансовой грамотности специалистов, а также на их подготовке как предпринимательских кадров [5, с. 7–9; 52–53].

Прагматический подход к системе образования отстаивает и научное исследование Н. Захарова «Поведенческая экономика, или почему в России хотим как лучше, а получается как всегда». Автор аргументирует свою точку зрения усилением функциональной роли человека и его конструктивного поведения в системе современного общественного производства и считает, что с усилением функциональной роли человека активизируются источники экономического роста и обеспечиваются высокие результаты экономического поведения субъектов [6, с. 8–13; 32–35; 59–62].

Идея модели «*предпринимательского университета*» сформулирована в монографии И. Стукаловой. Параллельно с этим автор ставит вопрос о финансовом обеспечении образования и науки, без чего достичь конкурентоспособности российских учреждений высшего образования нельзя. В монографии дан обзор зарубежных моделей финансирования высшего образования и оценены перспективы их применения в России. Сделан вывод: без современной материальной базы подготовить специалиста, конкурентоспособного на рынке труда, невозможно [7, с. 12–13; 27–33; 78–92].

Прагматический подход проявляется и в идее *непрерывного профессионального образования как базового фактора формирования человеческих ресурсов*. Ученые анализируют концепции, проблемы и направления совершенствования системы непрерывного профессионального образования [8]. Авторы монографии «*Инновационные интегрированные структуры образования, науки и бизнеса*» аргументируют необходимость *интеграции науки и образования с предпринимательским сектором* и анализируют проблемы *формирования инновационных интегрированных структур бизнеса, образования и науки* [9].

Отстаивая модель «*исследовательского университета*», ученые Финансового университета при Правительстве Российской Федерации предлагают направления совершенствования образовательного процесса в соответствии с требованиями, предъявляемыми к вузам такого типа. С точки зрения авторов, образовательная деятельность должна быть направлена на формирование, с одной стороны, практико-ориентированных специалистов, а с другой – специалистов, способных к исследовательской деятельности. Для этого в образовательном процессе рекомендуют изучение метода опционов (для оценки бизнеса, инвестиционных проектов), многофакторных расчетных моделей, нейросетевых технологий (в исследовании валютного рынка) и т.д. Авторы аргументируют необходимость научной разработки вопросов финансовой политики в целях стимулирования экономического роста [10, с. 5–10; 27–29; 59–61; 92–100].

В тесной связи с проблемой развития профессионального образования и науки рассматривается ситуация, сложившаяся в России в сфере

подготовки аспирантов и докторантов. Внимание ученых сосредоточено на проблеме существенного снижения результативности этой сферы, что подтверждено выводами исследования авторов коллективной монографии «Аспиранты России: отбор, подготовка к самостоятельной научной и педагогической деятельности» [11].

Прагматическая направленность модели современного университета ориентирована на проблему *трудоустройства* выпускников. Эта проблема рассмотрена учеными Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова в коллективной монографии «Российская молодежь на рынке труда: экономическая активность и проблемы трудоустройства в мегаполисе». В ней исследованы показатели занятости и конкурентоспособности молодых специалистов, раскрыты современные требования работодателей к качеству специалистов, поставлена проблема трудовой адаптации молодежи [12].

Мы не исключаем актуальность и важность прагматической направленности образования, однако считаем, что она заложена уже самой системой разделения труда и разделения специальностей, по которым должна осуществляться и осуществляется деятельность учреждений высшего образования любого типа и любой модели. Другое дело – инновационная направленность образования. Она означает, с одной стороны, использование инновационных образовательных технологий, а с другой – ориентацию образовательной деятельности на подготовку специалистов, способных работать в условиях инновационной экономики. То и другое обеспечивается постоянной творческой научной деятельностью. Представляется, что современная модель университета или иного учреждения высшего образования должна быть моделью, прежде всего, «классического университета» или адекватной ей. Именно классический университет, с его гуманистической идеей академической свободы преподавателей и студентов в интеллектуальном познании мира, университет, формирующий знания на основе логики, разума и эмпиризма, опирающийся на научную методологию, на понимание науки как постоянного процесса поиска истины, с его современной научной инновационной направленностью, обусловит подготовку специалиста прагматического характера, что в конечном итоге и обеспечит соответствие классического университета «постклассической модели» современного постиндустриального общества. А если в нем к тому же будут обеспечены соответствующие базы практики студентов, то университет в полном объеме реализует свою функцию. На наш взгляд, именно такой подход к формированию современного учреждения высшего образования отражен в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»⁵. Реализация

---

⁵ Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024).

этого закона обеспечит преемственность образования на всех его уровнях и достаточно высокое качество образования и образовательного процесса. В соответствии с требованиями этого закона в высшей школе прописаны содержание, структура основных и дополнительных предпрофессиональных программ и условия их реализации. А с государственным ориентиром на усиление фундаментализации образования такая модель учреждения высшего образования представляется наиболее соответствующей поставленным задачам. Поэтому смещение акцентов образовательной деятельности в пользу подготовки «бизнес-образованных и финансово грамотных специалистов» уничтожит дух классических университетов, ориентирующихся на подготовку всесторонне развитой, гармоничной личности высокого уровня духовности и нравственности.

Что касается таких моделей, как «дистанционный университет», «сетевой университет», «корпоративный университет», «виртуальный университет» и т.п., то эти «модели» отражают, на наш взгляд, техническую, а не содержательную сторону высшего образовательного учреждения.

Относительно ориентации молодежи на получение специального профессионального образования (СПО) как альтернативы высшему образованию считаем, что такая постановка вопроса противоречит тезису об усилении фундаментализации образования. И хотя фундаментализацию понимают по-разному, все-таки общие принципы фундаментального образования – это базовое универсальное, системное, методологически обоснованное образование; это образование, обеспечивающее нравственную и аксиологическую подготовку специалиста; наконец – это интеграция образования и науки. СПО ставит несколько иные задачи. Его целью является формирование сугубо профессиональных навыков работника, ориентированных на рост производительности и совершенствование организации рабочих мест.

В аспекте сказанного, опираясь на исторический подход к анализу методологии исследования роли и значения образования и науки, считаем целесообразным обратиться к выводам академика АН СССР С.Г. Струмилина. На основании многолетнего изучения проблемы ученый сделал следующее резюме: повышение уровня образования и общего уровня культуры обеспечивает более значительный прирост производительности труда по сравнению с повышением сугубо профессиональных навыков работника. Год школьного образования дает примерно в 2,6 раза большую прибавку квалификации, чем год заводского стажа [13, с.19]. Уровень образованности играет решающую роль в «подъеме квалификации умственного труда». Если за 14 лет (в период с 16 до 30 лет), при прочих равных условиях, квалификация служащего возрастает на 0,85 пункта, а четырнадцатилетний профессиональный стаж повышает квалификацию на 1,34 пункта, то 14 лет школь-

ного и высшего образования обеспечивает прирост квалификации на 3,81 пункта, что в 2,8 раза больше, чем соответствующий по продолжительности профессиональный стаж. К этому следует прибавить и вывод о высокой рентабельности обучения в вузах, что подтверждено фактом окупаемости бесплатного высшего образования и содержания студентов за государственный счет, а также возможностью обязательной трехлетней работы выпускников вузов по распределению с установлением им заработной платы не ниже уровня заработной платы квалифицированных рабочих [13, с. 45].

Несмотря на то что эти выводы сделаны сто лет назад (в 1924 г.) и эффективно использовались еще в советское время, они не устарели и до сих пор не утратили своего значения.

Наука и образование как синергетический импульс динамичного социально-экономического развития государства

Синергетический эффект образования и науки проявляется во влиянии на уровень развития и качество производительных сил и производственных отношений, а именно: в процессе преобразования предметов и средств труда; в совершенствовании технологий (как следствие развития средств производства); в повышении качества личного фактора производства, в формировании человеческого потенциала и его превращении в человеческий капитал; в совершенствовании производственных отношений во всех фазах и сферах воспроизводства. На такой основе происходит совершенствование и трансформация экономических систем, что обуславливает повышенное внимание к образованию и науке, делая это мейнстримом современности и активизируя научно-образовательную политику развитых государств мира. Результат этой политики подтверждается следующими данными: если в прошлом веке в США прирост валового внутреннего продукта (ВВП) за счет новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании, обучении кадров и организации производства, превышал 50–60% (и даже в бывшем СССР этот показатель составлял около 40%), то в XXI в. в промышленно развитых странах на долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании и организации производства, приходится уже до 80–95% прироста ВВП [14, с. 7].

Такие показатели выдвигают науку и образование в качестве ведущих объектов их активного инвестирования (прежде всего инвестирования фундаментальной науки) в экономически развитых государствах и в мире в целом. Данные МВФ свидетельствуют: за период 2007–2022 гг. расходы на науку в мире (в текущих ценах) составили более 2 трлн долл., глобальный ВВП увеличился на 75% и вышел

на уровень 101,56 трлн долл.⁶ Лидерами в общемировых расходах на научные исследования и разработки в течение многих лет остаются США (32,9%); Китай (26,3%); Япония (8,6%) и Германия (7,4%)⁷. Доля России составляет 2,2%, что почти в 14,8 раз меньше аналогичного показателя США⁸. Согласно прогнозным данным, в 2022 г. расходы на НИОКР США должны были превысить уровень 679 млрд долл., Китай должен был инвестировать около 551,1 млрд долл., а расходы России должны были составить 52,2 млрд долл., что в 13 раз меньше по сравнению с США⁹. Поэтому России, несмотря на 9-ю позицию в общемировых расходах на НИОКР, необходимо не только не сокращать долю специалистов высшего образования и объемы инвестирования в образование и науку, а напротив, существенно увеличивать эти показатели.

Объемы инвестиций на научные исследования растут и в странах ЕС. Согласно данным Eurostat, в 2022 г. государственные расходы на НИОКР в странах Евросоюза возросли на 5,4% и составили 117,368 млрд евро, (0,74% ВВП). Относительно 2012 г. (т. е. за десять лет) этот показатель увеличился на 49,2%. При этом наибольшая доля инвестиций в НИОКР из бюджета ЕС пришлось на государственные общеобразовательные университетские фонды (35,5%). На другие образовательные проекты было направлено 16,5% общей суммы расходов, на промышленное производство и технологии – 10,2%, на здравоохранение – 8,3%, на исследование космоса – 5,9%. В связи со специальной военной операцией на Украине доля инвестиций в исследования в военной сфере из бюджета ЕС выросла с 2,6% 2021 г. до 4,2% в 2022 г.¹⁰

При этом следует отметить, что хотя Россия и занимает 9-ю позицию в рейтинге по объему затрат на НИОКР, доля этих затрат в ВВП многие годы не превышала 1,1%, а в 2022 г. (и в плане на 2023 г.) она составляла уже менее 1%, что явно недостаточно даже по сравнению с небольшими государствами мира (см. табл. 1).

Как показано в табл. 1, занимая и без того высокие позиции по показателю затрат на научные исследования и разработки в ВВП, Изра-

⁶ Глобальный ВВП мира: 1980–2022. <http://global-finances.ru/vvp-mira-po-godam/> (дата обращения: 07.10.2023).

⁷ Рейтинг ведущих стран мира по затратам на науку. <https://issek.hse.ru/news/221864403.html> (дата обращения: 16.10.2023).

⁸ Россия вошла в топ-10 стран по затратам на исследования. <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/06/30/876322-rossiya-voshla> (дата обращения: 07.11.2023).

⁹ Страны – лидеры по расходам на исследования и разработки (НИОКР). <https://topic.ru/statistics/society/science-and-education/strany-lidery-po-raskhodam-na-issledovaniya-i-razrabotki-niokr/> (дата обращения: 09.10.2023).

¹⁰ Евросоюз увеличил госрасходы на НИОКР на 5,4% в 2022 г. <https://www.interfax.ru/business/918522> (дата обращения: 16.11.2023).

Таблица 1

Затраты на научные исследования и разработки, % ВВП^{а)}

№ п.п.	Страны	Годы							
		2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2022 ^{е)}
1	Израиль	4,2	4,3	4,5	4,7	4,8	5,1	5,4	5,9
2	Южная Корея ^{б)}	4,3	4,2	4,2	4,6	4,8	4,8	4,8	5,0
3	Япония ^{в)}	3,4	3,3	3,3	3,2	3,3	3,3	3,3	3,4
4	Германия	2,9	2,9	2,9	3,0	3,1	3,2	3,1	3,3
5	США	2,7	2,8	2,8	2,9	3,0	3,2	3,5	2,6
6	Австрия	3,1	3,0	3,1	3,1	3,1	3,1	3,2	3,3
7	Дания	2,9	3,1	3,0	2,9	3,0	2,9	3,0	3,3
8	Франция	2,3	2,2	2,2	2,2	2,2	2,2	2,4	3,3
9	Швеция	2,3	2,2	2,2	2,2	2,2	2,2	2,4	3,7
10	Китай ^{г)}	2,0	2,1	2,1	2,2	2,2	2,3	2,4	3,1
11	Канада	1,7	1,7	1,7	1,7	1,7	1,6	1,7	1,3
12	Великобритания	1,6	1,6	1,6	1,7	1,7	1,7	1,7	2,2
13	Италия	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,3
14	Испания	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3	1,4	1,5
15	Бразилия ^{а)}	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2	1,2	2,3
...	.....	...	...	...	...	...	...	...	...
29	Россия	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	<1,0

Составлено автором по: данные: ^{а)} – Затраты на исследования и разработки в процентах от ВВП, %; Европейской экономической комиссии ООН UNECE. <https://w3.unesco.org/SDG/ru/Indicator?id=123>; ^{б)} – Южная Корея заняла 2-е место в ОЭСР по расходам на НИОКР в доле от ВВП. <https://rossaprimavera.ru/news/39e315f8>; ^{в)} – Япония: Расходы на исследования и развитие. https://ru.theglobaleconomy.com/Japan/Research_and_development/; ^{г)} – Китай: Расходы на исследования и развитие. https://ru.theglobaleconomy.com/China/Research_and_development/; ^{а)} – Бразилия: Расходы на исследования и развитие. https://ru.theglobaleconomy.com/Brazil/Research_and_development/; ^{е)} – Список суверенных государств по расходам на исследования и разработки. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.0dca106b-6560b1c7-57f6b1a574722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/List_of_sovereign_states_by_research_and_development_spending (дата обращения: 14.10.2023).

иль, Южная Корея, Австрия, Дания, Швеция, Южная Корея в отличие от России продолжают увеличивать расходы по этому направлению, а остальные страны по крайней мере поддерживают стабильность доли их расходов на НИОКР в ВВП.

Высокие расходы на науку обуславливают высокий уровень инновационной активности стран. Так, по показателю глобального инновационного индекса в течение 2017–2022 гг. лидируют одни и те же государства, попеременно уступая друг другу первенство, но стабильно держатся в обойме лидеров: Швейцария – 1/1; Швеция – 2/3; Нидерланды – 3/5; США – 4/2; Великобритания – 5/4¹¹. За ними следуют Дания, Финляндия, Сингапур, Германия, Южная Корея¹². Согласно данным «Глобального инновационного индекса 2023», по сравнению с показателями 2022 г. Швейцария сохранила свою позицию, Швеция улучшила ее и переместилась на 2-е место, США, напротив, несколько ухудшили ее и переместились на 3-е, 4-е место по-прежнему заняла Великобритания, а 5 – Сингапур. Россия с 45-й позиции в 2017 г. опустилась на 47-ю позицию в 2022 г. и на 51-ю позицию в 2023 г.¹³

Высокий уровень затрат на образование и науку, высокая инновационная активность государств обеспечивают высокий уровень ВВП (см. табл. 2).

Данные табл. 2 (по версии Всемирного банка) показывают, что место страны в мировом рейтинге по производству ВВП не обязательно соответствует ее месту в мировом рейтинге по ВВП на душу населения. На это несовпадение влияют разные факторы. Для Китая, Индии, Индонезии и Бразилии, например, это эффект численности населения, тогда как для США этот фактор незначим. Несмотря на 3-е место в мире по численности населения, США занимают 9-ю позицию по ВВП на душу населения (по сравнению, например, с Индонезией и Бразилией, которые по ВВП занимают 4-ю и 7-ю позиции, а по ВВП на душу населения – 102-ю и 91-ю соответственно). И в этом случае очевидно влияние фактора инновационной активности США (3-е место в мире по показателю глобального инновационного индекса в 2023 г.).

Что касается лидирующих позиций Сан-Марино, Люксембурга, Швейцарии и Сингапура, то эти страны извлекают выгоду из финансовых секторов и налоговых режимов, которые привлекают иностранные инвестиции и крупные банковские депозиты. А такие страны, как Катар и Объединенные Арабские Эмираты, имеют большие запасы углеводородов и/или других природных ресурсов. В свою очередь Макао является крупнейшей азиатской игровой гаванью.

¹¹ Первая цифра показывает место страны по показателю глобального инновационного индекса в 2017 г., а вторая – в 2022 г.

¹² Global Innovation Index 2022. https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2022/index.html.

¹³ Global Innovation Index 2023. <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023/ru.pdf>.

Таблица 2

Рейтинг стран мира по уровню ВВП в 2022–2023 гг.

ТОП-10 по уровню ВВП (по ППС) (Всемирный банк, 2023) ^{а)}					ТОП-10 самых богатых стран мира (Global Finance, 2023) ^{б)}		
Рейтинг	Страна	ВВП, млрд долл.	Рейтинг/ ВВП на душу населения, долл.		Рейтинг	Страна	ВВП на душу населения, долл.
1	Китай	30327	77	23382	1	Ирландия	145,196
2	США	25463	9	80,035	2	Люксембург	142,490
3	Индия	11875	130	9,073	3	Сингапур	133,895
4	Япония	5702	38	51,808	4	Катар	124,848
5	Россия	5327	60	34,837	5	ОАЭ Макао	89,558
6	Германия	5310	19	66,132	6	ОАЭ	88,221
7	Индонезия	4037	102	15,855	7	Швейцария	87,963
8	Бразилия	3837	91	18,686	8	Норвегия	82,655
9	Франция	3770	29	58,827	9	США	80,035
10	Велико- британия	3657	31	56,471	10	Сан-Марино	78,926
Рейтинг развитых стран в мировом ВВП (2022) ^{в)}							
ТОП-10 – 66% общемирового ВВП							
ТОП-25 – 84% общемирового ВВП							
остальные 167 стран мира – 16% общемирового ВВП							
общемировой ВВП в 2022 г. – 101,6 трлн долл. – более чем в 9,8 раз больше уровня 1980 г.							

Составлено автором по: данные: ^{а)} – список стран по ВВП – Топ-10 крупнейших экономик мира 2023. <https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-vvp-stran/>; ^{б)} – самые богатые страны мира 2023 года. https://basetop.ru/samyie-bogatye-strany-mira-2023-goda/?tdb_action=tdb_ajax; ^{в)} – инфографика: Страны по доле в мировой экономике, ВВП 2022 г. https://tempting.pro/infografika_strany_po_dole_v_mirovoi_ekonomike_vvp_2022_goda/ (дата обращения: 20.01.2024).

Перемещение России на 5-ю позицию по объему ВВП (по ППС) объясняется ростом в 2022 г. цен на газ и нефть. В Европе цены на газ достигли отметки в 3000 долл. за тысячу кубометров, что позволило России продавать его по самым выгодным ценам. Благоприятными для России были и конъюнктура на рынке нефти и курс доллара. Некоторые эксперты (аналитик инвестиционной компании «Велес Капитал» Е. Кожухова, директор в управляющей компании «Система

Капитал» К. Асатуров¹⁴) прогнозировали, что после такого «сверхприбыльного периода», после ограничения на мировом рынке с конца 2022 г. российских экспортных цен на нефть, Россия может утратить 5-ю позицию по ВВП (по ППС). Несмотря на то что для 2023 г. эти опасения не оправдались, нельзя не признать их резонными. Поэтому главный акцент следует делать на развитии экономики на инновационной основе, что без инвестирования в науку и образование обеспечить невозможно. Инвестиции в науку и образование, вызванная ими инновационная активность экономических субъектов сохраняют ключевое значение для достижения всех целей устойчивого социально-экономического роста и развития. Этим в первую очередь обусловлена социальная ответственность государства за состояние образования и науки в стране.

Социальная ответственность государства за развитие образования и науки: реальное состояние, проблемы и механизмы разрешения

Итак, инвестирование в образование и науку обеспечивает стабильный рост, инновационное развитие и конкурентоспособность страны в мировом масштабе. Поэтому, несмотря на современное международное положение Российской Федерации, правительство России наращивает объемы финансирования и образования, и науки. Так, в проекте федерального бюджета на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов на реализацию государственной программы «Развитие образования» выделено 575,2 млрд руб., что на 19,9 млрд руб. больше показателя, предусмотренного действующим Федеральным законом о федеральном бюджете на 2023–2025 гг. В 2025 г. плановый показатель увеличится на 21,7 млрд руб., а в 2026 г. – на 14,6 млрд руб. Согласно заявлению Министра просвещения РФ Сергея Кравцова, объем средств на реализацию национального проекта «Образование» в 2024 г. не снизится и будет соответствовать ранее принятым параметрам. А в 2025 и в 2026 г. он увеличится соответственно на 2,7 и 2,3 млрд руб. На реализацию программ среднего профессионального образования дополнительно предусмотрено в 2024 г. – 1,1 млрд руб., в 2025 г. – 4,2 млрд руб., в 2026 г. – 4,1 млрд руб.¹⁵

¹⁴ ЕС ввел потолок цен на российскую нефть: что будет с акциями и рублем <https://quote.rbc.ru/news/article/638dcbb79a7947cf9ee0a7f0> (дата обращения: 06.12.2023).

¹⁵ Министерство просвещения Российской Федерации. <https://edu.gov.ru/press/7699/sergey-kravcov-predstavil-v-gosdume-planovoe-finansirovanie-sistemy-obrazovaniya-v-proekte-federalnogo-byudzheta-na-2024-2026-gody>

Что касается финансирования научных исследований, то его показатели, с одной стороны, характеризуются неустойчивостью динамики, а с другой – недостаточностью объемов (в том числе финансирования фундаментальной науки). Основными источниками финансирования научных исследований в РФ являются бюджетные средства государства (за 2010–2020 гг. – в пределах 70,3–67,8%), доходы предпринимательского сектора (соответственно 25,5–29,2%), иностранные инвестиции (3,5%–2,0%)¹⁶. В Федеральном законе о федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов предусмотрены следующие объемы финансирования национального проекта «Наука и университеты»: 2022 г. – 122,1 млрд руб.; 2023 г. – 152,6 млрд руб.; 2024 г. – 138,1 млрд руб.¹⁷ Если сравнивать эти показатели с объемами финансирования, например, проектов «Автодороги» и «Демография», то в 2024 г. на науку государство собирается потратить в 3,92 раза меньше по сравнению с финансированием автодорожного проекта (542,1 млрд руб.) и почти в 7 раз меньше по сравнению с финансированием демографического роста (957,8 млрд руб.)¹⁸. Даже с учетом инвестиций в науку в Российской Федерации из бюджетов всех уровней и внебюджетных средств, их объем в 1,77 раза меньше (540,6 млрд руб.) бюджетных инвестиций в проект «Демография», предусмотренных на 2024 г.¹⁹ Нельзя не обратить внимание на замечание В.В. Путина, прозвучавшее в его выступлении на пленарном заседании Всемирного русского народного собора 28 ноября 2023 г. Президент РФ подчеркнул, что «решить демографические проблемы в стране невозможно только посредством выплат и пособий»; «цифры бюджетных демографических расходов крайне значимы, но это далеко не все, гораздо важнее – жизненные ориентиры человека»; в основе семьи должны лежать доверие, любовь и прочная нравственная опора²⁰. И в этом аспекте недопустимо недооценивать значение финансирования образования и науки как основы для формирования правильных жизненных установок, нравственных основ членов нашего общества.

¹⁶ Доклад Российской академии наук Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации, 1 июня 2022 г. <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=bd7f8c22-b8e7-41f6-b7f7-eeddc151a1cb/> (дата обращения: 05.11.2023).

¹⁷ К Федеральному закону о федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/03/main/Budget_2022_razvorot_web.pdf

¹⁸ Там же.

¹⁹ Олег Смолин. Проект федерального бюджета на 2020–2022 годы: краткий анализ в части образования и науки. <https://tovievich.ru/book/inform/9494-oleg-smolin-proekt-federalnogo-bjudzheta-na2020-2022-gody-kratkij-analiz-v-chasti-obrazovanija-i-nauki.html> (дата обращения: 07.11.2023).

²⁰ Путин призвал сделать многодетность нормой жизни для всех народов России. <https://news.mail.ru/society/58796469/?frommail=1> (дата обращения: 28.11.2023).

Понимая социальную значимость демографического роста, все-таки считаем, что в современных условиях акцент необходимо делать не на деторождении, не на увеличении количественных демографических показателей, а на инвестировании в качественное расширенное воспроизводство рабочей силы и стимулирование труда специалистов. Подчеркнем, что на финансирование национального проекта «Жилье» на 2024 г. предусмотрены бюджетные средства в объеме всего 165,7 млрд руб.; на инвестирование малого, среднего и индивидуального предпринимательства – 75,6 млрд руб., роста производительности труда – всего 6,8 млрд руб. По сравнению с выделением бюджетных средств на демографический проект это соответственно почти в 5,8 раза, в 12,7 раза, в 140,8 раза меньше²¹. С учетом уровня доходов граждан, «цены» ипотечного кредита, цены квадратного метра жилья и т.д., плюс с поправкой на инфляцию, возникает целый ряд вопросов. Где жить многим из родившихся? Чем их кормить? Как обеспечить здоровый образ жизни? Какое образование может дать детям молодая женщина, ориентированная на деторождение и не имеющая прочного материального фундамента (без соответствующего образования)? К этому можно добавить и вопрос о социальной ответственности мужчин за жен и детей, а также о социальной ответственности (безответственности) родителей за содержание, воспитание и быт детей. Подчеркнем, что, согласно неофициальным данным (из бесед с работодателями), женщины, которые получили хорошее образование, повысили квалификацию и имеют соответствующий доход, охотнее принимают решение родить ребенка, чем социально ответственная женщина с низкой заработной платой. Вместе с тем имеет место и тенденция к активному деторождению в малообеспеченных семьях. Печальные последствия этой тенденции хорошо известны.

На начало 2023 г. в РФ насчитывалось 406 тыс. детей-сирот. При этом эксперты утверждают, что еще около 20% детей-сирот не зарегистрированы в федеральном банке данных о сиротах. За последние годы количество усыновленных детей сократилось в 2 раза²². Ежегодно более 5 тыс. усыновленных детей возвращают обратно. Примерно 60% возвратов происходит по инициативе родителей, 20% – по инициативе органов опеки и 20% – по желанию самих детей²³. Подчеркнем, что до 35% детей появляются на свет с врожденными заболева-

²¹ К Федеральному закону о федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/03/main/Budget_2022_razvorot_web.pdf

²² Дети-сироты, статистика 2023 г. <https://polic15.ru/pensii-i-lgoty/deti-siroty-statistika-2023>

²³ Сирот бросают дважды: что нужно знать про новый законопроект об усыновлении. <https://www.forbes.ru/forbes-woman/494917-sirot-brosaut-dvazdy-cto-nuzno-znat-pro-novyy-zakonoproekt-ob-usynovlenii>

ниями²⁴. По официальной статистике Минздрава России, на начало 2023 года число детей с ограниченными возможностями составляет более 800 тыс. человек. За последние семь лет количество детей с инвалидностью в России увеличилось на 135 тысяч. Об этом на заседании Совета по делам инвалидов при Совете Федерации 20 декабря 2023 г. сообщил заместитель Министра труда и социальной политики Алексей Вовченко²⁵. Среди причин сиротства на первых позициях – социально-экономические проблемы и низкий уровень жизни в определенных регионах страны (безработица, низкий уровень оплаты труда, нестабильность экономики и высокое социальное неравенство). Далее следуют смерть или заболевание родителей, распад семей и разводы, алкоголизм и наркомания родителей, отсутствие удовлетворительной материальной поддержки. Эти проблемы влияют на жизненные условия семей и возможность достойного обеспечения детей²⁶. В такой ситуации нужно ли государству увеличивать эти показатели?

Акцентируем внимание на том, что ни увеличение пенсионного возраста, ни продолжение работы вышедших на пенсию граждан не решают проблему роста экономики. А это еще раз свидетельствует о необходимости *качественного* расширенного воспроизводства рабочей силы, что без соответствующего уровня развития образования и науки обеспечить невозможно.

Отдельного анализа требует состояние фундаментальной науки. За период 2005–2015 гг. объем расходов на фундаментальные исследования ни разу не превысил 1% бюджетных средств²⁷. В 2022 г. на фундаментальные исследования выделено 229,3 млрд руб. (0,3% бюджета) против 385 млрд руб., которые запрашивала РАН, т. е. на 155,7 млрд руб. (более чем на 40%) меньше²⁸. В 2023 г. было выделено около 248 млрд руб., или 0,87% бюджетных средств²⁹.

²⁴ 3 марта – всемирный день врождённых дефектов. https://people.plus-one.ru/news_articles/3-marta-vsemirnyy-den-vrozhdennyh-defektov

²⁵ Количество детей инвалидов в России на 2024 год. <https://639n.neftegorskспорт.ru/190224/kolichestvo-detej-invalidov-v-rossii-na-2024-god/>

²⁶ Сколько детей-сирот в России на 2023. <https://pyat-zvezd.ru/skolko-detej-sirot-v-rossii-na-2023>.

²⁷ Госрасходы на фундаментальную науку урезали до минимума за 11 лет. <https://newsland.com/post/5896004-gosrackhody-na-fundamentalnuiu-nauku-urezali-do-minimuma-za-11-let> (дата обращения: 07.05.2023).

²⁸ Ученые написали письмо премьер-министру о недопустимости сокращения финансирования науки. <https://www.mk.ru/science/2022/08/30/uchenye-napisali-pismo-premerministru-o-nedopustimosti-sokrashheniya-finansirovaniya-nauki.html> (дата обращения: 07.05.2023).

²⁹ Доклад президенту РФ о состоянии фундаментальных наук в Российской Федерации http://onrussia.ru/sites/default/files/doklad_prezidentu_rf_za_2015.pdf. (дата обращения: 20.11.2023).

Академическое сообщество постоянно подчеркивает необходимость активизации инвестирования в фундаментальные исследования. На такой позиции стоит О.Н. Смолин, академик РАН, депутат Государственной Думы³⁰. Такую позицию еще пять лет назад озвучил Е.Е. Онищенко, ученый Физического института им. П.Н. Лебедева РАН: «Фундаментальная наука во всех странах... – это зона финансовой ответственности государства. И если, как сейчас в России, доля ВВП страны, которая направляется на проведение фундаментальных исследований, в полтора-два раза ниже, чем в Венгрии, Греции, Польше и Португалии, не говоря о более развитых странах, то говорить про какие-то лидирующие позиции – значит сознательно пускать пыль в глаза»³¹.

Недостаточен объем расходов РФ и на инновации. В выручке российских компаний доля расходов на инновации в 4–5 раз меньше, чем у зарубежных компаний³², а в рейтинге ТОП-1000 наиболее активных инвесторов в НИОКР – только одна российская компания (ПАО «Газпром») против 318 компаний США³³. Россия занимает менее 1% доли рынка наукоемкой продукции (США – 39%, Япония – 30%). За 2012–2022 гг. доля России в мировом производстве наукоемкой продукции сократилась в 9 раз! Только 5% российских предприятий используют новейшие научные достижения (в развитых странах – до 87%).

Обескровила фундаментальную науку и «утечка мозгов»: за 2012–2022 гг. приток молодых кадров в РАН уменьшился почти в 3 раза; количество молодых ученых в РФ сократилось на 50%³⁴. А это еще раз подчеркивает необходимость, с одной стороны, активизации инвестирования в науку, а с другой – активного стимулирования труда ученых. В Российской Федерации на 146 млн населения менее 100 тыс. ученых, имеющих научную степень (0,068%) и менее 25 тыс. докторов наук (0,017%), оклады которых на уровне и даже ниже оклада дворника, кассира в супермаркете и официанта в обычном кафе³⁵. К проблеме сти-

³⁰ Олег Смолин. Проект федерального бюджета на 2020–2022 годы: краткий анализ в части образования и науки. <https://tovievich.ru/book/inform/9494-oleg-smolin-proekt-federalnogo-bjudzheta-na-2020-2022-gody-kratkij-analiz-v-chasti-obrazovanija-i-nauki.html> (дата обращения: 07.11.2023).

³¹ Госрасходы на фундаментальную науку урезали до минимума за 11 лет. <https://newsland.com/post/5896004-gosrackhody-na-fundamentalnuiu-nauku-urezali-do-minimuma-za-11-let> (дата обращения: 27.11.2023).

³² Доклад Президенту РФ.2020. <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/>. (дата обращения: 20.11.2023).

³³ The Global Innovation 1000 study/ Investigating trends at the world's 1000 largest corporate R&D spenders. <https://www.strategyand.pwc.com/gx/en/insights/innovation1000.html> (дата обращения: 20.11.2023).

³⁴ Утечка мозгов в планетарных масштабах. https://dzen.ru/a/YzAL_6AXxhIW9etE (дата обращения: 07.05.2023).

³⁵ Наука России в цифрах. <https://issek.hse.ru/news/442044357.html> (дата обращения: 18.09.2023).

мулирования труда ученых необходимо добавить проблеме бюрократизации науки, что проявляется не только в бесконечном бумаготворчестве, но и в планировании научных открытий?! Научные открытия станут реальными только при согласованном действии совокупности факторов, обеспечивающих условия творческого научного поиска.

Заключение

Основополагающее практическое значение образования и науки, как важнейшего фактора экономического роста и развития государства, усиливает социальную ответственность государства и обуславливает необходимость совершенствования управления развитием научно-образовательной деятельности. Не исключается и необходимость повышения социальной ответственности ученых, в том числе ученых-преподавателей за качество подготовки специалистов. А это предполагает серьезную работу по организации и стимулированию научно-образовательной деятельности. В этом мы видим самый действенный механизм разрешения противоречия между потребностью общества в повышении уровня образованности работников и тенденцией к снижению потребности выпускников средней школы и колледжей в высшем образовании. Одной из причин этого является отсутствие стимулов к хорошей учебе и работе в науке. Помимо проблемы оплаты труда ученых, уровень которой неадекватен затратам на воспроизводство научных кадров и их вкладу в развитие национальной экономики, срабатывает и моральный фактор. Моральная сторона снижения стимулов к высшему образованию и работе в научной сфере – наличие системы так называемых двойных коридоров и двойных стандартов: элитные слои общества в первую очередь ориентируют своих детей на престижное образование в лучших российских и зарубежных вузах (по материальным причинам недоступных для большинства граждан страны), но не на непрестижную научно-образовательную карьеру.

На наш взгляд, основными сферами социальной ответственности государства за развитие науки и образования являются:

а) разработка методологии прогнозирования перспективной потребности в специалистах высшей квалификации и механизма распределения выпускников (уместно вспомнить государственную политику обеспечения первого рабочего места);

б) интеграция в сфере научного сотрудничества вузов и научных учреждений, как в плане совместных научных исследований, так и в подготовке специалистов (для технических специальностей – заводы–втузы); вузы в своей основе не должны быть бизнес-центрами, у них другая миссия – образовательная;

в) фундаментализация учебных планов и программ подготовки специалистов (разработка и обоснованная структуризация учебных

планов и программ, преодоление практики дробления/объединения курсов, фундаментализация учебно-методической литературы и т. д.);

г) сочетание правительственных мер с действием рыночных механизмов и условий конкуренции на рынке труда;

д) повышение требований к качеству преподавания, а также к качеству знаний специалистов;

е) экономическая и социальная защита ученых, повышение уровня оплаты труда работников науки и образования, повышение стипендий аспирантам и докторантам, повышение престижа научно-образовательной деятельности;

ж) значительное сокращение масштабов бюрократизации образования и науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие. // Высшее образование в России. 2005. №1. С. 156–169.
2. Гумбольдтовская модель высшего образования. Humboldtian model of higher education (wordpress.com) wikipedia.org/wiki/Humboldtian_model_of_higher_education (дата обращения: 11.11.2023).
3. Типология университетов, модели и инструменты организационного развития: препринт [Электронный ресурс] / под ред. В.С. Ефимова. – Электрон. дан. (716 Kb). Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. <https://elib-sfu-kras.ru/handle/2311/144704> (дата обращения: 12.11.2023).
4. Носонов А.М. Факторы формирования предпринимательских университетов в России // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 4. С. 30. EDN: EMLLBU, DOI: 10.17513/spno.29978.
5. Формирование системы непрерывного бизнес-образования в России: теория и практика: моногр / Рос.экон. ун-т им. Г.В. Плеханова / Под науч. ред. В.И. Гришина. М.: Изд. РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018.
6. Захаров Н.И. Поведенческая экономика, или почему в России хотим как лучше, а получается как всегда: моногр. / Н.И. Захаров. М.: ИНФРА-М, 2018.
7. Стукалова И.Б. Финансовое обеспечение конкурентоспособности российских вузов: моногр. / И.Б. Стукалова [и др.]. М.: Русайнс, 2018.
8. Непрерывное профессиональное образование как базовый фактор формирования человеческих ресурсов: состояние, проблемы, пути развития: моногр. / РЭУ им. Г.В. Плеханова; В.М. Зуев [и др.]. М.: Изд. РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018.
9. Инновационные интегрированные структуры образования, науки и бизнеса: моногр. / Под ред. А.В. Рождественского. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2017.
10. В поисках новых моделей финансового рынка и образовательной деятельности: моногр. / А.В. Быцкевич, Э.Г. Дадян / под ред. Э.Г. Дадян. Фин. ун-т при Правительстве Российской Федерации. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2018.
11. Аспиранты России: отбор, подготовка к самостоятельной научной и педагогической деятельности: моногр. / С.Д. Резник, С.Н. Макарова, Е.С. Джевицкая / под общ. ред. С.Д. Резник. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2017.

12. Российская молодежь на рынке труда: экономическая активность и проблемы трудоустройства в мегаполисе: моногр. / под науч. ред. В.Н. Бобкова, А.А. Литвинюк. М.: Русайнс, 2018.
13. Струмилин С. Г. Хозяйственное значение народного образования / С.Г. Струмилин. М.–Л.: Экономическая жизнь, 1924.
14. Управление знаниями в корпорациях / Б.З. Мильнер [и др.] / под ред. Б.З. Мильнера. М.: Дело, 2006.

REFERENCES

1. *Andreev A.* National model of university education: emergence and development. // Higher education in Russia. 2005. No. 1. Pp. 156–169. (In Russ.).
2. Humboldtian model of higher education. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.71da3503-655dfe18-4223624f74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Humboldtian_model_of_higher_education (accessed: 11.11.2023). (In Russ.).
3. Typology of universities, models and tools of organizational development: preprint / ed. V.S. Efimov. <https://elib-sfu-kras.ru/handle/2311/144704> (accessed: 12.11.2023). Krasnoyarsk: Sib. federal univ., 2018. (In Russ.).
4. *Nosonov A.M.* Factors in the formation of entrepreneurial universities in Russia // Modern problems of science and education. 2020. No. 4. P. 30. EDN: EMLLBU, DOI: 10.17513/spno.29978
5. Formation of a system of continuous business education in Russia: theory and practice: monograph. / Ross. econ. University named after G.V. Plekhanov; ed. V.I. Grishina. M.: Publishing house REU named after G.V. Plekhanov, 2018. (In Russ.).
6. *Zakharov N.I.* Behavioral economics, or why in Russia we want the best, but it turns out as always: monograph. / N.I. Zakharov. M.: INFRA-M, 2018. (In Russ.).
7. *Stukalova I.B.* Financial support for the competitiveness of Russian universities: monograph. / I.B. Stukalova [and others]. M.: Rusayns, 2018. (In Russ.).
8. Continuing professional education as a basic factor in the formation of human resources: status, problems, development paths: monograph. / Ross. econ. University named after G.V. Plekhanov; V.M. Zuev [and others]. M.: Publishing house REU named after G.V. Plekhanov, 2018. (In Russ.).
9. Innovative integrated structures of education, science and business: monograph. / ed. A.V. Rozhdestvensky. M.: Alfa-M: INFRA-M, 2017. (In Russ.).
10. In search of new models of the financial market and educational activities: monograph. / E. G. Dadyan. Fin. University under the Government of Russian Federation. M.: University textbook: INFRA-M, 2018. (In Russ.).
11. Russian graduate students: selection, preparation for independent scientific and pedagogical activities: monograph. / S.D. Reznik, S.N. Makarova, E.S. Dzhevitskaya; General ed. S.D. Reznik. 2nd ed. M.: INFRA-M, 2017. (Scientific thought. Education). (In Russ.).
12. Russian youth in the labor market: economic activity and employment problems in a metropolis: monograph. / Scientific ed. V.N. Bobkov, A.A. Litvinyuk. M.: Rusayns, 2018. (In Russ.).
13. *Strumilin S.G.* Economic importance of public education / S.G. Strumilin. M.–L.: Economic Life, 1924. (In Russ.).
14. Knowledge management in corporations / B.Z. Milner [et al.]; ed. B.Z. Milner. M.: Delo, 2006. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 10.01.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитриченко Лилия Ивановна – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», Донецк, Россия

ORCID: 0000-0001-6956-8524

liliyadm1948@mail.ru

Аванесова Инэсса Борисовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры общей экономической теории Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0009-0005-6743-2259

aib_84@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Liliya I. Dmytrychenko – Dr. Sci.(Econ.), Professor, Head of the Department of Economic Theory, Donetsk State University, Donetsk, Russia

ORCID: 0000-0001-6956-8524

liliyadm1948@mail.ru

Inessa B. Avanesova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of General Economic Theory, The Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0005-6743-2259

aib_84@mail.ru

SCIENCE AND EDUCATION AS AN OBJECT OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE STATE

The article examines the problem of the state's social responsibility regarding the development of science and education in the country. University models are analyzed, as well as conceptual approaches to assessing the role and significance of modern education and science in various countries, including the Russian Federation. The current state of science is reflected, the dynamics of spending on scientific research in Russia is analyzed and an assessment of their levels in developed countries of the world is given. Problems and contradictions in the development of science and education in Russian society are formulated. The modern concept of state educational policy, which is being actively introduced into the scientific and educational practice of Russia provides a critical analysis. The authors come to the conclusion about the necessity to intensify the state's stimulating policy in the field of science and education.

Keywords: *state, science and education, national interests, social responsibility, fundamental nature of education, human capital.*

JEL: O43, A14, B41.

Д.В. АГАФОНОВ

кандидат экономических наук, заместитель директора
Центра экономических исследований инфраструктурных отраслей
Института экономики естественных монополий РАНХиГС,
ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

О.О. МОЗГОВАЯ

директор Центра организации научной деятельности
и управления проектами Института экономики естественных монополий
РАНХиГС, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Б.И. ФАЙН

директор Центра экономических исследований инфраструктурных отраслей
Института экономики естественных монополий РАНХиГС,
ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

В.В. КУЗНЕЦОВ

ведущий эксперт Центра методологии и судебной экономической
экспертизы Института экономики естественных монополий РАНХиГС,
ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ И ДАЛЬНЕЙШИХ ПЕРСПЕКТИВ ВНЕДРЕНИЯ ЭТАЛОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКЕ

С 2018 г. в электроэнергетике происходит эволюционная перестройка подходов к формированию регулируемых тарифов. В частности, Правительство РФ согласовало приказ об установлении новых правил определения сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков с использованием метода сравнения аналогов. Он предусматривает нормирование операционных расходов.

Радикальная трансформация подходов к тарифному регулированию требовала от всех участников рынка электрической энергии и государственных органов исполнительной власти внутренней перенастройки условий деятельности гарантирующих поставщиков. Однако в настоящее время существует недостаток оценок результатов этой перенастройки и рекомендаций для расширения применения эталонного регулирования. Основная цель статьи – подведение итогов пятилетнего периода действия метода сравнения аналогов и оценка перспектив дальнейшего его использования в отношении электросетевых предприятий.

В рамках поставленной цели авторы, в частности, исследовали изменения сбытовых надбавок: с 2018 г. выявлен рост медианной величины сбытовых надбавок в 2–3 раза в зависимости от группы потребителей. В заключение авторы предложили возможно-

сти корректировки и донастройки метода сравнения аналогов в отношении деятельности гарантирующих поставщиков. В статье также сформирована авторская оценка перспектив расширения данного метода на другие сегменты естественно-монопольной деятельности, в том числе в сфере передачи и распределения электроэнергии.

Ключевые слова: *гарантирующий поставщик, сбытовая надбавка, тарифное регулирование, метод сравнения аналогов, эталонное регулирование.*

УДК: 338.4, 338.5

EDN: LUSDVA

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_87_112

Введение

Тарифная политика является важным элементом государственного регулирования национальной экономики. В зависимости от установленной величины тарифов может изменяться динамика и структура национальной экономики [1; 2]. При этом, по мнению представителя ФАС России Васильева Д.А., «Государственное регулирование экономики должно базироваться на ряде принципов, определяющих его эффективность: принципе <...> объективной беспристрастности и распределения ответственности за работу регуляторов и снижение регуляторной нагрузки; принципе согласованности регуляторной политики на макро- и мезоуровне; принципах информационной прозрачности решений» [3].

Во многом описанные целевые принципы регулирования, изложенные представителем ФАС России, объясняют причину отказа в 2018 г. от метода экономически обоснованных затрат. Он основывался на затратном подходе (исходя из фактических расходов и обоснованности производственных программ на период регулирования). Метод экономически обоснованных расходов характеризовался рядом существенных недостатков. Среди них авторы статьи считают необходимым выделить наиболее существенные:

- отсутствие мотивационной среды к сокращению регулируемыми организациями расходов на операционную деятельность с одновременным увеличением качества предоставляемых услуг;
- наличие субъективного подхода регулирующих органов к проведению анализа экономической обоснованности заявленных расходов и установлению сбытовых надбавок;
- отсутствие долгосрочных механизмов регулирования сбытовых надбавок.

Наличие описанных выше системных недостатков привело к переходу со второго полугодия 2018 г. на новый метод тарифного регулирования гарантирующих поставщиков электрической энергии (далее – ГП) – метод сравнения аналогов. В соответствии с Федеральным зако-

ном от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» гарантирующий поставщик является коммерческой организацией, которой присвоен соответствующий статус и которая осуществляет энергосбытовую деятельность и обязана заключить договор энергоснабжения, договор купли–продажи (поставки) электрической энергии (мощности) с любым обратившимся к ней потребителем электрической энергии.

При внедрении метода сравнения аналогов ФАС России в качестве основной цели ставила снижение тарифной нагрузки на потребителей электрической энергии, в том числе за счет решения ранее накопленных в сегменте проблем. Помимо этого, ФАС России задекларировала на правительственном уровне в качестве задачи перехода на новый метод сокращение межрегиональной дифференциации сбытовых надбавок внутри групп субъектов Российской Федерации. В них предусматривались переход на сопоставимые параметры ведения финансово-хозяйственной деятельности ГП за счет установления эталонных значений затрат [4]. Согласно установленным целям был разработан и внедрен приказ ФАС России от 21.11.2017 N 1554/17 «Об утверждении методических указаний по расчету сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков с использованием метода сравнения аналогов» (далее – приказ ФАС России №1554). В приказе ФАС России №1554 были определены нормативные значения (эталонные) затрат по статьям, дифференцированным в зависимости от региона осуществления деятельности и группы масштаба, выраженные в количестве точек поставки.

Таким образом, можно констатировать, что в российской практике государственного тарифного регулирования в отношении конкретного сегмента электроэнергетической отрасли сделана первая попытка апробации новых подходов эталонного регулирования при установлении цен (тарифов).

Эталонное регулирование имеет своей целью стимулировать увеличение операционной эффективности регулируемых организаций [5;6]. По этой причине в нормативно-правовой базе регулирования ГП методом сравнения аналогов используются:

- ограничение части необходимой валовой выручки при помощи нормирования операционных затрат;
- ликвидация механизма корректировки «эталонной» выручки на величину экономии или перерасхода операционных расходов по результатам окончания периода регулирования [5].

Рассматривая эти инструменты, О.О. Мозговая в своей работе справедливо замечает, что в существующем виде методика оказывает ограниченное стимулирующее воздействие на ГП [7]. Вероятно, что поэтому представители ФАС России рассматривают возможность зафиксировать долгосрочные параметры экономической деятельности регулируемых организаций по принципу: чем меньшее соотношение

фактических и эталонных затрат, тем на больший срок определяются условия [3, с. 93].

Безусловно, первое полноценное внедрение эталонного метода регулирования выявило как его достоинства, так и недостатки. В научной работе Д.В. Агафопова и О.О. Мозговой [8] агрегированы мнения научного сообщества по вопросам практического внедрения нового метода тарифообразования в сегменте ГП (см. табл. 1).

Авторы настоящей статьи обращают внимание на отмеченную учеными РАНХиГС и МЭИ недостаточную прозрачность метода сравнения аналогов. Это отмечают как представители научного сообщества, так и представители правоприменителей. Так, Д.А. Васильев обращает свое внимание на то, что в настоящее время сохраняются диспропорции между обеспечением прозрачности, открытости и эффективности регуляторной политики [3].

Таблица 1

Обобщение мнений научного сообщества по проблемам внедрения эталонных принципов тарифообразования ГП

№ п/п	Научный институт	Достоинства метода	Недостатки метода
1	РАНХиГС	Унификация и универсализация процесса тарифного регулирования по отношению к гарантирующим поставщикам	Риски роста тарифной нагрузки на потребителей розничного рынка. Недостаточный уровень прозрачности и открытости принимаемых тарифных решений в переходный период
2	ВШЭ	Широкое использование сравнительных оценок. Развитие конкуренции на розничных рынках (бизнес становится более рентабельным, делая привлекательным для независимых сбытовых компаний обслуживание потребителей с малыми объемами потребления)	Отсутствие в методике тренда на снижение издержек (в виде индексов эффективности расходов). Негативные последствия для потребителя и регулируемых организации, прежде всего для электросетевых организаций. Прогнозный негативный сценарий – рост инвестиционной привлекательности сегмента сбыта произойдет в ущерб надежности электроснабжения
3	МЭИ	Усиление конкуренции на розничном рынке. Рост финансовой стабильности гарантирующих поставщиков	Отсутствие прозрачности формирования нормативов эталонных затрат. Рост тарифной нагрузки на потребителей

Источник: [8, с. 18].

В то же время авторы настоящей статьи фокусируют внимание на наличии в научном сообществе противоположных мнений по поводу ожидаемых итогов внедрения метода сравнения аналогов в сегменте ГП (на момент публикации соответствующих научных работ):

- исследователи из Высшей школы экономики подчеркивают, что в результате увеличения рентабельности деятельность ГП становится более привлекательной для независимых энергосбытовых компаний [9];
- представители научного сообщества из МЭИ подчеркивают, что рост бытовых надбавок, наоборот, будет стимулировать потребителей переходить к независимым энергосбытовым компаниям [6, с. 43]. При этом высокие бытовые надбавки будут стимулировать ГП выходить за границы своей зоны бытовой деятельности в качестве независимых энергосбытовых компаний [6, с. 45].

Таким образом, представители научного сообщества придерживаются схожего мнения о предстоящем росте бытовых надбавок. Взгляды расходятся в оценке механизмов увеличения конкуренции на розничном рынке электрической энергии: первый сценарий – за счет изменения статуса независимой энергосбытовой организации на статус ГП и второй вариант – за счет перехода потребителей от ГП к независимым энергосбытовым организациям.

Ожидания научного сообщества от первого пятилетнего периода функционирования ГП на базе метода сравнения аналогов об увеличении бытовой надбавки оправдались. При этом в научных трудах О.О. Мозговой и Б.И. Файна отмечается, что частично достигнута цель по снижению уровня различий в величине бытовых надбавках на региональном уровне. Однако уровень межрегиональной дифференциации тарифов остается на достаточно высоком уровне. В качестве одной из причин, которые сдерживали снижение различий в величинах бытовых надбавок между регионами, О.О. Мозговая и Б.И. Файн выделили не эталонные составляющие необходимой валовой выручки, а структуру потребления и объем полезного отпуска [10].

Наличие влияния структуры потребления и объема полезного отпуска на уровень бытовых надбавок отмечают в своей работе Д.А. Фрей, А.А. Павленок и Д.Р. Нестулаева [6]. Так, для гарантирующих поставщиков с большим количеством точек поставки, но с меньшим планируемым полезным отпуском электрической энергии, бытовые надбавки становятся выше. Это связано с привязкой операционных расходов ГП к количеству точек поставки электрической энергии. Соответственно, при их увеличении растут распределяемые затраты на меньший объем.

В качестве одного из достоинств внедрения метода сравнения аналогов научное сообщество сформулировало рост финансовой устой-

чивости ГП электрической энергии. Однако до настоящего времени не публиковались работы, которые бы описывали финансово-экономические последствия внедрения метода сравнения аналогов. Таким образом, метод сравнения аналогов на розничном рынке электрической энергии в отношении сбытовых надбавок ГП стал одним из пилотных в области применения эталонного регулирования тарифов в инфраструктурных отраслях.

Рассмотренные научные работы, как и описанные перспективы развития тарифного регулирования в России, свидетельствуют о необходимости более подробной оценки внедрения метода сравнения аналогов ГП. В частности, представляется актуальной оценка последствий от применения новой тарифной конфигурации в отношении финансово-экономического состояния и изменения сбытовых надбавок ГП за первый пятилетний период. На основе проведенного анализа авторы настоящей статьи формируют оценку целесообразности дальнейшего применения метода сравнения аналогов в сфере передачи и распределения электрической энергии, которая наряду с деятельностью ГП относится к регулируемым видам деятельности.

Настоящая научная работа содержит оценку изменений сбытовых надбавок ГП и финансово-экономического состояния ГП электрической энергии, произошедших в результате внедрения метода сравнения аналогов. Для этого авторами была сформирована и обработана информационная база данных, включающая сведения о величине сбытовых надбавок ГП (на основе данных из приказов региональных регулирующих органов) и бухгалтерскую отчетность ГП (данные Государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой) отчетности¹) за 2014–2022 гг.

Авторы исследования, применяя факторный и статистический анализ, последовательно оценили воздействие нового метода тарифного регулирования сбытовых надбавок ГП на финансово-экономическое состояние ГП, а затем и на потребителей электрической энергии. В исследовании использовались только годовые данные, отраженные в корпоративной отчетности ГП.

Исследование базировалась на данных по 85 гарантирующим поставщикам, которые являются участниками рынка электрической энергии и мощности². После проведенного исследования финансово-

---

¹ <https://bo.nalog.ru/>

² Без учета трех гарантирующих поставщиков, где энергосбытовые подразделения вертикально интегрированы в крупные компании энергетики на территории с особой спецификой работы региональных энергосистем (ПАО «Якутскэнерго», ПАО «Дальневосточная энергетическая компания» и ГУП Республики Крым «Крымэнерго»). <https://www.np-sr.ru/ru/registers/marketsubject/energycustomers/guaranteeingsuppliers/index.htm>

экономических показателей авторы настоящей статьи оценили изменение медианной величины надбавки, усредненной структуры затрат и необходимой валовой выручки (далее – НВВ)³ для всех действовавших ГП.

Финансово-экономические итоги в секторе ГП

По итогам 2022 г. совокупная выручка ГП оценивается на уровне 2003,7 млрд руб., при величине чистой прибыли – 43,1 млрд руб. (см. табл. 2).

Таблица 2

Финансовые результаты исследуемых ГП за 2014–2022 гг., млрд руб.

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
	Затратный метод			Переходный период			Метод сравнения аналогов		
Выручка от продажи товаров, продукции, работ и услуг	1223,1	1321,3	1453,1	1577,0	1662,9	1742,1	1722,1	1927,4	2003,7
Себестоимость проданных товаров, продукции, работ и услуг	701,2	743,5	827,3	882,9	919,4	929,8	1056,6	1189,1	1211,3
Валовая прибыль	521,9	577,8	625,8	693,6	743,4	812,3	665,4	738,3	792,4
Коммерческие расходы	487,9	538,4	591,8	658,2	701,9	757,2	600,5	664,9	703,7
Управленческие расходы	8,7	8,5	6,0	5,7	8,4	6,9	7,7	10,2	11,4
Прибыль (убыток) от продаж	25,4	31,0	28,7	29,7	33,1	48,2	57,2	63,2	78,0
Проценты к получению	3,0	4,5	4,2	3,6	2,5	2,8	2,5	3,6	7,4
Проценты к уплате	5,1	7,6	7,7	6,2	4,8	4,8	4,4	3,9	4,4
Прочие доходы	32,2	41,7	54,7	54,2	53,6	43,7	42,9	43,2	44,9
Прочие расходы	45,4	57,2	69,3	63,1	65,0	69,5	62,7	64,3	71,9
Прибыль (убыток) до налогообложения	12,1	12,8	10,9	18,5	20,3	20,5	36,0	42,0	56,3
Текущий налог на прибыль	3,9	4,0	4,5	5,1	6,2	8,1	8,6	10,6	13,0
Чистая прибыль (убыток)	8,3	8,5	8,1	13,3	14,1	13,6	28,3	31,8	43,1

Источник: рассчитано авторами по: данные бухгалтерской отчетности (ф. 2 бухгалтерской отчетности «Отчет о финансовых результатах») ГП.

³ Необходимая валовая выручка (НВВ) – утверждаемый регулирующим органом экономически обоснованный объем финансовых средств, который необходим гарантирующим поставщикам для осуществления регулируемой деятельности в течение регулируемого периода.

В 2020 г. (период распространения коронавирусной инфекции в РФ) произошел рост чистой прибыли до уровня 28,3 млрд руб., что в 2,1 раза выше аналогичного показателя за предыдущий период. Существенный рост данного показателя был вызван:

- низкой базой 2019 г. (по результатам периода чистая прибыль составила 13,6 млрд руб.), что продиктовано активным списанием дебиторской задолженности ПАО «Волгоградэнерго» и АО «Чувашская энергосбытовая компания» по ряду предприятий промышленности, в отношении которых проводилась процедура банкротства;
- сокращением по сравнению с 2019 г. коммерческих (в том числе затрат на услуги по передаче электрической энергии, которые возмещаются распределительным электросетевым компаниям) и прочих расходов на 21% и 10% соответственно.

В структуре совокупной выручки ГП наибольший удельный вес приходится на доходы от перепродажи электрической энергии. Выручка от реализации услуг по данному виду деятельности в 2022 г. у наиболее крупных ГП (ПАО «Мосэнерго», ПАО ГК «ТНС энерго», ООО «Русэнерго») оценивается в диапазоне 97–98% от сформированной выручки. В то же время на примере наиболее крупных ГП внеэкономическая деятельность (аренда, формирование резерва по сомнительным долгам, начисление убытков по решению судебных органов, оценочные обязательства и т.д.) является убыточной.

В рассматриваемом периоде по всем действовавшим ГП электрической энергии прочие расходы превышают прочие доходы практически в два раза. Несмотря на убытки от внеэкономической деятельности, в данном периоде у ГП электрической энергии стабильно формируется совокупная чистая прибыль. При этом за последние три года наблюдаются рекордные значения чистой прибыли, которые оцениваются в диапазоне 28,3–43,1 млрд руб.

В 2021 г. и 2022 г. на фоне окончательного перехода на новый метод формирования сбытовых надбавок наблюдается существенный рост выручки при перепродаже электрической энергии (на 11,9 и 16,4% по отношению к 2020 г.), что благоприятно сказалось на уровне чистой прибыли.

В рамках действия новой тарифной конфигурации на базе метода сравнения аналогов ГП получили возможность аккумулировать сформированную экономию издержек и направлять на собственные нужды в энергосбытовой деятельности. Экономия может быть сформирована за счет снижения собственного фактического уровня издержек по сравнению с утвержденным эталонным значением.

Кроме этого, при методе сравнения аналогов внедрен новый инструмент повышения финансовой устойчивости ГП. В состав НВВ

была включена предпринимательская прибыль, уровень которой составляет 1,5% от НВВ⁴. Денежные потоки в рамках данной статьи, оставаясь в распоряжении ГП, по результатам регулируемого периода имеют возможность увеличиться на уровень сэкономленных средств при оптимизации издержек или, в свою очередь, уменьшаться, если по итогам очередного периода регулирования фактические издержки по энергосбытовой деятельности превысили эталонные значения.

Экономическую эффективность деятельности исследуемых ГП можно оценить за счет показателей рентабельности и использования капитала, которые отражают прибыльность и эффективность деятельности за рассматриваемый период (см. табл. 3).

Большинство показателей (за исключением коэффициента текущей ликвидности и автономии) за рассматриваемый период соответствовали рекомендуемым значениям, при этом улучшение, которое обеспечило соответствие рекомендуемым значениям, особенно стало наблюдаться после 2018 г. Это позволяет сделать вывод о позитивном воздействии нового метода тарифообразования на платежеспособность, финансовую устойчивость и деловую активность ГП. С 2018 г. наиболее существенно выросли значения по коэффициенту абсолютной ликвидности (с 0,17 до 0,40), по обеспеченности собственными оборотными средствами (с 0,03 до 0,17) и по рентабельности активов (с 0,04 до 0,10). Таким образом, при методе сравнения аналогов отмечается:

- рост потенциала погашения по краткосрочным обязательствам;
- повышение обеспеченности собственными оборотными средствами, необходимыми для финансовой устойчивости;
- рост степени эффективности использования имущества.

Стратегическими документами развития электроэнергетики России на период до 2035 г.⁵ в качестве одной из ключевых задач в сфере функционирования электроэнергетической отрасли заявлен рост платежной дисциплины потребителей на розничных рынках электрической энергии. Во многом решение поставленной на правительственном уровне задачи должно обеспечиваться за счет эффективной работы ГП, в функции которых входит своевременное и надлежащее исполнение обязательств перед субъектами розничного и оптового

⁴ В соответствии с п. 65 (2) Основ ценообразования в электроэнергетике № 1178 расчетная предпринимательская прибыль устанавливается в размере 1,5% от валовой выручки без учета стоимости услуг по передаче электрической энергии и иных инфраструктурных услуг, оказание которых является неотъемлемой частью процесса поставки электрической энергии потребителям.

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации №1523-р от 09.06.2020 «Об Энергетической стратегии РФ на период до 2035 г.».

Таблица 3

**Показатели финансово-экономического анализа деятельности
исследуемых ГП за 2014–2022 гг.**

Показатель	Норматив	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
		Затратный метод				Переходный период			Метод сравнения аналогов	
КОЭФФИЦИЕНТЫ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ										
Коэффициент абсолютной ликвидности	> 0,2	0,26	0,21	0,18	0,17	0,17	0,23	0,33	0,35	0,40
Коэффициент текущей ликвидности	>2	1,06	1,06	1,05	1,04	1,04	1,04	1,13	1,15	1,22
Показатель обеспеченности обязательств должника его активами	>1	1,28	1,38	1,35	1,38	1,37	1,39	1,44	1,53	1,61
Степень платежеспособности по текущим обязательствам	<3 месяцев	1,81	1,77	1,74	1,65	1,56	1,53	1,63	1,48	1,44
КОЭФФИЦИЕНТЫ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ										
Коэффициент автономии (финансовой независимости)	> 0,5	0,25	0,29	0,28	0,29	0,29	0,31	0,33	0,36	0,39
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами (доля собственных оборотных средств в оборотных активах)	> 0,1	0,04	0,04	0,05	0,04	0,03	0,03	0,09	0,12	0,17
Показатель отношения дебиторской задолженности к совокупным активам	0,4 – 0,7	0,56	0,56	0,59	0,59	0,58	0,54	0,51	0,48	0,46
КОЭФФИЦИЕНТЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ДЕЛОВУЮ АКТИВНОСТЬ										
Рентабельность активов	>0	0,03	0,03	0,03	0,04	0,04	0,04	0,07	0,08	0,10
Норма чистой прибыли	>0	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02	0,02	0,02
Рентабельность продукции		0,01	0,01	0,01	0,02	0,02	0,01	0,03	0,03	0,04

Источник: составлено авторами по: данные бухгалтерской отчетности гарантирующих поставщиков электрической энергии.

рынков электрической энергии⁶. ГП, приобретая на оптовом рынке электрическую энергию, впоследствии реализует ее потребителям на розничном рынке. Поэтому особенностью ведения хозяйственной деятельности ГП является стабильное наличие просроченной дебиторской задолженности различных групп потребителей (начиная с управляющих компаний, заканчивая предприятиями сельского хозяйства, муниципальными предприятиями).

В структуре совокупных активов по-прежнему преобладает дебиторская задолженность, что соответствует специфике ведения финансово-хозяйственной деятельности ГП на рынках электрической энергии. Вместе с тем доля совокупной дебиторской задолженности (краткосрочной и долгосрочной) в структуре суммарных активов по сегменту ГП сократилась в 2018 г. с 58,45 до 46,25% по состоянию на конец 2022 г. В период 2018–2022 гг. в структуре суммарных активов наблюдается рост доли денежных средств и эквивалентов (на 13,88%), краткосрочных финансовых вложений (на 2,1%). Суммарная величина дебиторской задолженности по ГП с момента ввода нового метода сравнения аналогов выросла незначительно (на 7,1 млрд руб., или на 3,7%), что свидетельствует о некоторой стабилизации работы по взиманию платежей с потребителей и, по сути, является положительным изменением (см. табл. 4).

Таблица 4

Суммарный бухгалтерский баланс по ГП за 2018–2022 гг., млрд руб.

Наименование показателя	31.12.2018	31.12.2019	31.12.2020	31.12.2021	31.12.2022
	Переходный период			Метод сравнения аналогов	
АКТИВ					
Раздел I					
Нематериальные активы	2,5	4,1	5,0	5,3	5,2
Основные средства	44,3	47,7	47,0	55,4	67,0
Доходные вложения в материальные ценности	0,2	0,1	0,0	0,1	0,1
Финансовые вложения	40,8	45,1	46,0	46,8	42,2

⁶ Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 №442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии».

Продолжение табл. 4

Наименование показателя	31.12.2018	31.12.2019	31.12.2020	31.12.2021	31.12.2022
	Переходный период			Метод сравнения аналогов	
Отложенные налоговые активы	6,5	8,1	9,9	10,3	11,6
Прочие внеоборотные активы	2,1	2,2	3,4	4,3	5,3
Итого по разделу I	96,5	107,3	111,3	122,2	131,5
Раздел II					
Запасы	2,1	2,4	2,0	2,3	2,6
Налог на добавленную стоимость по приобретенным ценностям	1,0	0,6	0,6	0,5	0,5
Дебиторская задолженность	193,4	187,7	195,1	195,3	200,5
Краткосрочные финансовые вложения	5,1	5,4	11,4	12,6	12,9
Денежные средства и денежные эквиваленты	32,0	45,8	64,8	70,9	83,1
Прочие оборотные активы	0,8	0,5	0,4	0,6	0,9
Итого по разделу II	234,4	242,6	274,3	282,3	302,1
БАЛАНС	330,9	349,9	385,7	404,4	433,5
ПАССИВ					
Раздел III					
Уставный капитал	20,5	21,0	21,0	21,4	16,5
Собственные акции, выкупленные у акционеров	-0,2	-0,2	-0,1	0,0	-0,1
Переоценка внеоборотных активов	5,4	6,5	5,9	5,7	3,8
Добавочный капитал (без переоценки)	10,6	11,0	9,9	10,2	10,3
Резервный капитал	2,0	1,9	2,0	2,4	2,2
Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)	51,1	57,8	78,8	97,6	128,1
Итого по разделу III	89,4	98,2	117,5	137,3	160,5

Окончание табл. 4

Наименование показателя	31.12.2018	31.12.2019	31.12.2020	31.12.2021	31.12.2022
	Переходный период			Метод сравнения аналогов	
Раздел IV					
Заемные средства	7,7	10,2	11,3	6,7	5,1
Отложенные налоговые обязательства	3,2	3,7	5,1	5,2	7,1
Оценочные обязательства	0,4	0,7	0,7	0,5	0,7
Прочие обязательства	6,6	5,3	9,2	6,9	10,9
Итого по разделу IV	17,9	19,9	26,3	19,4	23,7
Раздел V					
Заемные средства	39,9	34,7	29,7	24,4	19,1
Кредиторская задолженность	175,6	187,3	203,3	213,9	219,7
Доходы будущих периодов	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0
Оценочные обязательства	7,8	9,1	8,5	9,5	9,6
Прочие обязательства	0,2	0,5	0,3	0,1	1,0
Итого по разделу V	223,6	231,7	241,9	247,8	249,3
БАЛАНС	330,9	349,9	385,7	404,4	433,5

Источник: составлено авторами по: данные бухгалтерской отчетности гарантирующих поставщиков электрической энергии.

За счет проблемной дебиторской задолженности формируется недостаточная обеспеченность собственным оборотным капиталом. В результате у ГП возникают кассовые разрывы и нарастает объем кредиторской задолженности. ГП (как и до ввода метода сравнения аналогов) активно проводится работа по сокращению кредитной нагрузки – суммарная величина (долгосрочных и краткосрочных) заемных средств к 2022 г. по сравнению с 2018 г. снизилась на 23,5 млрд руб., или на 49,4%. Обратным эффектом от снижения активности по привлечению займов на кредитно-финансовых рынках является увеличение совокупной кредиторской задолженности в период 2018–2022 гг. на 25% (или на 44,05 млрд руб.), составив по итогам 2022 г. – 219,65 млрд руб. Снижение объемов использования заемных средств связано с особенностью учета и сложностью экономического обоснования расходов на обслуживание кредитов в составе сбытовой надбавки, где данный вид расходов и его величина на постоянной основе являются предметом для судебных процессов.

Таким образом, проведенное авторское исследование результатов финансово-хозяйственной деятельности свидетельствует об улучшении финансового состояния в сегменте ГП. С 2018 г. наблюдается устойчивый тренд на улучшение ряда ключевых показателей, характеризующих финансово-экономическое состояние (коэффициентов финансовой устойчивости, платежеспособности, деловой активности). Наблюдается рост чистой прибыли и снижение доли ГП с высоким риском наступления банкротства и неспособностью выполнять обязательства.

Оценка тарифных последствий перехода на новый метод определения сбытовых надбавок ГП

В соответствии с приказом ФАС России от 21.11.2017 № 1554/17 «Об утверждении методических указаний по расчету сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков с использованием метода сравнения аналогов» тарифы устанавливаются для следующих категорий потребителей:

1. Население и приравненные к нему категории (далее – население).
2. Прочие потребители всех подгрупп (менее 670 кВт, от 670 кВт до 10 МВт, не менее 10 МВт).
3. Сетевые организации.

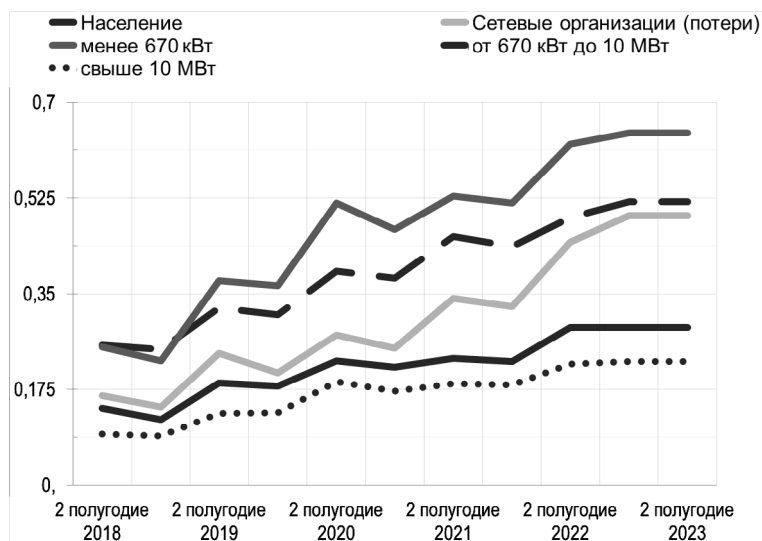
Медианная утвержденная величина сбытовой надбавки ГП электрической энергии во втором полугодии 2023 г. для населения составила 0,518 руб./кВт·ч, для прочих потребителей находилась в диапазоне 0,254–0,644 руб./кВт·ч⁷ в зависимости от уровня напряжения (см. рис. 1).

Со второго полугодия 2018 г. наиболее высокие темпы роста сбытовой надбавки наблюдаются для группы потребителей «сетевых организаций», покупающих электроэнергию у ГП в целях компенсации технологических потерь. С момента ввода новой системы тарифообразования сбытовая надбавка для группы потребителей «сетевые организации» увеличились на 0,328 руб./кВт·ч, или в 3 раза, и по итогам второго полугодия 2023 г. составила 0,493 руб./кВт·ч (против 0,164 руб./кВт·ч в 2018 г.).

Наиболее высокий уровень сбытовой надбавки ГП наблюдается для группы потребителей «прочие потребители» с мощностью потребления менее 670 кВт·ч⁸. Медианная стоимость услуг ГП для данной группы потребителей достигла во втором полугодии 2023 г. уровня в 0,645 руб./кВт·ч (что на 0,392 руб./кВт·ч выше значений 2018 г.). При

⁷ Расчет авторов на основе данных, раскрываемых гарантирующими поставщиками в рамках Постановления Правительства РФ от 21.01.2004 № 24 «Об утверждении стандартов раскрытия информации субъектами оптового и розничных рынков электрической энергии».

⁸ К группе потребителей относятся малое предпринимательство, сфера услуг и т.д.

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Динамика изменения медианной утвержденной величины сбытовой надбавки за 2018–2023 гг. по группам потребителей (в разрезе полугодий)

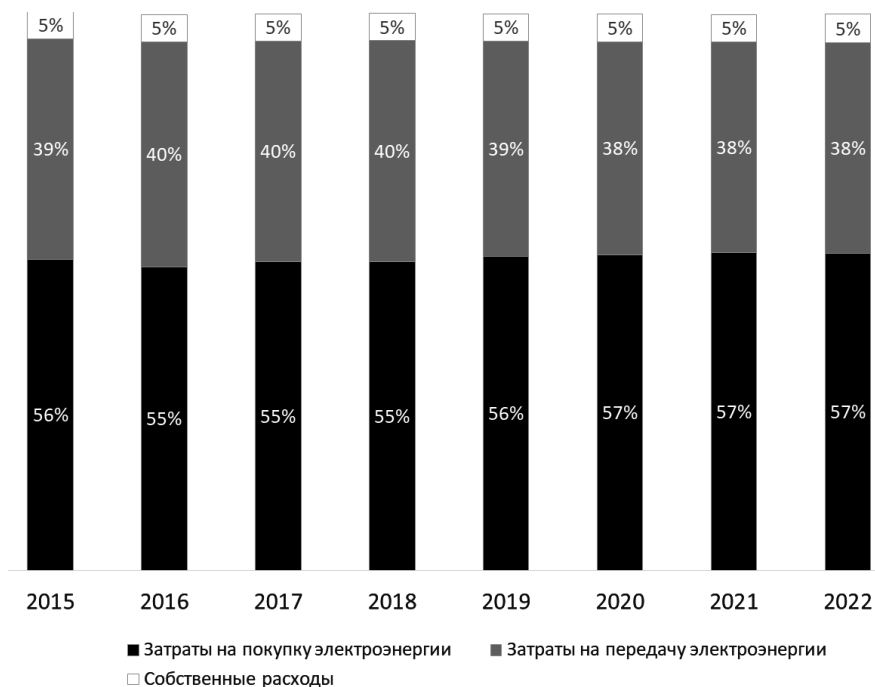
этом на момент ввода в действие нового метода сравнения аналогов у большинства ГП сбытовая надбавка для потребителей с мощностью потребления менее 670 кВт·ч и населения были на сопоставимом уровне (0,255 руб./кВт·ч).

Среди всех групп потребителей у населения отмечаются наиболее низкие темпы роста сбытовой надбавки. Государственной регуляторной средой в условиях новых механизмов формирования сбытовой надбавки продолжается политика социальной направленности в отношении скрытой поддержки населения. Это приводит к искажению стимулов роста энергосбережения в бытовом секторе и увеличению перекрестного субсидирования в целом по электроэнергетике.

Деятельность ГП связана с трансляцией на розничный рынок электрической энергии расходов, которые понесли производители электрической энергии и электросетевые компании. За организацию сбытовой деятельности на рынке электрической энергии ГП получают компенсацию в размере сбытовой надбавки, как за объем поставленной электрической энергии, так и за потери, которые оплачивают сетевые компании⁹. В такой структуре расходов доля собственных операционных затрат, связанных с энергосбытовой деятельностью,

⁹ Форма раскрытия информации «Структура и объем затрат на производство и реализацию товаров (работ, услуг)», в соответствии с п. б) п.12 Постановления Правительства РФ от 21 января 2004 г. № 24 «Об утверждении стандартов раскрытия информации субъектами оптового и розничных рынков электрической энергии».

по итогам 2023 г. в структуре баланса усредненного ГП оценивается на уровне 5%, что соответствует уровню 2015–2018 гг. (до перехода на новый метод формирования сбытовой надбавки) (см. рис. 2).

Источник: составлено авторами по: данные раскрытия информации ГП.

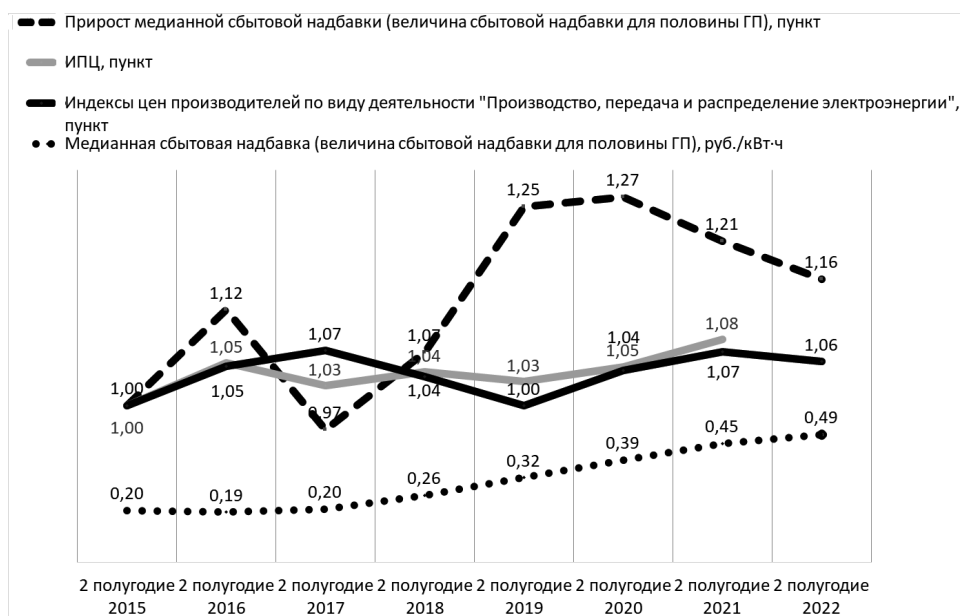
Рис. 2. Структура расходов ГП электрической энергии за 2015–2022 г. (без инфраструктурных платежей АО «СО ЕЭС» и «Совет рынка»)

Переход на новый метод определения сбытовой надбавки не привел к резким колебаниям доли собственных издержек в структуре расходов ГП, связанных с энергосбытовой деятельностью. По-прежнему сектор генерации и сетевая составляющая формируют значительную часть расходов ГП.

В результате институциональных преобразований в электроэнергетике в период расформирования РАО «ЕЭС России» сбытовая надбавка осталась в регулируемом сегменте, где предусмотрены механизмы государственного тарифного регулирования. В конце 2017 г. на президентском уровне отмечалось, что развитие электроэнергетики должно осуществляться при обеспечении роста тарифов на электроэнергию для потребителей на уровне не выше заданных инфляционных параметров¹⁰. Тем не менее с 2018 г. отмечаются темпы роста сбытовой

¹⁰ <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/56370>.

надбавки, опережающие темпы роста фактической величины инфляционных значений показателей. Вместе с тем темпы роста сбытовой надбавки соответствуют темпу роста среднего тарифа на электроснабжение (индексы цен производителей по виду деятельности «Производство, передача и распределение электроэнергии») для конечных потребителей (см. рис. 3). При этом тарифы на электроснабжение (тарифы на электроэнергию для конечных потребителей) в отношении населения и приравненных к нему категорий потребителей являются регулируемыми и устанавливаются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов. Тарифы для прочих потребителей на розничном рынке электроэнергии включают как регулируемую составляющую (цена услуг по передаче электроэнергии, инфраструктурные платежи, сбытовая надбавка), так и нерегулируемую составляющую (цена электроэнергии и мощности, транслируемая с оптового рынка электроэнергии и мощности).

Источник: составлено авторами по: данные приказов об установлении сбытовых надбавок региональных регулирующих органов; Росстата.

Рис. 3. Индексы цен производителей по виду деятельности «Производство, передача и распределение электроэнергии», ИПЦ и сбытовой надбавки за 2015–2022 гг.

Ранее превышение приростов сбытовой надбавки над индексом потребительских цен также отметили О.О. Мозговая и Ю.В. Шеваль [11]. По их расчетам, осуществляемым в 2019 г., у 90% исследуемых ГП рост средневзвешенных сбытовых надбавок с момента перехода на

новую методику превысил темпы роста инфляции. Однако такие изменения имеют короткий горизонт и связаны в первую очередь с доведением НВВ до эталонного уровня. Как видно на графике, с 2020 г. величина роста медианного значения бытовой надбавки ГП снижается и сближается с величиной индекса потребительских цен.

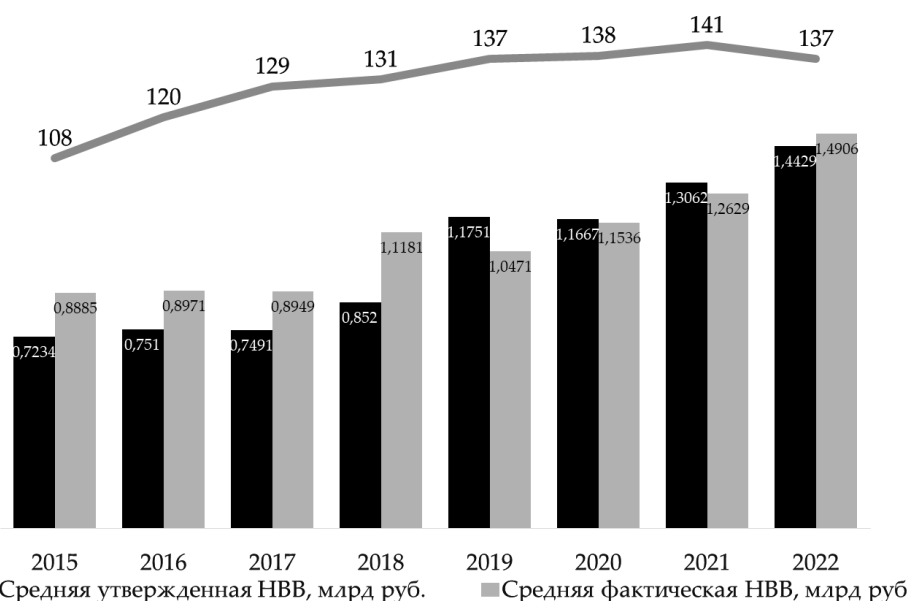
Выявленный рост величины бытовой надбавки не оказывает значительного влияния на рост стоимости электрической энергии для конечного потребителя. Это связано с низкой долей бытовой надбавки в конечном тарифе на электроэнергию в пределах 5–7% за период 2015–2022 гг. Соответственно, до настоящего времени потребительским сообществом критически не воспринимался рост бытовой надбавки в отличие от проблем реализации тарифной политики в электросетевом комплексе [8].

Бытовая надбавка формирует необходимую валовую выручку ГП – экономически обоснованного объема финансовых средств, который компенсирует издержки на ведение финансово-хозяйственной деятельности ГП и позволит достигать установленных показателей эффективности. По итогам тарифной кампании регулирующий орган устанавливает НВВ на очередной год регулирования для каждого ГП, который имеет соответствующий статус в соответствии с законодательством и подал заявку на установление бытовых надбавок. В результате формируется плановая (утвержденная) НВВ. В течение года потребители рассчитываются с гарантирующим поставщиком за получаемые услуги, и в итоге формируются фактические значения НВВ. Плановое значение и фактическое могут не совпадать по разным причинам, в том числе в результате изменения объема потребляемой энергии, решения тарифного органа, который оценивал экономически обоснованные расходы и т.д.

Средняя величина плановой (утвержденной) НВВ ГП за 2022 г. составила 1,44 млрд руб., что в целом соответствует фактической величине в размере 1,49 млрд руб. (см. рис. 4).

Ввод метода сравнения аналогов и последующее нормирование расходов ГП по эталонным значениям привел к резкому росту утвержденной регулирующим органом величины НВВ. В 2018 г. по сравнению с предыдущим периодом рост утвержденного значения НВВ составил 13,2%, в 2019 г. – 37,9%. С 2020 г. рост утвержденной величины НВВ наблюдался в пределах 10% в год, что несколько выше фактической величины инфляционных значений (7–8%). Резкий рост НВВ в 2019 г. связан с реализацией графика доведения НВВ до эталонной величины. Он представляет собой план увеличения в течение трех лет (2018, 2019, 2020 г.) НВВ ГП до уровня, рассчитанного по новой методике. Разница между НВВ «по-старому» и «по-новому» способу расчета должна была быть скорректирована на 2,5 года. Для ряда ГП рост СН мог составлять более 100%.

Источник: составлено авторами по: предложения ГП.

Рис. 4. Динамика утвержденных и фактических средних величин НВВ ГП за 2015–2022 гг.

В результате, например на территории Ставропольского края, в 2020 г. НВВ ОАО «Пятигорские электрические сети» должна была увеличиться на 145%, НВВ АО «Горэлектросеть» – на 200%. Из-за значительных отличий в величинах НВВ в 2020 г. первоначальный утвержденный план перехода был скорректирован: срок переходного периода увеличен до 4 лет во избежание одномоментного значительного увеличения НВВ ГП в некоторых субъектах РФ. В итоге рост НВВ ОАО «Пятигорские электрические сети» был определен на уровне 55,9 и 90,8% в 2020 и 2021 гг. соответственно, а для АО «Горэлектросеть» – 65,0 и 113,6%.

Учитывая возможность масштабирования эталонного регулирования на другие виды деятельности, авторы настоящей статьи при рассмотрении графика доведения НВВ обращают внимание на научное исследование Института экономики естественных монополий РАНХиГС. В нем определены недостатки применения индекса изменения совокупной величины эталонной выручки (рассчитывается в соответствии с Методическим указаниями по расчету сбытовых надбавок ГП с использованием метода сравнения аналогов), связанные с тем, что регуляторы трактовали применение индекса изменения совокупной величины эталонной выручки самостоятельно, исходя из сложившейся региональной специфики тарифного регулирования. В результате по итогам 2018 г. и 2019 г. на территории половины субъектов РФ эталонное значение НВВ превысило экономически обоснованную величину, рассчитанную методом экономически обоснованных затрат, на несколько десятков процентов [12].

Внедрение нового метода формирования сбытовых надбавок для ГП электрической энергии, основанного на механизмах долгосрочного тарифообразования, предполагало снижение административной нагрузки при тарифном регулировании для всех участников регуляторной среды. На сегодняшний момент ГП, как субъектом розничного рынка, раскрывается информация по более чем 20 показателям, характеризующих его деятельность¹¹. Существующая система раскрытия информации не трансформировалась вслед за системой определения величины сбытовой надбавки. Процедуры и этапы тарифного регулирования для ГП при экономическом обосновании величины сбытовой надбавки по-прежнему предусматривают ряд обязательных ежегодных мероприятий, в том числе:

- формирование тарифной заявки;
- проверка статуса гарантирующего поставщика;
- раскрытие информации в соответствии с отраслевыми требованиями;
- экспертиза и утверждение в конце календарного года параметров регулирования в соответствии с тарифно-балансовыми решениями региональных властей;
- рассмотрение разногласий (в том числе в судебном порядке);
- проведение проверок на соответствие отраслевому законодательству.

Практикой отечественного тарифного регулирования субъектов электроэнергетики предусматривается строгая ориентация и привязка к заданным инфляционным параметрам, отраженным в прогнозных документах государственных институтов, ответственных за экономическое развитие.

Таким образом, существующие процедуры тарифного регулирования при заблаговременно предполагаемых диапазонах увеличения тарифов по-прежнему содержат элементы формального подхода к утверждению регулируемых тарифов в сфере ГП электрической энергии. Рост прозрачности процессов тарифного регулирования для общественности и экспертного сообщества позволит в будущем аккумулировать ресурсы органов государственной исполнительной власти и субъектов регулирования на вопросах развития отраслей и выработке критически важных параметров результативности принимаемых управленческих решений.

---

¹¹ Постановление Правительства РФ от 21.01.2004 № 24 «Об утверждении стандартов раскрытия информации субъектами оптового и розничных рынков электрической энергии».

Заключение

Результаты применения метода сравнения аналогов при регулировании представляются неоднозначными.

С одной стороны, очевидно, что динамика сбытовых надбавок ГП за прошедший период не соответствует основной концепции, установленной в сфере государственного тарифного регулирования, направленной на сдерживание роста тарифов для конечных потребителей в рамках инфляционных параметров. В условиях, когда за последние пять лет уровень сбытовых надбавок большинства ГП вырос в 2–3 раза, потребителей можно рассматривать как заложников используемого в сегменте ГП метода формирования сбытовой надбавки на базе эталонов затрат. Вместе с тем потребители имеют возможность перехода на обслуживание в независимые энергосбытовые компании, которые могут предложить более гибкие условия и тарифное меню. Игнорируя, в силу определенных причин, право перехода на обслуживание в независимые энергосбытовые компании, потребители оказываются в ситуации обязательной компенсации в составе тарифа на электрическую энергию сложившихся у ГП величин сбытовых надбавок.

С другой стороны, можно наблюдать положительный сальдированный эффект от внедрения новых механизмов формирования сбытовых надбавок при исследовании финансового состояния ГП. Практически по всем критериям финансовой оценки гарантирующие поставщики электрической энергии демонстрируют положительные результаты. Величина чистой прибыли ГП за последние три года составила более 20 млрд руб., наблюдается существенное увеличение рентабельности активов (с 2018 г. более чем в 2 раза). Это подтверждают прогнозы в условиях значительного роста сбытовых надбавок. Результатом тарифного регулирования является практически двукратный рост утвержденной величины суммарной НВВ – с 0,85 млрд руб. до уровня 1,442 млрд руб. Остаются проблемы эффективной работы с дебиторской задолженностью, которая является одним из приоритетных направлений для ГП. Несмотря на сокращение ее доли в совокупных активах с 61,2% до 50,1%, суммарная дебиторская задолженность незначительно увеличивалась (за последние пять лет на 1,7% до уровня 172,3 млрд руб.).

Кратный рост величины сбытовых надбавок накладывается на накопившиеся со стороны потребительского сообщества нерешенные вопросы, связанные с недостаточной прозрачностью алгоритма и механизмов утверждения в регулирующих органах, ответственных за тарифную политику, уровня нормативов по эталонам затрат, которые служат базой для расчета сбытовых надбавок. Сложившаяся ситуация с высоким уровнем сбытовых надбавок может активизировать процессы массового перехода потребителей (за исключением населе-

ния) на клиентское обслуживание в независимые энергосбытовые компании. В худшем сценарии уход крупных потребителей сформирует высокие риски банкротства среди ГП и снизит стабильность обслуживания социально значимой группы потребителей – населения.

По мнению авторов, переход к применению и реализации метода сравнения аналогов на базе формирования эталонов затрат в других сегментах электроэнергетики, в том числе в сфере передачи электрической энергии, является преждевременным. Решение по внедрению принципов эталонного регулирования в распределительный электросетевой комплекс должно содержать очень взвешенный и сбалансированный подход, принимать во внимание накопленный опыт в отношении гарантирующих поставщиков и учитывать, что:

- в отличие от ГП предприятия распределительного электросетевого комплекса несут на себе технологически сложный производственный функционал предоставления услуг по передаче электрической энергии;
- на долю услуг по передаче электрической энергии приходится практически половина от величины конечного тарифа на электрическую энергию, и соответственно, цена возможных просчетов (недочетов) будет очень высокой и болезненно восприниматься в потребительском сообществе;
- процессы внедрения новых методов регулирования в электросетевом комплексе протекают весьма сложно, сталкиваются со значительными трудностями и спецификой данного сегмента. Попытка внедрения метода доходности инвестированного капитала (RAB) на уровне ФАС России в 2011 г. признана неудачной¹².

В целях совершенствования тарифного регулирования, основанного на методе сравнения аналогов (на примере гарантирующих поставщиков), рекомендуется:

- проведение мониторинга постатейной динамики затрат ГП и оценка целесообразности корректировки размера эталонов. В состав НВВ каждого ГП включаются разные виды расходов, которые характеризуется неоднородностью изменения цен на различные виды товаров и услуг (начиная от расходов на материалы, заканчивая расходами на обслуживание заемных средств). В условиях изменений экономической ситуации, а также с учетом внутриотраслевых факторов (к примеру, существенного отклонения фактического уровня затрат от определенных на основе эталонов) регулятором может быть принято решение о пересмотре установленных величин эталонов затрат для ГП;

¹² <https://fas.gov.ru/publications/11694>

- внедрение института проведения независимых и объективных экспертиз тарифных заявок. На практике для ряда региональных органов тарифного регулирования физический объем работы по детальной экспертизе тарифных заявок ГП является трудоемким и неподъемным процессом. Проведение внутренних экспертиз предусматривает формальное выполнение требований методических указаний, при этом присутствует вероятность неоднозначной трактовки норм тарифного законодательства. На начальном этапе установления величины сбытовой надбавки ГП на базе нового метода тарифного регулирования является целесообразным привлечение экспертного сообщества с целью всестороннего рассмотрения тарифных заявок;
- совершенствование методологических подходов при регулировании деятельности ГП для целей роста прозрачности тарифного регулирования. Функционирование ГП на оптовом и розничных рынках электрической энергии относится к естественно-монопольным видам деятельности. Очевидно, что к основным положениям новой методологии расчета сбытовой надбавки ГП будут применяться отдельные корректировки, которые должны сформировать долгосрочную стабильность и предсказуемость механизмов тарифного регулирования. В условиях резкого роста величин сбытовых надбавок ГП со стороны регуляторной среды необходимо усиление стимулирующего эффекта тарифного регулирования в направлении соизмеренного (величине сбытовых надбавок) повышения качества обслуживания потребителей на базе выполнения утвержденных Постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 г. №442 стандартов обслуживания потребителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев Д.А.* Новое в государственном регулировании тарифов электроэнергетических компаний // Экономика и предпринимательство. 2019. № 9 (110). С. 161–166.
2. *Рыкова И.Н., Табуров Д.Ю.* Тарифная политика на основе анализа динамики регулируемых и свободных цен в отрасли электроэнергетики // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2018. № 5 (68). С. 115–126.
3. *Васильев Д.А.* Государственное тарифное и антимонопольное регулирование электроэнергетического комплекса: институциональный аспект // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 97. С. 85–97.
4. *Королев В.Г.* Зачем нужен эталонный принцип регулирования // Независимая газета. 2018, 8 октября. https://www.ng.ru/ng_energiya/2018-10-08/12_7327_princip.html.
5. *Мозговая О.О., Шеваль Ю.В., Кузнецов В.В.* Эталонный метод регулирования как путь к повышению эффективности деятельности гарантирующих поставщиков // Вестник Евразийской науки. 2019. № 5 (11). <https://esj.today/PDF/77ECVN519.pdf>.

6. Фрей Д.А., Павленок А.А., Нестулаева Д.Р. Совершенствование методов регулирования сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 3. С. 40–46.
7. Мозговая О.О. Эталонный метод и метод сравнения аналогов при регулировании энергосбытовой деятельности: синонимы или нет // Вестник Евразийской науки. 2019. № 6 (11). <https://esj.today/PDF/17EC VN619.pdf>.
8. Агафонов Д.В., Мозговая О.О. Оценка влияния современных подходов формирования тарифной политики на финансово-хозяйственную деятельность гарантирующих поставщиков электроэнергии в РФ // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2022. № 2 (41). С. 15–25.
9. Долматов И.А., Панова М.А. Тарифное регулирование методом эталонных затрат: ожидания и реальность // Энергорынок. 2018. № 3(158). С. 16–23.
10. Мозговая О.О., Файн Б. И. Межрегиональная дифференциация сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков электрической энергии до и после перехода на метод сравнения аналогов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 120–149.
11. Мозговая О.О., Шеваль Ю.В. Установление сбытовых надбавок гарантирующих поставщиков методом сравнения аналогов: снижение или рост // Вестник университета. 2019. № 12. С. 119–125.
12. Суюнчев М.М., Мозговая О.О., Кузнецов В.В. Исследование тарифных последствий применения эталонного метода регулирования деятельности гарантирующих поставщиков электрической энергии (Препринт). М.: РАНХиГС, 2019.

REFERENCES

1. Vasilyev D.A. New in state regulation of electricity companies tariffs //Economy and Entrepreneurship. 2019. No. 9(110). Pp. 161–166.(In Russ.).
2. Rykova I., Taburov D. Tariff policy based on the analysis of the dynamics of regulated and free prices in the electricity sector //Newsletter of North-Caucasus Federal University. 2018. No. 5(68). Pp. 115–126. (In Russ.).
3. Vasilyev D.A. State Tariff and Antimonopoly Regulation of the Electric Power Complex: Institutional Aspect // Public Administration. E-journal (Russia).2023. No. 97. Pp. 85–97. (In Russ.).
4. Korolev V. Why do we need a yardstick regulation // Nezavisimaya Gazeta, 2018. October 08. https://www.ng.ru/ng_energiya/2018-10-08/12_7327_princip.html (In Russ.).
5. Mozgovaya O.O., Sheval Yu.V., Kuznetsov V.V. Development of default electricity suppliers' efficiency by the yardstick regulation // The Eurasian Scientific Journal. 2019. No. 5(11). <https://esj.today/PDF/77ECVN519.pdf> (In Russ.).
6. Frey D.A., Pavlenok A.A., Nestulaeva D.R. Improvement of Methods of Regulation of Sales Markups of Guaranteed Suppliers // The Review of Economy, the Law and Sociology. 2020. No. 3. Pp. 40–46. (In Russ.).
7. Mozgovaya O.O. The yardstick competition and comparative method of electricity suppliers' regulation: synonyms or not // The Eurasian Scientific Journal. 2019. No. 6(11). <https://esj.today/PDF/17ECVN619.pdf>. (In Russ.).
8. Agafonov D.V., Mzhgovaya O.O. Assessment of modern approaches impact to the tariff policy formation on the default electricity suppliers financial and economic activities in RF // Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management. 2022. No. 2(41). Pp. 15–25. (In Russ.).

9. *Dolmatov I.A., Panova M.A.* Tariff regulation using the reference cost method: expectations and reality // *Energorynok*. 2018. No. 3(158). Pp. 16–23. (In Russ.).
10. *Mozgovaya O.O., Fain B.I.* Interregional differentiation of sales markups of guaranteed (default) electricity suppliers before and after the switch to the method of analogues' comparison // *Public Administration Issues*. 2023. No. 1. Pp. 120–149. (In Russ.).
11. *Mozgovaya O.O., Sheval Yu.V.* The establishment of sales markups of guaranteeing electricity suppliers by method of comparison of analogues: decrease or increase // *Vestnik universiteta*, 2019. No. 12. Pp. 119–125. (In Russ.).
12. *Suyunchev M.M., Mozgovaya O.O., Kuznetsov V.V.* The tariff effects research of comparative method for default electricity supplier's regulation. (Preprint). М.: РАНЕРА, 2019. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 15.01.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонов Дмитрий Валентинович – кандидат экономических наук, заместитель директора Центра экономических исследований инфраструктурных отраслей Института экономики естественных монополий РАНХиГС, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7217-2256
agafonov-dv@ranepa.ru

Мозговая Оксана Олеговна – директор Центра организации научной деятельности и управления проектами Института экономики естественных монополий РАНХиГС, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6556-2459
mozgovaya-oo@ranepa.ru

Файн Борис Ильич – директор Центра экономических исследований инфраструктурных отраслей Института экономики естественных монополий РАНХиГС, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0891-4849
fayn-bi@ranepa.ru

Кузнецов Василий Владимирович – ведущий эксперт Центра методологии и судебной экономической экспертизы Института экономики естественных монополий РАНХиГС, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4853-1698
seem@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Dmitriy V. Agafonov – Cand. Sci.(Econ.), Deputy Director of the Centre for Economic Research of Infrastructure Industries of the Natural Monopoly Economies Institute, RANEPА, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7217-2256
agafonov-dv@ranepa.ru

Oksana O. Mozgovaya – Director of the Centre for Organization of Scientific Activity and Project Management of the Natural Monopoly Economies Institute, RANEPА, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6556-2459
mozgovaya-oo@ranepa.ru

Boris I. Fayn – Director of the Centre for Economic Research of Infrastructure Industries of the Natural Monopoly Economies Institute, RANEPА, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0891-4849
fayn-bi@ranepa.ru

Vasilij V. Kuznetsov – Lead expert of the Centre for Methodology and Forensic Economic Analysis of the Natural Monopoly Economies Institute, RANEPА, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4853-1698
ceem@mail.ru

ASSESSING THE RESULTS AND PROSPECTS FOR INTRODUCING YARDSTICK REGULATION IN THE ELECTRIC POWER INDUSTRY

Since 2018, the electric power industry has been undergoing an evolutionary restructuring of approaches to the formation of regulated tariffs. In particular, the government of the Russian Federation passed a decree introducing new rules of sales markups of GESs using the analogue comparison method. It provides for normalization of operating expenses.

All participants in the electricity market and state executive authorities needed to reconfigure with reference of a radical transformation of approaches to tariff regulation. The authors of the article focus on the assessments lack of the reconfiguration results and the small volume of recommendations for expanding the use of yardstick regulation.

The article summarizes the results of the five-year period of the new tariff regulation approach of GESs. The authors also presented an assessment of the prospects for further use of the analogue comparison method in relation to electric grid enterprises. This was the purpose of the article.

To achieve this goal, the authors analyzed the results of the switch to the analogue comparison method. In particular, the article examines changes in sales markups: an increase in the sales markup median value of GESs has been revealed by 2–3 times since 2018, depending on the group of consumers. In conclusion, the authors proposed possible tools for adjusting and fine-tuning the method of analogues comparison in relation to the GESs activities. The article also gives the author's assessment of the prospects for expanding this method to other natural monopoly segments, including electricity transmission and distribution.

Keywords: *guaranteeing electricity supplier, sales markups, tariff regulation, analogue comparison method, yardstick regulation.*

JEL: D4, G38, L94, O25.

ФИНАНСЫ

О.А. КЛАЧКОВА

кандидат экономических наук,
доцент кафедры математических методов анализа экономики
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ВЛИЯНИЕ ИНФЛЯЦИОННЫХ ОЖИДАНИЙ НА ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНФЛЯЦИИ

В предлагаемой работе на базе модели Сидрауского строится динамическая модель общего равновесия, в которой учитывается процесс формирования инфляционных ожиданий потребителями и фирмами. В результате решения модели получен вывод о том, что чем больше ожидаемые темпы инфляции, тем ниже выпуск в расчете на одного работника. Кроме того, в статье приводится сравнительная характеристика влияния денежно-кредитной политики на долгосрочное равновесие в зависимости от характера формирования инфляционных ожиданий экономических агентов и политики формирования ключевой ставки Центральным Банком.

Ключевые слова: инфляция, инфляционные ожидания, экономический рост, динамическая модель общего равновесия, издержки меню.

УДК: 336.748.12, 330.35.01

EDN: SIENOD

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_113_123

Введение

Международный валютный фонд в своем отчете World Economic Outlook, October, 2023¹ оценил, что рост инфляционных ожиданий ведет к росту инфляции в развитых странах и к менее выраженному, но все равно существенному росту – в развивающихся. Помимо исследования их непосредственного влияния на инфляцию в работе [5] показано, что домохозяйства меняют решения в зависимости от долгосрочных ожиданий, а в работах [7; 8] рассматривается вопрос о том, как решения фирм зависят от ожиданий.

---

¹ https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023?cid=ca-com-compd-pubs_belt

Ежемесячный отчет Центрального Банка РФ за сентябрь 2023 г.² демонстрирует, что в России и для потребителей, и для фирм растут как краткосрочные, так и долгосрочные инфляционные ожидания. В то же время аналитики и экономисты ЦБ утверждают, что уже к 2025 г. годовая инфляция вернется к таргетируемому уровню в 4%.

Ожидания населения и фирм по процессу своего формирования гетерогенны. В работах [6; 13; 15] предложены модели, где инфляционные ожидания агентов формируются на основе нескольких альтернатив: адаптивных ожиданий, которые складываются из взвешенных прошлых наблюдаемых значений инфляции, и рациональных ожиданий, которые могут учитывать различные макроэкономические параметры, такие как прошлая инфляция, безработица, изменения денежной массы, ставки процента в экономике, прогнозы аналитиков и властей и т.д.

На практике, что показано, например, в работе [11] на данных по ЮАР, фирмы, профсоюзы и финансовые аналитики формируют свои ожидания по-разному: наблюдается существенная разница в ожидаемой инфляции между аналитиками и ценообразующими группами (представителями профсоюзов и бизнеса) – ожидания аналитиков существенно ниже, чем ожидания фирм и профсоюзов. Схожие результаты для России представлены в работе [16].

Известно, что политика Центрального Банка в свою очередь оказывает влияние на формирование ожиданий агентов в экономике. В работе [9] на данных по США показано, что предоставление респондентам простых статистических данных об инфляции (наблюдаемая и таргетируемая инфляция, прогнозы аналитиков) оказывает статистически значимое влияние на инфляционные ожидания: такая информация снижает средний прогноз инфляции домохозяйств на 1,0–1,2 п.п. Стоит отметить, что текущий уровень коммуникации Центрального Банка РФ может быть улучшен для понимания ситуации широкой аудиторией, как отмечают в работе [10] ее авторы.

В работе [4] предложена модель, демонстрирующая механизм возникновения долгосрочных последствий инфляции, а в работах [2; 3] этот результат эмпирически подтверждается. С учетом вышесказанного относительно ожиданий (а также обобщающей статьи [17]) актуальным является вопрос, как от процесса формирования ожиданий, а соответственно и от коммуникационной политики ЦБ, зависит воздействие инфляции на экономический рост. В предлагаемой работе на базе исследования [4] строится динамическая модель общего равновесия, в которой учитывается процесс формирования инфляционных ожиданий потребителями и фирмами.

² https://www.cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/Infl_exp_23-09/

Постановка модели

Полная постановка модели доступна в работе [4], где поставлены и решены оптимизационные задачи потребителей и фирм, выписаны и проанализированы равновесия на товарном и денежном рынках и в модели в целом. В данной работе, во-первых, опишем методологию учета инфляционных ожиданий в модели, а во-вторых, изучим, как изменится общее равновесие модели.

Для потребителей инфляционные ожидания возникают в момент сравнения номинальной и реальной процентных ставок. Предположим, что номинальная и реальная ставки процента связаны следующим соотношением, учитывающим инфляционные ожидания потребителей:

$$(1 + i_t) = (1 + r_t)(1 + \pi_{t, cons}^e),$$

где i_t – номинальная ставка процента в период времени t ; r_t – реальная ставка процента в период времени t ; π_t – темп инфляции в период времени t ; $P_{t+1} = (1 + \pi_t) \cdot P_t$; P_t – общий уровень цен в экономике в период времени t ; P_t^e – общий ожидаемый уровень цен в экономике в период времени t .

В задаче фирмы, как и в работе [4], издержки меню [14] на единицу выпускаемой продукции вводятся в функцию прибыли фирмы пропорционально изменению уровня цен ($b \cdot |\Delta P|$, $b > 0$). Предположим, фирмы несут издержки меню до того, как станут известны цены, тогда для фирм изменение цен $|\Delta P| = P_t^e - P_{t-1}$. При переходе к реальной прибыли мы делим выражение на P_t , тогда:

$$\frac{|\Delta P|}{P_t} = \pi_{t, firm}^e.$$

Получается, что прибыль фирмы зависит от того, как фирма формирует свои ожидания относительно изменения цен. По аналогии с [11] процесс формирования ожиданий фирмы можно задать следующим образом:

$$\pi_{t, firm}^e = \rho_1 * \pi_{t-1} + \rho_2 * \pi_t^a.$$

Параметр π_t^a может быть прогнозом инфляции от аналитиков, а может быть, например, прогнозом от ЦБ, осуществляющего коммуникацию с агентами. Как пишут в своей работе [16] ее авторы, для российских домохозяйств и представителей экспертного сообщества гипотеза рациональных ожиданий не подтверждается. Они являются, хотя и не полностью, адаптивными, что позволяет нам использовать далее именно такой процесс формирования ожиданий.

Общее равновесие модели

Из решения задачи потребителя по аналогии с [4] получаем:

$$1 + r^* = (1 + n)(1 + \rho) \cdot \frac{1 + \pi^*}{1 + \pi_{cons}^{e^*}}, \quad (1)$$

где переменные с символом * обозначают неизменные во времени соответствующие переменные, находящиеся на равновесной траектории, n – темп роста численности населения, ρ – коэффициент межвременного дисконтирования.

Применяя формулу суммы бесконечно убывающей геометрической прогрессии и оставляя только линейные слагаемые, получаем:

$$r^* = n + \rho + (\pi^* - \pi_{cons}^{e^*}). \quad (2)$$

Из решения задачи фирмы мы знаем, что в отсутствие издержек меню и полностью адаптивных инфляционных ожиданий потребителей мы бы получали $f'(k^*) = n + \rho$, а в случае только издержек меню

$f'(k^*) = \frac{n + \rho}{(1 - b \cdot \pi^*)}$ (см., например, [4], где $y_t = f(k_t)$ – производственная функция фирмы, k_t – уровень капиталовооруженности в период времени t , $f'(k^*)$ – предельная выгода фирмы от использования дополнительной единицы капитала).

В данной модификации получаем:

$$f'(k^*) = \frac{n + \rho + (\pi^* - \pi_{cons}^{e^*})}{(1 - b \cdot \pi_{firm}^{e^*})}. \quad (3)$$

Будем анализировать это выражение по частям. Во-первых, рассмотрим возможные случаи в ситуации, когда ожидания потребителей адаптивны, то есть соотношение (3) имеет вид:

$$f'(k^*) = \frac{n + \rho}{(1 - b \cdot \pi_{firm}^{e^*})}. \quad (3')$$

На стационарной траектории процесс формирования ожиданий фирмы задан соотношением:

$$\pi_{firm}^{e^*} = \rho_1 * \pi^* + \rho_2 * \pi^{a^*}.$$

Сравним в таком случае уровни капиталовооруженности для модели без ожиданий фирм и (3'):

$$\frac{n + \rho}{(1 - b \cdot \pi^*)} \vee \frac{n + \rho}{(1 - b \cdot \pi_{firm}^{e^*})}$$

$$\begin{aligned}
 &1 - b \cdot \pi_{firm}^{e*} \vee 1 - b \cdot \pi^*, \\
 &\pi^* \vee \pi_{firm}^{e*}, \\
 &\pi^* \vee \rho_1 * \pi^* + \rho_2 * \pi^{a*}, \\
 &(1 - \rho_1) * \pi^* \vee \rho_2 * \pi^{a*}.
 \end{aligned}$$

Случай 1: предположим, что фирмы доверяют прогнозам аналитиков или ЦБ больше, чем своим (сформированным на основе π_{t-1}), то есть математически это значит, что $\rho_2 \gg \rho_1$ или, что то же самое, $1 - \rho_1 > \rho_2$, а ЦБ уверен (и доносит это в своих коммуникациях), что долгосрочно таргетируемый уровень инфляции $\pi^{a*} < \pi^*$.

Тогда:

$$\begin{aligned}
 &\frac{n + \rho}{(1 - b \cdot \pi^*)} > \frac{n + \rho}{(1 - b \cdot \pi^{e*})} \\
 &f(k^*)_{\text{адаптивные ожидания}} > f(k^*)_{\text{неполная информация и доверие ЦБ}}
 \end{aligned}$$

В силу выпуклости производственной функции это значит, что:

$$k^*_{\text{адаптивные ожидания}} < k^*_{\text{неполная информация и доверие ЦБ}}$$

Таким образом, данный случай является наилучшим для монетарных властей, поскольку ожидания фирм закорены и своими действиями ЦБ может добиться более высоких темпов роста. С другой стороны, в силу выпуклости производственной функции Центральному Банку не удастся «до бесконечности» увеличивать уровень капиталовооруженности, убеждая агентов в правильности своего инфляционного таргета или, возможно, занижая его, так как каждая дополнительная единица капиталовооруженности вызывает все меньшие приросты дохода, то есть $f'(k^*)$. Кроме того, одинаковые по величине, но разные по модулю изменения производной приводят к несимметричным изменениям в капиталовооруженности: падение доверия к ЦБ ведет к большим по модулю потерям в капиталовооруженности по сравнению с ростом капиталовооруженности при численно равном увеличении доверия к ЦБ.

Случай 2: предположим, что фирмы доверяют своему прошлому опыту больше, чем аналитикам или ЦБ, то есть будем рассматривать случай $1 - \rho_1 < \rho_2$. Пусть также стационарная инфляция в экономике значительно превышает ту, которую таргетирует ЦБ: $\pi^* \gg \pi^{a*}$. Тогда $(1 - \rho_1) * \pi^* > \rho_2 * \pi^{a*}$, а значит:

$$\begin{aligned}
 &\frac{n + \rho}{(1 - b \cdot \pi^*)} > \frac{n + \rho}{(1 - b \cdot \pi^{e*})} \\
 &f(k^*)_{\text{адаптивные ожидания о высокой инфляции}} > f(k^*)_{\text{неполная информация}}
 \end{aligned}$$

В силу выпуклости производственной функции это значит, что

$$k^*_{\text{адаптивные ожидания}} < k^*_{\text{неполная информация}}$$

В данном случае, когда фактическая стационарная инфляция очень высока и фирмы знают об этом из своего прошлого опыта, монетарным властям было бы выгодно повысить свой таргет, сделав его более реалистичным, а после этого добиться того, чтобы фирмы доверяли прогнозу этого таргета (тогда экономика окажется в случае 1).

Случай 3: предположим, что фирмы доверяют своему прошлому опыту больше, чем аналитикам или ЦБ, то есть будем рассматривать случай $1 - \rho_1 < \rho_2$. Пусть также стационарная инфляция в экономике не сильно превышает ту, которую таргетирует ЦБ (или даже принимает значения ниже таргета, что, впрочем, не соответствует реальности): $\pi^* > \pi^{a*}$. Тогда $(1 - \rho_1) * \pi^* < \rho_2 * \pi^{a*}$, а значит:

$$\frac{n + \rho}{(1 - b \cdot \pi^*)} < \frac{n + \rho}{(1 - b \cdot \pi^{e*})}$$

$$f'(k^*)_{\text{полная информация}} < f'(k^*)_{\text{неполная информация}}$$

В силу выпуклости производственной функции это значит, что:

$$k^*_{\text{полная информация}} > k^*_{\text{неполная информация}}$$

В данном случае монетарным властям выгодно, для решения задач по обеспечению долгосрочного роста, что фирмы ориентируются на прошлые значения инфляции, которые не слишком высоки. В такой ситуации для ЦБ важнее добиться реального снижения стационарного уровня инфляции или же повысить таргет, нежели заботиться о коммуникационной политике.

Случай 4: предположим, что фирмы доверяют аналитикам или ЦБ больше, чем своему прошлому опыту, то есть $\rho_1 < \rho_2$, или, что для нас более удобно, $1 - \rho_1 > \rho_2$. Если при этом фактический уровень инфляции меньше таргетируемого $\pi^* < \pi^{a*}$, то для увеличения темпов роста ЦБ надо пересмотреть таргет в сторону уменьшения. На практике такой случай не встречается, так как инфляционные таргеты ниже, чем фактическая инфляция.

Теперь рассмотрим равновесие на стационарной траектории с учетом ожидания потребителей и фирм (выражение (3)).

$$f'(k^*)_{\text{ожидания потребителей и фирм}} = \frac{n + \rho + (\pi^* - \pi_{\text{cons}}^{e*})}{(1 - b \cdot \pi_{\text{firm}}^{e*})}$$

Это выражение можно разбить на сумму:

$$f'(k^*)_{\text{ожидания потребителей и фирм}} = \frac{n + \rho}{(1 - b \cdot \pi_{\text{firm}}^{e^*})} + \frac{\pi^* - \pi_{\text{cons}}^{e^*}}{(1 - b \cdot \pi_{\text{firm}}^{e^*})}.$$

Согласно опросам ЦБ РФ³, инфляционные ожидания потребителей обычно выше, чем наблюдаемая инфляция. В нашем случае это значит, что ожидаемая инфляция выше, чем стационарная инфляция, то есть $\pi^* < \pi_{\text{cons}}^{e^*}$, тогда второе слагаемое отрицательное и

$$f'(k^*)_{\text{ожидания потребителей и фирм}} > f'(k^*)_{\text{ожидания фирм}}$$

что в силу выпуклости производственной функции приводит к тому, что:

$$k^*_{\text{ожидания потребителей и фирм}} > k^*_{\text{ожидания фирм}}$$

Таким образом, монетарным властям недостаточно в долгосрочном периоде снижать ожидания потребителей в отрыве от ожиданий фирм, поскольку фирмы в экономике являются ценообразующей группой.

Заключение

В работе проанализированы долгосрочные последствия денежно-кредитной политики в зависимости от формирования инфляционных ожиданий потребителями и фирмами. Для этого предложена динамическая модель общего равновесия, влияние инфляции вводится со стороны производителей (в рамках модификации задачи фирмы), а инфляционные ожидания интегрированы как в задачу потребителя, так и в задачу фирмы, причем они формируются как на основе прошлых значений инфляции, так и на основе прогнозов аналитиков или экономистов Центрального Банка.

Общий вывод, полученный в работе [4], сохраняется: если в модели общего равновесия (на основе модели Сидрауского) в задаче фирмы учесть издержки меню, которые являются одним из последствий инфляции, то принцип нейтральности денег нарушается. Стационарный уровень капиталовооруженности при учете издержек меню при любой ненулевой ожидаемой инфляции ниже, чем стационарный уровень без их учета. Кроме того, чем больше ожидаемые темпы инфляции, тем ниже стационарный уровень капиталовооруженности,

³ https://www.cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/Infl_exp_23-09/

а тем самым и выпуск в расчете на одного работника. Это объясняется тем, что с ростом издержек меню снижается предельная выгода фирмы от аренды капитала, а вследствие падения капиталовооруженности снижается и стационарный выпуск.

Что касается инфляционных ожиданий, то результаты модели показывают, что если агенты доверяют Центральному Банку, а таргетируемый уровень инфляции допустимо ниже фактического, что соответствует реальной практике, то в экономике наблюдаются более высокие темпы экономического роста, чем в ситуации адаптивных ожиданий. В случае, если фактическая инфляция очень высока, а агенты понимают это из своего прошлого опыта, монетарным властям не выгодно держать таргет слишком низким, а более правильно его пересмотреть в сторону повышения, сделав реалистичнее, а уже после этого добиться того, чтобы агенты доверяли прогнозу этого таргета. Например, как показано в работе [11], в ЮАР в период с 2000 по 2013 г. ожидания агентов были заякорены на более высоком уровне, чем таргетировал местный центральный банк, что негативно сказывалось на экономике страны. С другой стороны, на сегодняшний день продолжаются споры о том, а не стоит ли ФРС или ЕЦБ поднять свой таргет по инфляции выше 2%, поскольку фактическая инфляция значительно его превышает.

Таким образом, при относительно небольшой фактической инфляции монетарным властям России имеет смысл заякоривать ожидания фирм и потребителей на невысоком уровне, что в целом соответствует политике, проводимой Центральным Банком РФ. Эта политика актуальна и корректна не только на коротком горизонте, но и в долгосрочном периоде.

Что касается развития данного направления, то в дальнейшем было бы интересно проверить наличие выявленного эффекта в моделях с гетерогенными агентами, что, однако, на наш взгляд, не снижает ценность полученного результата о долгосрочном влиянии инфляции и инфляционных ожиданий на экономический рост и о важности коммуникационной политики Центрального Банка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Картаев Ф.* Издержки меню, монетарная политика и долгосрочный экономический рост // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2012. Т. 4. № 2. С. 37–48.
2. *Картаев Ф., Клачкова О.* Инфляция и экономический рост // Аудит и финансовый анализ. 2015. № 4. С. 147–151.
3. *Клачкова О.* Моделирование влияния инфляции на экономический рост для различных по уровню экономической свободы стран // Экономическая политика. 2017. Т. 12. №5. С. 22–41.
4. *Клачкова О.* Модель воздействия волатильности инфляции на экономический рост // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 4. С. 120–135.
5. *Andrade P., Gautier E., Mengus E.* What matters in households' inflation expectations? // Bank of France Working Paper #770, 2020.
6. *Branch W. A.* The theory of rationally heterogeneous expectations: evidence from survey data on inflation expectations // Economic Journal, Royal Economic Society. 2004. Vol. 114 (497).
7. *Coibion O., Gorodnichenko Y., Kumar S.* How Do Firms Form Their Expectations? // American Economic Review. 2018. Vol. 108. No. 9. September.
8. *Coibion O., Gorodnichenko Y., Ropele T.* Inflation Expectations and Misallocation of Resources: Evidence from Italy // National Bureau of Economic Research, Working Paper, 2023.
9. *Coibion O., Gorodnichenko Y., Weber M.* Monetary policy communications and their effects on household inflation expectations // Journal of Political Economy. 2022. №130 (6). Pp. 1537–1584.
10. *Evstigneev, A., Sidorovskiy M.* Assessment of Clarity of Bank of Russia Monetary Policy Communication by Neural Network Approach // Russian Journal of Money and Finance. 2021. №80 (3). Pp. 3–33.
11. *Kabundi A., Schaling E., Some M.* Monetary policy and heterogeneous inflation expectations in South Africa // Economic Modelling. 2015. Vol. 45. Pp. 109–117.
12. *Lucas R., Golosov M.* Menu Costs and Phillips Curves // Journal of Political Economy. 2007. Vol. 115. Pp. 171–199.
13. *Malmendier U., Nagel S.* Learning From Inflation Experiences // The Quarterly Journal of Economics. 2016. №131 (1). Pp. 53–88.
14. *Mankiw N.G.* Small menu costs and large business cycles: A macroeconomic model of monopoly // Quarterly Journal of Economics, 1985.
15. *Orphanides A., Williams J.C.* Imperfect Knowledge, Inflation Expectations and Monetary Policy // The Inflation-Targeting Debate, National Bureau of Economic Research, 2004.
16. *Perevyshin Y., Rykalin A.* Modeling Inflation Expectations in the Russian Economy // Working Papers 031816, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2018.
17. *Rudd J.* Why Do We Think That Inflation Expectations Matter for Inflation? (And Should We?) // Finance and Economics Discussion Series. Divisions of Research & Statistics and Monetary Affairs. Federal Reserve Board, Washington, D.C., 2021.
18. *Sidrauski M.* Rational choice and patterns of growth in a monetary economy // American Economic Review, 1967.

REFERENCES

1. *Kartaev F.* Menu costs, monetary policy and long-term economic growth // Scientific researches of Faculty of Economics. Electronic journal of Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University. 2012. Vol. 4. № 2. Pp. 37–48. (In Russ.)
2. *Kartaev F., Klachkova O.* Inflation and economic growth // Audit and financial analysis. 2015. No. 4. Pp. 147–151. (In Russ.)
3. *Klachkova O.* Modelling the Impact of Inflation on Economic Growth for Countries with Different Levels of Economic Freedom // Economic Policy. 2017. Vol. 12. №5. Pp. 22–41. (In Russ.)
4. *Klachkova O.* Model of the impact of volatility of inflation on economic growth // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2018. № 4. Pp. 120–135. (In Russ.)
5. *Andrade P., Gautier E., Mengus E.* What matters in households' inflation expectations? // Bank of France Working Paper #770, 2020.
6. *Branch W. A.* The theory of rationally heterogeneous expectations: evidence from survey data on inflation expectations // Economic Journal, Royal Economic Society. 2004. Vol. 114 (497).
7. *Coibion O., Gorodnichenko Y., Kumar S.* How Do Firms Form Their Expectations? // American Economic Review. 2018. Vol. 108. No. 9. September.
8. *Coibion O., Gorodnichenko Y., Ropele T.* Inflation Expectations and Misallocation of Resources: Evidence from Italy // National Bureau of Economic Research. Working Paper. 2023.
9. *Coibion O., Gorodnichenko Y., Weber M.* Monetary policy communications and their effects on household inflation expectations // Journal of Political Economy. 2022. № 130 (6). Pp. 1537–1584.
10. *Evtigneev, A., Sidorovskiy M.* Assessment of Clarity of Bank of Russia Monetary Policy Communication by Neural Network Approach // Russian Journal of Money and Finance. 2021. № 80 (3). Pp. 3–33.
11. *Kabundi A., Schaling E., Some M.* Monetary policy and heterogeneous inflation expectations in South Africa // Economic Modelling. 2015. Vol. 45. Pp. 109–117.
12. *Lucas R., Golosov M.* Menu Costs and Phillips Curves // Journal of Political Economy. 2007. Vol. 115. Pp. 171–199.
13. *Malmendier U., Nagel S.* Learning From Inflation Experiences // The Quarterly Journal of Economics. 2016. №131 (1). Pp. 53–88.
14. *Mankiw N.G.* Small menu costs and large business cycles: A macroeconomic model of monopoly // Quarterly Journal of Economics. 1985.
15. *Orphanides A., Williams J. C.* Imperfect Knowledge, Inflation Expectations and Monetary Policy // The Inflation-Targeting Debate, National Bureau of Economic Research, 2004.
16. *Perevyshin Y., Rykalin A.* Modeling Inflation Expectations in the Russian Economy // Working Papers 031816, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2018.
17. *Rudd J.* Why Do We Think That Inflation Expectations Matter for Inflation? (And Should We?) // Finance and Economics Discussion Series. Divisions of Research & Statistics and Monetary Affairs. Federal Reserve Board, Washington, D.C., 2021.
18. *Sidrauski M.* Rational choice and patterns of growth in a monetary economy // American Economic Review, 1967.

Дата поступления рукописи: 10.01.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Клачкова Ольга Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры математических методов анализа экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5300-7930
sparrow889@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Klachkova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Mathematical Methods of Economic Analysis, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5300-7930
sparrow889@gmail.com

IMPACT OF INFLATIONARY EXPECTATIONS ON LONG-RUN CONSEQUENCES OF INFLATION

In this paper we propose a dynamic general equilibrium model on the basis of Sidrausky's model, which takes into account the process of formation of inflationary expectations by consumers and firms. As a result of the model analysis we obtain that higher expected inflation rate leads to the lower output per employee. The article also provides a comparative characteristics of the impact of the monetary policy on the long-term equilibrium, depending on the formation of inflationary expectations of economic agents and the policy of setting the Central Bank's key rate.

Keywords: *inflation, inflationary expectations, economic growth, dynamic general equilibrium model, menu costs.*

JEL: E31, E52, O42.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А.А. МАЛЬЦЕВ

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики УрО РАН

ГЛОБАЛЬНЫЕ МЕТА-РИСКИ В ПОСТКОВИДНУЮ ЭРУ

В условиях развернувшейся в экономической литературе дискуссии о деглобализации, которую активизировало наметившееся с начала 2010-х годов торможение глобализационных процессов, предпринята попытка систематизировать ключевые вызовы для мировой экономики на современном этапе. Выделены три укрупненных блока глобальных мета-рисков: расцвет протекционизма, геополитическая неопределенность, вызовы цифровизации. Их рассмотрение строилось по схеме структурирования возникающих при этом последствий для и от деятельности глобальных цепочек создания стоимости (ГЦС). Сделан главный вывод о том, что наша сегодняшняя действительность остается «миром созависимостей».

Ключевые слова: геополитическая неопределенность, глобальные мета-риски, глобальные цепочки создания стоимости, диджитализация мирового хозяйства, технологический протекционизм.

УДК: 339.9

EDN: UXTQTU

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_124_137

Введение

В последние годы в экономической литературе все чаще используется категория «мета-риски», под которыми в отличие, например, от явных финансовых рисков понимаются скрытые качественные риски, в большинстве своем являющиеся следствием комплекса взаимодействий индивидов и организационных структур. Для мировой экономики главным риском выступает возможное ее замедление или даже рецессия со всеми вытекающими отсюда политическими, экономическими, социальными и другими негативными последствиями. Триггерами в данном случае могут выступить экзо- (пандемия, крупные природные катаклизмы, пр.), а также эндогенные (действия правительств, др.) обстоятельства или их взаимоналожение. В силу трудной

предсказуемости «ускорителей» угроз мировому хозяйству, несущих риски, предлагаем сосредоточиться на трех группах отчетливо просматривающихся на начало 2020-х годов вызовов для глобальной экономики и рассмотреть их в разрезе последствий для и от деятельности важнейших ее акторов – ГЦС, роль которых достаточно широко освещена в экономической литературе.

Расцвет протекционизма

Первый блок геэкономических мета-угроз глобализации, чреватых всевозможными рисками, на наш взгляд, можно определить как расцвет протекционизма в самом разном его исполнении. В стремлении удержать свои лидирующие позиции гегемон(ы) все чаще переходят от практики стандартного «ломового» тарифного принуждения (всего за пять лет средневзвешенная среднемировая ставка тарифа более чем удвоилась, взлетев в 2022 г. до 12,7% [1, с. 22]) к его подкреплению все более изощренными санкциями, применяемыми против «идущих не в ногу». При этом, видимо для острастки, «под раздачу» время от времени попадают и «свои», оказавшиеся в роли «штрафников». Например, еще в 2014 г. BNP (между прочим второй по активам банк Европы после HSBC) заплатил США штраф девять млрд долл. за финансирование экспорта из Кубы, Судана и Ирана, находившихся под американским эмбарго [2, с. 15]. Понятно, что инициаторами в таких случаях формально выступают не ГЦС, а защищающие интересы их головных структур государства. Как известно, эти инициативы далеко не всегда действенны (хотя, бесспорно, болезненно чувствительны для стран-мишеней) и иногда приносят обратный результат. Так, итоги двусторонней сделки, навязанной Китаю администрацией Д. Трампа, даже в самих США названы «исторической катастрофой». В частности, американо-китайский товарооборот за один 2021 г. вырос на 30%, при этом дефицит бюджета США увеличился на 14,5% – до 355,3 млрд долл. Уместно напомнить, что, развязывая торговую войну с КНР, Д. Трамп в 2018 г. разово поднял тариф с 2,6 до 16,6% на 12 043 китайских товаров на сумму 303 млрд долл., увеличив средневзвешенную ставку американского тарифа за годы своего правления с 1,7 до 5,4% [3, с. 63]. В конечном итоге торговая политика Д. Трампа обернулась американским потребителям в 3,2 млрд долл. ежемесячных потерь [4, с. 85].

В контексте нашего исследования обратим внимание на один аспект данной проблемы – на последствия «выталкивания» иностранных фирм-конкурентов из глобальных цепочек лишением их доступа к новейшим технологиям и ноу-хау. Для ГЦС главную угрозу в таком случае будет представлять каскадное нарастание технологических ограничений в периметре цепочки. Побуждение к замещению иностран-

ных партнеров внутренним производством ограничивает возможности «своих» производителей в доступе к услугам, операционным системам, нематериальным активам для проведения НИОКР. Это наглядно проявилось в многочисленных конфликтных ситуациях вокруг деятельности акторов ГЦС, возникавших не только между США и КНР, но и в отношениях Японии и Республики Корея, КНР и Австралии, пр. В попытках добиться самообеспечения риски экономического и технологического разъединения, скорее всего, виделись преодолимыми, порождая парадокс «самости» (“a self-reliance paradox”) [5, p. 140]. Хотя экспертами неоднократно доказано, что в мире нет ни одного полностью самодостаточного региона. Даже администрации Д. Байдена в первом докладе по вопросам политики в отношении ГЦС в июне 2021 г. пришлось признать, что организация внутреннего производства всех важнейших товаров является невозможной и нежелательной [6].

Главный риск от «ограничительных» инициатив для ГЦС будет представлять возможный технологический декаплинг¹, наступление которого приближают торгово-технологические войны. Их подпитывают достаточно дискуссионные предположения о неизбежности «ловушки Фукидида» в период перехода первенства к новому международному гегемону, а также атмосфера высокого взаимного недоверия, неопределенности и военные столкновения. В этой концепции экономические и технологические преимущества легко трансформируются в военное могущество и силовые формы давления. Такие стратегии, обнуляющие преимущества международного разделения труда, только разгоняют гипернационалистические инициативы по поддержке «своего» бизнеса и обостряют геополитические и геоэкономические риски [5, p. 137]. По имеющимся оценкам экспертов, уже в 2021 г. технологическая фрагментация для многих стран оборачивалась потерей до 5% ВВП [7, p. 39].

Масштабный трансфер технологий изначально породил два взаимосвязанных вопроса, остающихся постоянным предметом дискуссии: 1) должны ли развитые страны опасаться передачи технологий менее развитым государствам; 2) не подорвет ли диффузия технологий будущее глобализации. Так, на середину 2000-х годов пришелся апогей дискуссии почти 90-летнего П. Самуэльсона и 70-летнего Дж. Бхагвати о масштабных последствиях передачи американскими компаниями менее развитым странам технологий для организации производства и экспорта технологичной продукции. Нобелиат допустил теоретическую возможность и на тщательно выверенном цифровом примере

¹ Речь идет о концепции «расцепления» (“decoupling”), которая стала активно использоваться в научной литературе в 2018-2019 гг. на фоне обострения американо-китайских экономических отношений [5, p. XXIX].

показал, как рост производительности труда в Китае на основе офшорных технологий может полностью уничтожить американо-китайскую торговлю [8]. Дж. Бхагвати с коллегами возражали, что это исключительно теоретическое предположение, тогда как передача Китаю технологий, напротив, увеличит количество торгуемых позиций, способствуя росту общего благосостояния [9]. Позднее другие исследователи подтвердили, что данные об ухудшении условий торговли для США с трансфером технологий за рубеж отсутствуют [10].

Процесс распространения новых технологий едва ли реально остановить. Вот затормозить его активизацией технологического протекционизма, например под предлогом защиты интеллектуальной собственности (ИС), возможно. Кстати, исследователи ОЭСР признали, что с 2000-х годов для ГЦС определяющим фактором при решении вопроса о размещении своих звеньев в развивающихся странах, является уровень защиты ИС (№ 2 в этой иерархии – развитость и доступность инфраструктуры, № 3 – качество институтов, № 4 – удобство логистики) [11]. При ненадлежащем уровне защиты ИС многонациональные корпорации (МНК), как правило, не выпускают свою интеллектуальную собственность за периметр компании, предпочитая при выборе зарубежной площадки в такой ситуации открывать филиалы. Принято считать, что участие в ГЦС может способствовать индустриализации менее развитых стран сокращением набора тех компетенций, которые необходимы для организации производства и экспорта готовой продукции. Однако усложнение производственных задач, решаемых в рамках ГЦС, в сочетании с селективным трансфером продвинутых технологий, может ограничить участие развивающихся стран специализацией на выпуске менее технологически сложной продукции с небольшой добавленной стоимостью, а в сочетании с применением инструментов тарифной эскалации – едва ли не обнулить потенциальный выигрыш от участия в ГЦС [12, р. 13]. Трудно не согласиться с выводом специалистов McKinsey Global Institute, отмечающих смещение цели торговой политики в современной мировой практике «от защиты значительных массивов рабочих мест к захвату или удержанию под контролем знаниеемких (knowledge-intensive) отраслей экономики с высокой добавленной стоимостью» [13, р. 29] или, что, пожалуй, даже точнее, «в торможении экономической динамики и технологического развития своих конкурентов» [14, с. 21].

Геополитическая неопределенность

Бизнес, разумеется, не знает, как долго продлится действие сегодняшней протекционистской волны, получившей у западных экспертов хлесткое определение «третьей мировой экономической войны»

[15], каков ее невыбранный потенциал, когда и насколько ослабнет геополитическая напряженность. Поэтому второй группой глобальных мета-рисков определим геополитическую неопределенность. Вряд ли можно рассчитывать на появление некоего общепринятого интегрального индекса ее оценки², равно как и ожидать составления своего рода универсального алгоритма контрмер. Общим подходом здесь, полагаем, можно считать разработку стратегии экономического роста с опорой на комплексное задействование внутренних возможностей и перспектив закрепления на мировых рынках товаров, услуг, капитала и технологий. Однако его реализацию осложняют резко активизировавшиеся в последние годы протекционистско-популистские и техно-националистические политики,³ нацеливающие на замену иностранных источников и офшорного производства внутренними ресурсами, ограничивая тем самым возможности ГЦС получать промежуточные товары и услуги. В развитых странах такой «вовнутрь» обращенный разворот экономической политики современные исследователи связывают, в частности, с утратой рабочих мест в промышленности, технологическими сдвигами [16], «китайским синдромом» [17]. При этом нередко признается, что ГЦСС, возглавляемые многонациональными корпорациями, обеспечивая глобальное взаимодействие, не всегда честно распределяли доходы между странами или звеньями цепочки [18, p. 988].

Найти «золотое сечение», или условную равновесную внутренней и внешней составляющих бизнес-стратегии, обеспечивающее искомый конечный результат – качественный экономический рост, крайне сложно. Один из вариантов ответа на вызовы «новой турбулентности» предложил Китай, выдвинувший концепцию «двойной циркуляции», названную в одной из англоязычных версий, отражающей точку зрения западных экспертов, “internal circulation” [5, p. 140]. В мае 2020 г. генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин впервые публично назвал принципы дальнейшего развития государства: «сочетание открытости китайской экономики мировым рынкам и расширение

² Попытки составить подобный индекс, безусловно, предпринимались. В качестве примера можно назвать индекс геополитических рисков (Geopolitical Risk Index / GRI), предложенный специалистами ФРС США Д. Калдара и М. Йаковелло. Индекс рассчитывается по количеству статей, освещающих конкретное негативное событие в ведущих американских изданиях (в десяти газетах – с 1985 г., в трех – с 1900 г.) как доля в общем количестве новостных публикаций за месяц. <https://www.policyuncertainty.com/gpr.html> (дата обращения: 28.01.2024).

³ Под техно-национализмом экспертами ВТО понимается разновидность меркантилизма, в своей экстремальной форме предполагающая введение ограничений на экспорт технологий, инноваций и ноу-хау с целью максимизации геополитических преимуществ технологической «самости» и могущества государства [5, p. 136].

внутреннего спроса», составившие концептуальную суть стратегии «двойной циркуляции», подразумевающей «ставку на импортозамещение и технологический суверенитет» [19, с. 18]. Это именно не изоляция страны, а «перезагрузка политики открытости». Китай продолжает участвовать в глобализации, но «существенно наращивает степень своей защиты от внешнего давления, ограничений и санкций» [20, с. 22].

Кстати, такой подход стран к максимально возможному задействованию внутренних резервов многими специалистами объясняется реакцией на эскалацию тарифных и нетарифных ограничений, запретов на иностранные инвестиции, сделки слияния и поглощения в отдельных секторах, пр. Причем эти «недружественности» уже даже не скрываются. Президент Д. Байден, например, предельно открыто пояснил американскую стратегию в этой части: «США сделают все возможное, чтобы Китай никогда не смог догнать Америку в плане технологического развития» [21].

Геоэкономическая фрагментация в условиях усиливающейся неопределенности и разворота к внутренним опорным точкам роста, как свидетельствуют эксперты, в большей степени умножается рисками от деятельности ГЦС, нежели создает угрозы для деятельности ГЦС [5, р. 137]. Главный из них – риск от деятельности становящихся все более знаниеемкими ГЦС – состоит в ограничении диффузии технологий, что обнуляет прогнозируемый выигрыш от ставки на «саморазвитие». Главный риск для деятельности ГЦС в этом случае состоит в усилении торговой неопределенности.

Для его оценки в 2018 г. группа экспертов МВФ предложила индекс неопределенности мировой торговли (World Trade Uncertainty / WTU), впервые рассчитанный в поквартальной динамике с 1996 г. для 143 стран с населением от 2 млн человек в каждой, на которые приходилось 99% мирового ВВП [22, р. 1]. До этого предлагались инструменты оценки неопределенности экономической политики США (Economic Policy Uncertainty Index/ за авторством С. Бэйкера, Н. Блума и С. Дэвиса), глобальной экономики в целом (IndexBlackRock⁴) или в выборке на 44 страны (индекс С. Хлэтсвайо) [23]. Информационной базой для расчета WTU-индекса послужили 12 868 квартальных докладов European Intelligence Unit / EIU (исследовательско-аналитическое подразделение Economist Group), регулярно составляемых по стандар-

⁴ Фирма BlackRock составляет BlackRock Geopolitical Risk Indicator, настраиваемый главным образом под запросы инвесторов, по частоте упоминания в отчетах брокеров (сайт Refinitiv) и в финансовых обзорах (Dow Jones News) событий в увязке с конкретными геополитическими рисками. <https://www.google.com/search?q=the+global+uncertainty+index+of+BlackRock&rlz> (дата обращения: 12.09.2023).

тизированной форме в разрезе 189 государств, что позволяет говорить об общей сводимости и сопоставимости анализируемых данных [22, р. 3]. В этих докладах⁵, как правило, все термины – «неопределенный», «неопределенность», «неопределенности» – применяются в контексте мировой торговли в сопряжении со словами «протекционизм», «тариф», ВТО, ЮНКТАД, др. Индекс рассчитывается по количеству упоминаний терминов в квартальных докладах ЕIU по странам в соотношении с общим количеством использованных в докладе слов, а частное от деления умножается на 1 000.

Как показал анализ специалистов МВФ, WTU-индекс почти 20 лет оставался в целом стабильным, находясь в диапазоне 0–10. Однако в результате американо-китайской торговой войны в районе III квартала 2018 г. взлетел десятикратно – почти до 110 пунктов. На середину 2019 г. наибольший рост WTU-индекса зафиксирован в западном полушарии и АТР, а наименьший – в Европе, Центральной Азии и Африке [23]. Нетрудно предположить, что события 2022–2023 гг. «подтолкнули» WTU-индекс к росту в целом, особенно в Европе. Для европейского хаба ГЦС это уже обернулось существенным увеличением реальных торговых издержек: только отказ от поставок энергетического сырья из России обошелся экономике Европы в 1 трлн евро дополнительных прямых затрат [24]. В конечном итоге речь идет о снижении взаимного доверия и уверенности в сохранении целостности ГЦС. Тогда как экономика будущего, контуры, формы и географии которой будут определять базирующиеся на широкомасштабных инвестициях в НИОКР новейшие технологии bigdata, искусственного интеллекта (ИИ), интернета вещей, «облачных» технологий, углеродной нейтральности, др., требует для обеспечения их успешного проникновения в мировое хозяйство объединения глобальных усилий.

Вызовы цифровизации

Вызовы цифровизации глобального хозяйства формируют третий блок мета-рисков в мировой экономике. Для удобства рассмотрения сведем ключевые из них в три группы: риски, порожденные взрывным ростом информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), обострение цифрового неравенства, технологические угрозы. Предварим их анализ кратким напоминанием о том, что огромные преимущества

⁵ В пятиступенчатом процессе подготовки WTU-докладов – от написания до издания – участвует рассредоточенная по всему миру сеть «полевых экспертов» (field experts) и экспертов-«страновиков», работающих в штаб-квартире ЕIU, каждый из которых ведет две-три страны, регулярно выезжая на место для личного ознакомления с ситуацией [22, р. 3].

цифровизации – снижение информационных барьеров, дополнительные возможности повысить эффективность производства, нивелирование действия эффекта масштаба, пр. – не требуют детализации, так как достаточно подробно разобраны в экономической литературе. При этом многие выгоды от применения ИКТ – экономия времени, расширение сферы выбора для потребителей, доступ к новым знаниям, улучшение качества свободного времени, пр. – остаются пока неперсчитанными. Одновременно выяснилось, что растущая диджитализация порождает угрозы национальной безопасности и умножает риски вторжения в частную жизнь граждан. При создании ГЦС приходится учитывать эти риски и искать адекватные решения самым острым из них.

Сначала рассмотрим первую группу ИКТ-рисков. Из главных отметим, во-первых, избыточную концентрацию рынков с разрастанием монополизма, который может тормозить инновации; во-вторых, усиление неравенства на рынке труда, когда использование интернета поднимает автоматизацию производства до уровня, которому производственная квалификация работника не сможет соответствовать; в-третьих, распространение интернета позволяет преодолевать информационные барьеры, особенно по доставке услуг пользователям, но в то же время требует контроля за ходом информационно-коммуникационных процессов, затраты на осуществление которого нередко перевешивают получаемые блага.

В порядке расшифровки возможных ИКТ-рисков обратим внимание только на один момент – на угрозу сохранения хорошо оплачиваемой «беловоротничковой» (даже в большей степени, чем «синеворотничковой») занятости. Например, в развивающихся странах $\frac{2}{3}$ рабочих мест с технологической точки зрения могут быть автоматизированы, но этот процесс сдерживают более низкие зарплаты и более медленное распространение технологий [25, р. 23]. В ситуации все большей поляризации рынка труда, когда сокращается занятость в секторе, требующем среднего уровня квалификации, но обостряется в верхнем (высококвалифицированные специалисты) и в нижнем (малоквалифицированный труд) сегментах⁶, главная задача политиков и бизнеса состоит в состыковке роста технологий и развития образования, так как победителем в технологической гонке выйдет тот, кто обеспечит непрерывность образовательного процесса для максимального использования преимуществ цифровизации.

---

⁶ В условиях цифровизации самой уязвимой категорией на рынке труда являются занятые в неформальном секторе (the informal sector), на которых приходится 60% мировой рабочей силы [26, р. 32].

Пользование преимуществами новых технологий сопровождается нарастанием цифрового неравенства. За отправную точку здесь принимается понимание интернета не как в полном смысле общественного блага – ведь за него приходится платить, а как своего рода «клубного» блага, не порождающего соперничества за право обладания им [25, р. 23]. Его потребление не уменьшает доступность блага для других пользователей, разве только сказываясь на возможном замедлении доставки той же информации другому лицу. И здесь выясняется крайне важный момент. С одной стороны, благодаря провайдерам 3G-связи, взявшим на себя расходы «последней мили» по доставке интернета потребителям, доступность широкополосного интернета (ШПИ) для земель существенно возросла. Если в 2015 г. 21% населения мира находился вне зоны принятия сигнала беспроводного ШПИ, то в 2018 г. – только 8%, правда, в Северной Америке – 1%, а в Африке южнее Сахары – 29%. С другой стороны, важнее факт использования имеющихся возможностей. На деле в 2018 г. 42% жителей планеты (3,1 млрд человек), даже находясь в зоне покрытия ШПИ, его не использовали (в том числе 64% – в Южной Азии) против 37% в 2015 г. Другими словами, число не пользующихся интернетом людей (3,8 млрд человек в абсолютном исчислении на 2018 г.) [27, р. 161] продолжает расти, формируя увеличивающуюся прослойку «цифровых изгоев» (digital underclass) [26, р. 33]. Ее подпитывают бедные категории населения стран с низким и средним уровнем доходов, малообразованные, пожилые, а также гендерный разрыв (по подсчетам, в мире женщин – пользователей интернетом примерно на 250 млн меньше, чем мужчин), что с укоренением Internet 3.0 – периферийные вычисления, блокчейн, 5G на базе искусственного интеллекта, интернет вещей / интернет роботизированных вещей – будет только обострять «цифровой стресс» [28, р. 46, 50].

Одновременно на другом полюсе цифрового неравенства происходит концентрация цифрового могущества. Так, на 2021 г. шесть компаний США – Google, Netflix, Facebook (с 2021 г. принадлежит корпорации Meta, которая в 2022 г. признана экстремистской и запрещена в РФ [29, с. 19]), Microsoft, Apple, Amazon – генерировали 43% глобального потока интернет-информации [27, р. 99], а на пять ведущих мировых биг-техов приходилось 23% (плюс 4,6% к 2020 г.) рыночной капитализации компаний из рейтинга S&P 500 [26, р. 99]. В том же 2021 г. риск цифрового неравенства, кстати, занял 5-е место в числе ключевых (на горизонте ближайших 2-х лет) глобальных рисков рейтинга Всемирного экономического форума (ВЭФ-2021), собрав 38,3% ответов респондентов и превзойдя по остроте даже вероятность атак террористов (37,8%) [26, р. 11]. В докладе ВЭФ-2023, в силу наложения геополитической конфронтации, продовольственного и энергетического кризисов проблема цифрового неравенства отошла на второй план. При

этом риск более широкой социальной поляризации поднялся как бы на исходное, 5-е место [7, р. 6, 11].

В последнее время все более актуальным становится риск превосходства машинного разума над человеческим, то есть вытеснение *homo economicus* «кремниевым человеком» (*homo silicus*) [30]. В конце марта 2023 г. свыше 1 тыс. представителей мировой ИКТ-индустрии, в том числе И. Маск, С. Возняк, др. опубликовали открытое письмо с призывом немедленно приостановить, хотя бы на полгода, разработки более мощных, чем ChatGPT-4, ИИ-сервисов для подготовки протоколов безопасности в сфере искусственного интеллекта [31]. Особого внимания требует изменение природы угроз национальной и международной безопасности по мере распространения гибридных конфликтов. В зарубежной экспертной среде их часто определяют как мультидоменные, одновременно идущие в наземной, воздушной, морской, космической и киберпространственной сферах, что размывает принятое определение конвенционных боевых действий [7, р. 40]. Более глубокую трактовку, учитывающую новейшие геополитические реалии, предлагают российские специалисты, когда «гибридной (или, точнее, системной) признается война на поле боя, в военно-промышленном комплексе, экономике, политике, культуре, спорте, науке, образовании, СМИ и киберсреде» [32]. В гибридной войне, предполагающей «уничтожение атакуемой сущности», поле боя переносится в энергоинформационное пространство. Поэтому нонкомбатантов в ней быть не может, а «активности сворачиваются только в случае окончательной победы» [33, с. 57].

Заключение

При всей остроте дискуссий на тему начавшейся деглобализации, порожденных экономическими и политическими турбулентностями современного мира, наша сегодняшняя действительность остается «миром созависимостей» [34], опосредуемых потоками товаров, услуг, капитала, информации. В мире нет ни одного абсолютно самодостаточного региона. Поэтому приоритетом остается сохранение преимуществ взаимозависимости стран, но при одновременном учете возникающих рисков и управлении ими и нейтрализации отрицательных последствий сложившихся зависимостей, особенно когда их источник и место основного производства в современной мирохозяйственной практике совпадают.

На сегодняшний день однозначного ответа на вопрос о будущем глобализации, а следовательно, и об исчерпании ресурсов нынешней ИКТ-революции, у специалистов нет. На наш взгляд, глобализация продолжается, но переходя на новый этап своего развития, трансфор-

мируется в новое качество, в том числе путем цифровизации (интернетизации) глобальной экономики. Можно допустить, что в ходе этих процессов действие отдельных драйверов развития замедлилось, а какие-то из них запустили деглобализационные эффекты. Мы полагаем, что при поиске вариантов «перебалансировки» глобальных цепочек взаимодействия здравый смысл должен подсказать необходимость сконцентрировать главные усилия на развороте наметившегося дробления геоэкономического пространства, предотвращении торможения развития знаниеемких отраслей и общего сжатия человеческого капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лобыкин А.* «Параллельный» турецкий поток пока не иссяк // Эксперт. 2023. № 12. С. 20–22.
2. *Столяров А.* Зеленая эпоха уходит // Эксперт. 2023. № 15. С. 13–17.
3. *Дмитриев С.С.* Перегрузка курса на восстановление промышленного потенциала США // *Мировая экономика и международные отношения.* 2022. Т. 66. № 8. С. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-08-61-69>.
4. *Макаров И.А.* Таксономия торговых барьеров: пять типов протекционизма // *Современная мировая экономика.* 2023. Т. 1. № 1. С. 74–94.
5. *Global Value Chain Development Report 2021. Beyond Production.* Geneva: World Trade Organization, 2021.
6. *White House.* Building Resilient Supply Chains, Revitalizing American Manufacturing, and Fostering Broad-Based Growth. 100-day reviews under Executive Order 14017. A report by the White House: Washington, 2021.
7. *The Global Risks Report 2023.* 18th edition. Geneva: World Economic Forum, 2023.
8. *Samuelson P.* Where Ricardo and Mill Rebut and Confirm Arguments of Mainstream Economists Supporting Globalization // *Journal of Economic Perspectives.* 2014. Vol. 18. No. 3. Pp. 135–146. DOI: 10.1257/0895330042162403.
9. *Bhagwati J., Panagariya A., Srinivasan T. N.* The Muddles Over Outsourcing // *Journal of Economic Perspectives.* 2004. Vol. 18. No. 4. Pp. 93–114. DOI: 10.1257/0895330042632753.
10. *Dixit A. K., Grossman G. M.* The Limits of Free Trade // *Journal of Economic Perspectives.* 2005. Vol. 19. No. 3. Pp. 241–244. DOI: 10.1257/089533005774357789.
11. *Kowalski P., Lopez-Gonzalez J., Ragoussis A., Ugarte C.* Participation of Developing Countries in Global Value Chains: Implications for Trade and Trade-Related Policies. Paris: OECD trade policy papers. 2015. No. 179. DOI: dx.doi.org/10.1787/5js331fw0xxn-en.
12. *Antràs P.* Conceptual Aspects of Global Value Chains. Washington: World Bank Group, World Development Report 2020 Team Policy Research Working Paper 9114, 2020.
13. *Lund S. et al.* Risk, Resilience, and Rebalancing in Global Value Chains. The McKinsey Global Institute, 2020.
14. *Узяков М.* Императивный прогноз: год 2023-й // Эксперт. 2023. № 9. С. 20–21.
15. *Огородников Е.* Не говорите Макрону, он им не родной // Эксперт. 2022. № 47. С. 9.

16. *Acemogly D., Restrepo P.* Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets. Washington: National Bureau of Economic Research Working Paper. No. 23285. 2017.
17. *Autor D.H., Hanson G.* The China Syndrome: Local Labor Market Effects of Import Competition in the United States // *American Economic Review*. 2013. Vol. 103. No. 6. Pp. 2121–2168. DOI: 10.1257/aer.103.6.2121.
18. *Meng B., Ye M., Wei S.-J.* Measuring Smile Curves in Global Value Chains // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2020. Vol. 82. Iss. 5. Pp. 988–1016. DOI: <https://doi.org/10.1111/obes.12364>.
19. *Смирнов А., Сысов Т., Скоробогатый П.* Переосмысление лидерства и возвращение идеологии: что обещает Си Цзиньпин // *Эксперт*. 2022. № 43. С. 13–19.
20. *Ивантер А.* Тысяча ли до могущества // *Эксперт*. 2022. № 43. С. 20–22.
21. *Магдалинская Ю.* Компартия Китая идет в будущее // *Дыхание Китая*. 2022. 10 ноября. № 254. С. 7.
22. *Ahir H., Bloom N., Furcery D.* The World Uncertainty Index. Washington: International Monetary Fund, 2018.
23. *Ahir H., Bloom N., Furcery D.* New Index Tracks Trade Uncertainty Across the Globe. IMF Blog. 2019, September 9. <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2019/09/09/blog-new-index-tracks-trade-uncertainty-across-the-globe> (дата обращения: 12.11.2023).
24. *Огородников Е.* Кризис? Нет, не вижу // *Эксперт*. 2023. № 7. С. 9.
25. *World Development Report 2016.* Digital Dividends. Washington: World Bank, 2016.
26. *The Global Risks Report 2021.* 16th edition. Geneva: World Economic Forum, 2021.
27. *World Development Report 2021.* Data for Better Lives. Washington: World Bank, 2021.
28. *The Global Risks Report 2022.* 17th edition. Geneva: World Economic Forum, 2022.
29. *Обухова Е.* От соцсети к суперашпу и обратно // *Эксперт*. 2023. № 23. С. 18–24.
30. *Бутрин Д.* Проверьте сначала на роботах // *Коммерсантъ*. 2023. 12 апреля. № 63. С. 2.
31. *Кучерена А.* Электронный апокалипсис // *Российская газета*. 2023. 12 апреля. № 78. С. 7.
32. *Зорькин В.* Реформатор – элита – народ // *Российская газета*. 2023. 15 мая. № 103. С. 13.
33. *Скоробогатый П.* Гибридная война абсолютно тотальна. Нонкомбатантов больше нет // *Эксперт*. 2023. № 21. С. 56–61.
34. *Seong J. et al.* Global Flows: The Ties That Bind in an Interconnected World. The McKinsey Global Institute discussion paper, 2022 // <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/global-flows-the-ties-that-bind-in-an-interconnected-world/> (дата обращения: 15.09.2023).

REFERENCES

1. *Labykin A.* The “parallel” Turkish flow has not yet dried up // *Expert*. 2023. No. 12. Pp. 20–22. (In Russ.).
2. *Stolyarov A.* The green era is leaving // *Expert*. 2023. No. 15. Pp. 13–17. (In Russ.).
3. *Dmitriev S.S.* Rebooting the course towards restoring the industrial potential of the United States // *World Economy and International Relations*. 2022. T. 66. No. 8. Pp. 61–69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-08-61-69>.
4. *Makarov I.A.* Taxonomy of trade barriers: five types of protectionism // *Modern World Economy*. 2023. T. 1. No. 1. Pp. 74–94. (In Russ.).

5. Global Value Chain Development Report 2021. Beyond Production. Geneva: World Trade Organization, 2021.
6. White House. Building Resilient Supply Chains, Revitalizing American Manufacturing, and Fostering Broad-Based Growth. 100-day reviews under Executive Order 14017. A report by the White House: Washington, 2021.
7. The Global Risks Report 2023 18th edition. Geneva: World Economic Forum, 2023.
8. Samuelson P. Where Ricardo and Mill Rebut and Confirm Arguments of Mainstream Economists Supporting Globalization // Journal of Economic Perspectives. 2014. Vol. 18. No. 3. Pp. 135–146. DOI: 10.1257/0895330042162403.
9. Bhagwati J., Panagariya A., Srinivasan T.N. The Muddles Over Outsourcing // Journal of Economic Perspectives. 2004. Vol. 18. No. 4. Pp. 93–114. DOI: 10.1257/0895330042632753.
10. Dixit A.K., Grossman G.M. The Limits of Free Trade // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. No. 3. Pp. 241–244. DOI: 10.1257/089533005774357789.
11. Kowalski P., Lopez-Gonzalez J., Ragoussis A., Ugarte C. Participation of Developing Countries in Global Value Chains: Implications for Trade and Trade-Related Policies. Paris: OECD trade policy papers. 2015. No. 179. DOI: dx.doi.org/10.1787/5js33lfw0xxn-en
12. Antràs P. Conceptual Aspects of Global Value Chains. Washington: World Bank Group, World Development Report 2020 Team Policy Research Working Paper 9114, 2020.
13. Lund S. et al. Risk, Resilience, and Rebalancing in Global Value Chains. The McKinsey Global Institute, 2020.
14. Uzyakov M. Imperative forecast: year 2023 // Expert. 2023. No. 9. Pp. 20–21. (In Russ.).
15. Ogorodnikov E. Don't tell Macron, he's not their loved one // Expert. 2022. No. 47. P. 9. (In Russ.).
16. Acemogly D., Restrepo P. Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets. Washington: National Bureau of Economic Research Working Paper, No. 23285. 2017.
17. Autor D.H., Hanson G. The China Syndrome: Local Labor Market Effects of Import Competition in the United States // American Economic Review. 2013. Vol. 103. No. 6. Pp. 2121–2168. DOI: 10.1257/aer.103.6.2121.
18. Meng B., Ye M., Wei S-J. Measuring Smile Curves in Global Value Chains // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 2020. Vol. 82. Iss. 5. Pp. 988-1016. DOI: https://doi.org/10.1111/obes.12364.
19. Smirnov A., Sysoev T., Skorobogaty P. Rethinking leadership and returning ideology: what Xi Jinping promises // Expert. 2022. No. 43. Pp. 13–19. (In Russ.).
20. Iwanter A. A thousand li to power // Expert. 2022. No. 43. Pp. 20–22. (In Russ.).
21. Magdalinskaya Yu. The Chinese Communist Party is moving into the future // Breath of China. 2022. November 10. No. 254. P. 7. (In Russ.).
22. Ahir H., Bloom N., Furcery D. The World Uncertainty Index. Washington: International Monetary Fund, 2018.
23. Ahir H., Bloom N., Furcery D. New Index Tracks Trade Uncertainty Across the Globe. IMF Blog. September 9, 2019. <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2019/09/09/blog-new-index-tracks-trade-uncertainty-across-the-globe> (дата обращения: 12.11.2023).
24. Ogorodnikov E. Crisis? No, I don't see // Expert. 2023. No. 7. P. 9. (In Russ.).
25. World Development Report 2016. Digital Dividends. Washington: World Bank, 2016.
26. The Global Risks Report 2021 16th edition. Geneva: World Economic Forum, 2021.

27. World Development Report 2021. Data for Better Lives. Washington: World Bank, 2021.
28. The Global Risks Report 2022 17th edition. Geneva: World Economic Forum, 2022.
29. *Obukhova E.* From social network to superapp and back // *Expert*. 2023. No. 23. Pp. 18–24. (In Russ.).
30. *Butrin D.* Test first on robots // *Kommersant*. 2023. April 12. No. 63. P. 2. (In Russ.).
31. *Kucherenina A.* Electronic apocalypse // *Russian newspaper*. 2023. April 12. No. 78. P. 7. (In Russ.).
32. *Zorkin V.* Reformer – elite – people // *Russian newspaper*. 2023. May 15. No. 103. P. 13. (In Russ.).
33. *Skorobogaty P.* Hybrid war is absolutely total. There are no more non-combatants // *Expert*. 2023. No. 21. P. 56–61. (In Russ.).
34. *Seong J. et al.* Global Flows: The Ties That Bind in an Interconnected World. The McKinsey Global Institute Discussion Paper, 2022 // <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/global-flows-the-ties-that-bind-in-an-interconnected-world#/>(дата обращения: 15.09.2023).

Дата поступления рукописи: 09.01.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мальцев Андрей Александрович – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0002-3774-6311

maltsevaa@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Maltsev – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0002-3774-6311

maltsevaa@list.ru

GLOBAL META-RISKS IN THE POST-COVID ERA

In the context of the discussion on deglobalization in economic literature, that has been intensified by the slowdown in globalization processes since the early 2010s, there was made an attempt to systemize the key challenges of the world economy at the current stage. Three enlarged clusters of global meta-risks were identified: the rise of protectionism, geopolitical uncertainty, digitalization challenges. Their consideration was based on the scheme of structuring the consequences that arise for and from the activities of the GVCs. The main conclusion was that our present reality remains as codependent world.

Keywords: *geopolitical uncertainty, global meta-risks, global value chains, digitalization of the world economy, technological protectionism.*

JEL: F02, F15, F23.

А.А. СИДОРОВ

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных
экономических отношений и внешнеэкономических связей
им. Н.Н. Ливенцева МГИМО МИД России

ДОСТУП НА ВНЕШНИЕ РЫНКИ В КОНТЕКСТЕ КОНЪЮНКТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье представлено теоретическое осмысление понятия «доступ на внешние рынки» в контексте исследования экономической конъюнктуры. Определено, что он является условием формирования конъюнктуры, воздействующим на элементы воспроизводственного процесса. Показано, что анализ доступа на внешние рынки необходим в рамках конъюнктурных исследований для оценки текущей и перспективной емкости рынка. Проанализирована зависимость доступа от состояния экономической конъюнктуры в кратко- и долгосрочном периоде, в том числе в рамках нисходящей волны большого цикла с начала второго десятилетия XXI в. Прослежена и обратная взаимосвязь – состояния конъюнктуры от доступа на внешние рынки. Показаны различия в подходах к исследованию указанной категории в зависимости от различных видов прогнозов. Разграничены вопросы доступа на внешние рынки и конкурентоспособности в системе конъюнктурных исследований. Выявлена проблема определения первичного источника успеха экспортной деятельности – наличие конкурентоспособной продукции или благоприятных условий доступа на внешние рынки; представлена авторская позиция по данному вопросу.

Ключевые слова: *доступ на внешние рынки, экономическая конъюнктура, конъюнктурные исследования, внешнеторговая политика, протекционизм, большие циклы, прогнозирование, конкурентоспособность.*

УДК: 338.12, 339.13, 339.54, 339.98

EDN: VMDGYJ

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_138_153

Исследования проблем доступа на внешние рынки для России были актуальны и в прошлом веке, и в начале XXI в. В 2022 г., когда стала проявляться устойчивая тенденция нарастания протекционизма в международной торговле и возникла необходимость поиска новых источников роста отечественной экономики, потребность в проведении этих исследований резко возросла. Еще большую актуальность

проблемы доступа на внешние рынки приобрели в условиях усиления геополитической напряженности, «беспрецедентного негативного воздействия ограничительных мер (санкций со стороны недружественных стран и различных решений юридических лиц, аналогичных санкциям по влиянию, а также контрсанкций)» [20, с. 218] и закрытия многих внешних рынков для отечественных экспортеров.

Автором данной работы ранее уже отмечался дефицит теоретического осмысления самого понятия «доступ на внешние рынки» в имеющейся на сегодняшний день научной литературе по данному вопросу, и им была предпринята попытка восполнить этот пробел, в том числе в части построения системы факторов доступа на внешние рынки и анализа влияния на него процессов экономической интеграции [18]. В то же время за рамками рассмотрения остался важный теоретико-методологический вопрос о взаимосвязи доступа на внешние рынки с экономической конъюнктурой и анализ места этой категории в системе конъюнктурных исследований. В настоящей статье автор продолжает развивать теоретический подход к различным аспектам понятия «доступ» на внешние рынки.

Доступ на внешние рынки как условие формирования экономической конъюнктуры

Рассмотрение элементов доступа на внешние рынки является одной из важных составных частей системы конъюнктурных исследований. Если руководствоваться базовым определением понятия экономической конъюнктуры как «состояния макроэкономического процесса воспроизводства, определяемого уровнем, темпами и пропорциями его развития и проявляющегося в условиях реализации продукции» [5, с. 24], то различные виды экономической политики (в том числе внешнеторговой) представляют собой внешние относительно воспроизводственного процесса движущие силы, которые воздействуют на конъюнктуру посредством рыночного механизма. При этом конъюнктура формируется в первую очередь факторами, под которыми понимаются движущие силы (то есть внутренние элементы воспроизводственного процесса), влияющие на характер меняющейся конъюнктуры, на направление, темпы и пропорции ее развития. Условия же формирования конъюнктуры не относятся к стадиям и внутренним элементам воспроизводственного процесса. Они влияют на конъюнктуру косвенно: посредством воздействия на элементы воспроизводственного процесса¹.

---

¹ О различиях между факторами и условиями формирования конъюнктуры см. подробнее в: [19, с. 19–29].

Деятельность государства по регулированию рынков средствами экономической политики является одним из самых важных (внешних, общих) условий формирования экономической конъюнктуры, в которых функционируют участники рынка. Применение какой-либо меры, например, нетарифного регулирования в виде запрета на импорт посредством воздействия на элементы воспроизводственного процесса, повлияет на товарную и общехозяйственную конъюнктуру – как субъекта, вводящего меру, так и страны, поставляющей товар на рынок данного субъекта.

В упрощенном виде влияние может быть представлено в виде следующего механизма. Если говорить о субъекте, вводящем такую меру, то введение запрета на импорт товара повлияет сначала на стадию обмена (соответствующая продукция будет устранена с рынка), затем на стадию производства (недостаток предложения будет восполнен выпуском национальной продукции), затем на стадию распределения (вырастут доходы участников производственного процесса) и потребления (возрастет потребление рассматриваемой продукции, но может также и какой-либо другой продукции за счет роста доходов). Если рассматривать страну, в отношении которой введен запрет, то такая мера сначала повлияет на стадию потребления (сокращение чистого экспорта), затем на стадию обмена (можно попытаться направить товар на внутренний рынок либо на рынки третьих стран), затем на стадию производства (в зависимости от успешности обмена – рост, сокращение или стабилизация выпуска товара), затем на стадию распределения (динамика доходов будет зависеть от динамики производства).

Важность исследования отдельных элементов доступа на внешние рынки разделяли ученые – классики теории и практики исследования экономической конъюнктуры, не делая, однако, акцента на этой категории и не забывая о первичном характере факторов воспроизводственного процесса. Например, Ф.Г. Пископфель в качестве элемента анализа внешней торговли в конъюнктурных исследованиях отмечал торгово-политические мероприятия, в том числе по ограничению или форсированию экспорта. Он также указывал, что особое место уделяется анализу политики правительств по ограничению производства товара [13, с. 251, 256–257]. Соответственно, согласно выработанной авторской классификации факторов, определяющих доступ на внешние рынки [18], речь шла об исследованиях отдельных составляющих факторов доступа на внешние рынки I и II порядка. Д.И. Костюхин при исследованиях конъюнктуры товарного рынка в рамках раздела по внешней торговле выделял политику правительств в области экспорта и импорта, в том числе таможенно-тарифную [7, с. 297]. Аналогичным образом выделяла внешнеторговую политику Л.И. Цыгичко [21, с. 130].

Более фундаментально к вопросу подходил А.В. Рудомино, выделяя в качестве «странового конъюнктурообразующего фактора» государственное регулирование экономики страны и государственную торговую политику [17, с. 59, 63]. Если использовать современную терминологию, то названные категории являются, скорее, условиями формирования конъюнктуры, то есть внешними относительно воспроизводственного процесса силами, воздействующими на него косвенно. Вместе с тем выделение ученым данных категорий в разряде факторов указывает на их значимость в исследованиях конъюнктуры. Схожий подход использует В.В. Поляков, относя усиление роли государства в развитии мировой экономики и мирового рынка, в том числе импортные пошлины, экспортные ограничения, к «постоянно действующим нециклическим факторам» [14, с. 33–36]. Несмотря на использование советской классификации деления факторов на постоянные и непостоянные, циклические и нециклические, которую критиковали С.П. Никитин [10, с. 68–71] и В.Г. Клинов [3, с. 62–64], В.В. Поляков также, по сути, разделяет значимость влияния указанных категорий на рынок.

В качестве эндогенного условия функционирования капиталистической системы С.П. Никитин выделял государственно-монополистический капитализм, различные виды экономического регулирования [10, с. 75]. Было бы справедливо применить подобную характеристику и в отношении социалистической системы. Аналогичным образом А.Б. Мануковский и Е.М. Хартуков относили особенности внешнеэкономической стратегии государств к международным условиям формирования конъюнктуры [9, с. 78]. По данному поводу А.А. Горячев отмечал, что «значительное воздействие на товарную конъюнктуру могут оказывать различные государственные программы и проекты, которые, зачастую не влияя существенно на ход экономического развития страны, сказываются на динамике того или иного рынка, особенно в национальном разрезе» [1, с. 19]. Современными учеными, В.Г. Клиновым [5, с. 322] и Л.С. Ревенко [16, с. 26], внешнеторговая политика и регулирование рынка в более явном виде относятся к неотъемлемым составляющим исследований конъюнктуры мировых товарных рынков.

Таким образом, основоположниками конъюнктуроведения доступ на внешние рынки признавался в качестве одной из движущих сил, воздействующих на конъюнктуру, без четкого определения характера и механизма такого воздействия. При этом автором определено соотношение данных категорий и механизм их взаимодействия – доступ на внешние рынки является условием формирования экономической конъюнктуры, косвенно воздействующим на все элементы воспроизводственного процесса.

В то же время роль доступа на внешние рынки в рамках конъюнктурных исследований в научных и учебно-методических публикациях подробно практически не рассматривалась. Не получила достаточного освещения и взаимосвязь доступа на внешние рынки с другими элементами исследований экономической конъюнктуры.

Анализ доступа на внешние рынки как составная часть конъюнктурных исследований

Анализ доступа на внешние рынки необходим для ответа на главный вопрос конъюнктурных исследований и понимания того, в чем непосредственно проявляется состояние макроэкономического процесса воспроизводства. Речь идет об условиях реализации продукции.

Компаниям для принятия правильных управленческих решений и государству для проведения грамотной экономической политики, выстраивания тактики и стратегии поведения на рынке необходимо получить ответ на три группы вопросов, которые одновременно являются задачами конъюнктурных исследований. Речь идет о нынешних и перспективных требованиях к качественным характеристикам и ассортименту продукции; о ценах на продукцию и на ресурсы для ее производства; о емкости рынка. Для решения последней задачи – оценки текущей и перспективной емкости рынка – необходимо определить, какие условия доступа на тот или иной внешний рынок существуют сейчас и как они могут измениться в будущем.

Неблагоприятные условия доступа на зарубежный рынок означают уменьшение числа фактических или потенциальных покупателей, то есть емкости внешнего рынка, что при прочих равных условиях приводит к снижению масштабов сбыта и производства продукции, росту сроков окупаемости вложений в тот или иной проект. При благоприятных условиях доступа емкость внешнего рынка растет, так же как масштабы сбыта и производства продукции, а сроки окупаемости капиталовложений в этом случае снижаются. От различий в условиях доступа на внешние рынки также зависит, где предпочтительнее начинать кампанию заключения договоров на поставку продукции.

Если даже условия доступа на зарубежный рынок относительно благоприятны или по крайней мере не носят запретительный характер, то исследование данной категории важно для формирования цены, по которой продукция будет экспортироваться и реализовываться за границей.

Во-первых, важно знать, какова может быть цена продукции после прохождения таможенной очистки. Во-вторых, необходимо понимать, в какой мере цена экспортируемой продукции будет соответствовать ценам на внутреннем рынке, чтобы продукция пользовалась спросом.

В отдельных случаях это может быть нужно для выработки и реализации стратегии завоевания рынка (например, с помощью поставок по демпинговым ценам) либо для обхода действующих внешнеторговых ограничений (например, для нейтрализации или «поглощения» антидемпинговой пошлины).

Анализ доступа на внешние рынки важен не только для выстраивания регулярных конъюнктурных исследований в реализующей за рубежом продукцию компании или государстве. Такой анализ должен предшествовать началу ведения внешнеэкономической деятельности, попытке выхода на внешний рынок. Как отмечал еще в начале XX в. российский экономист И.Х. Озеров, «мы мало интересуемся сбытом на внешние рынки, мало знаем эти рынки» [12, с. 50]. К сожалению, эта проблема актуальна и сегодня, в первую очередь для малого и среднего бизнеса. Следствием недооценки важности конъюнктурных исследований, в том числе доступа на внешние рынки, является нереализованный потенциал продаж продукции за рубежом такими предприятиями.

Необходимо также подчеркнуть взаимосвязь доступа на внешние рынки (который, как правило, имеет более важное значение для исследований товарной конъюнктуры) с общехозяйственной конъюнктурой. Ф.М. Левшин справедливо указывал, что «изучение конъюнктуры любого товарного рынка без анализа общехозяйственной конъюнктуры теоретически неправильно, а в практике оперативной работы может привести к крупным просчетам» [8, с. 12].

Во многом принятие ограничительных мер внешнеторговой политики связано с ухудшением общехозяйственной конъюнктуры. Например, в США промышленное производство в 2016 г. относительно 2007 г., соответствующего пику предшествующего экономического цикла, увеличилось на 0,2%, что соответствует практически нулевому среднегодовому темпу прироста². В результате с учетом потери США за предшествующие 10 лет порядка 60 тыс. предприятий, выведения значительной части производственных мощностей в Мексику и страны Юго-Восточной Азии [2, с. 15] пришедший в 2017 г. к власти президент Д. Трамп начал проводить жесткую протекционистскую политику. Вследствие такой политики условия доступа на рынок США существенно ухудшились.

Если рассматривать более длительный исторический отрезок, то во втором десятилетии XXI в. началась нисходящая волна пятого большого цикла Н.Д. Кондратьева. В рамках этого периода отмечалось снижение эластичности роста международной торговли по мировому

---

² Рассчитано автором на основе данных World Development Indicators. <https://data-bank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

ВВП. По данным ВТО, в восходящую волну данного большого цикла, в 1996–2010 гг., среднегодовой темп прироста мирового валового продукта в реальном выражении составил 3,2%, а международной торговли 5,2%, то есть второй показатель опережал первый на 2,0 п.п. В 2011–2022 гг. ситуация коренным образом изменилась: среднегодовой темп прироста реального мирового валового продукта равнялся 2,7%, а международной торговли – 2,5%, то есть имело место отставание второго показателя от первого на 0,2 п. п. [26, р. 106].

Начало нисходящей волны во втором десятилетии XXI в. означает, что продолжительность предыдущей восходящей волны, начавшейся в середине 1990-х годов, сократилась по сравнению с предшествующими (15 против 24–34 лет), что, по сути, являлось одним из направлений модификации большого цикла. Этому способствовало обострение глобальной конкуренции со стороны крупных менее развитых стран, а следствием относительно менее благоприятной конъюнктуры стал рост протекционизма в международной торговле [4, с. 160–163]. После 2011 г., согласно данным портала *Global Trade Alert*, наблюдается тенденция роста числа ограничительных мер в международной торговле товарами. Если в 2011 г. насчитывалось 1 913 ограничительных мер в отношении товарного импорта, в 2020 г. их стало уже 3 343. В 2021 г., после окончания острого периода новой коронавирусной инфекции COVID-19, число мер снизилось до 3 188, что, однако, существенно выше показателя начала второго десятилетия XXI в. [23].

Примечательно, что снижение эластичности роста международной торговли по мировому ВВП, проявившееся в указанном выше выравнивании темпов прироста международной торговли и мирового ВВП (или даже в отставании первого показателя от второго), началось с 2011 г., то есть до политических потрясений, связанных с западными антироссийскими санкционными ограничениями и ответными мерами России, а также с протекционистской политикой президента США Д. Трампа, хотя и эти события являются продолжением общей тенденции с начала второго десятилетия XXI в. Этому также содействовало постепенное усугубление кризиса функционирования многосторонней торговой системы ВТО.

Существует и обратная связь доступа на внешние рынки с общехозяйственной конъюнктурой. Наиболее ярким примером является введение в 2022 г. широкого перечня санкционных ограничений в отношении разных отраслей российской экономики, в результате синергетического эффекта которых ВВП страны снизился на 2,1%³. С учетом изложенного для понимания перспектив доступа на тот или

³ Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

иной зарубежный рынок желательны хотя бы общие оценки текущей и будущей общехозяйственной конъюнктуры. Верно и обратное: для понимания причин изменения текущей и будущей общехозяйственной конъюнктуры желательны хотя бы общие оценки доступа на ключевые внешние рынки.

Доступ на внешние рынки и перспективы экономической конъюнктуры

Для субъектов хозяйственной деятельности важно предусматривать, что может произойти в будущем с доступом на внешние рынки, с какими мерами экономической политики зарубежных государств рыночные игроки могут столкнуться. Это необходимо, прежде всего, для планирования производственных процессов. По этой причине исследование вопросов доступа на внешние рынки важно для разработки практически всех видов прогнозов.

Если рассматривать прогнозы по глубине (горизонту) прогнозирования, то в краткосрочном периоде условия доступа могут меняться, прежде всего с учетом текущей динамики цен (например, упрощаться в виде обнуления ввозных таможенных пошлин, как это происходило во многих государствах и интеграционных объединениях, в том числе ЕАЭС) либо внезапных, непредсказуемых колебаний торговли (например, несколько месяцев требуется для введения предварительной специальной защитной меры в случае резкого роста импорта товара, наносящего серьезный ущерб отрасли экономики).

Более вероятно изменение условий доступа на внешние рынки в среднесрочном и долгосрочном периодах с учетом соответствующих по времени тенденций. Например, наблюдающаяся на протяжении нескольких лет тенденция снижения спроса на продукцию производства зарубежной страны на ее собственном рынке может побудить правительство принять комплекс мер по поддержке местных компаний – как внешнеторговой, так и промышленной политики. Соответственно, это приведет к ухудшению условий доступа на такой рынок.

В долгосрочном периоде уже более вероятно изменение условий доступа на внешние рынки по причинам, связанным с соображениями национальной безопасности и/или защиты окружающей среды. Например, рост или сохранение зависимости зарубежной страны от импорта какого-либо товара может побудить правительство выработать стратегию по снижению такой зависимости и начать реализацию соответствующих мер. Так, вопросы расширения использования возобновляемых источников энергии (как по соображениям защиты окружающей среды, так и улучшения состояния энергетической безопасности) активно прорабатываются в ЕС с 1990-х годов. Все это обуслови-

ваает необходимость отслеживания тенденций в соответствующих процессах для получения достоверных прогнозных оценок, а также внесения изменений в тактику и стратегию поведения на рынке. Например, интенсивное наращивание поставок продукции на рынок зарубежной страны, в особенности с применением механизмов демпинга, чревато введением ответных мер и утратой всего рынка либо его части. В этом случае тактика реализации продукции должна быть изменена.

Оценка текущих и перспективных условий доступа на внешние рынки необходима и для различных видов прогнозов, классифицируемых по функциональному признаку. Для исследовательских (поисковых) прогнозов доступ на внешние рынки важен как одно из условий, определяющих возможный характер и направление изменения конъюнктуры в будущем. В рамках нормативных прогнозов (как программных, так и организационных) условия доступа на внешние рынки важны как объект для возможного воздействия в целях достижения желаемых результатов хозяйственной деятельности. Речь идет о задействовании инструментов торгово-политической поддержки, чтобы попытаться добиться от зарубежной страны улучшения условий доступа и, соответственно, обеспечить реализацию на этом рынке большего количества продукции. В случае организационного прогноза алгоритм соответствующих действий должен быть максимально конкретизирован.

При разработке различных прогнозов с позиции пользователя (заказчика) подход к вопросу доступа на внешние рынки будет варьироваться. В случае предсказательных прогнозов необходимо исходить из одного, наиболее вероятного сценария – например, для России придется рассмотреть возможность того, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе санкционные ограничения не будут отменены. В рамках предрекаательных прогнозов необходимо использовать многовариантный подход и рассматривать различные сценарии: например, для России могут варьироваться сроки и товарный охват продукции, с которой будут сняты санкционные ограничения. Необходимо, однако, понимать, что в данном примере имеют значение не только экономические, но и политические мотивы принятия решений странами, введившими соответствующие ограничения.

Доступ на внешние рынки также служит одним из оснований для выработки практических рекомендаций в рамках исследований товарной конъюнктуры. Так, рекомендация сосредоточить направление внешнеэкономической деятельности на конкретном зарубежном рынке должна основываться на оценке и прогнозе соответствующих условий доступа, причем не только прямых, но и относительных, по терминологии М. Фугаццы и А. Ничиты [22, р. 3] (например, барьеры, которые приходится преодолевать товару одной страны-экспортера

по сравнению с барьерами, которые приходится преодолевать товару других стран-экспортеров). После получения заключения об относительно благоприятных условиях доступа уже необходимо решать вопрос с ценовой конкурентоспособностью, насколько в случае увеличения поставок продукция будет востребована по сравнению с товарами из других стран – экспортеров на рассматриваемый рынок.

Проблемы доступа на внешние рынки и конкурентоспособности в конъюнктурных исследованиях

Для комплексной характеристики содержательного наполнения термина «доступ на внешние рынки» и его места в системе конъюнктурных исследований необходимо также провести разграничение между указанным понятием и понятием «конкурентоспособность». Абстрагируясь от многообразия факторов, влияющих на конкурентоспособность (достаточно вспомнить хотя бы детерминанты конкурентного ромба М. Портера [15, с. 109–173], опоры индекса глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума [25, р. 2], факторы Международного института развития менеджмента [24, р. 34]), сформулируем в самом простом виде, как понимается эта категория с учетом содержания, целей и задач конъюнктурных исследований. В упрощенном виде конкурентоспособность можно трактовать как соответствие продукции требованиям (запросам, спросу) рынка. Речь может идти как о внутреннем рынке, так и о международных рынках.

Если товар с учетом своих качественных и ценовых характеристик успешно продается на зарубежном рынке, значит, в целом его можно считать относительно конкурентоспособным (при прочих равных условиях, без сравнения с товарами других местных и иностранных производителей). Если какая-то из этих ключевых характеристик ухудшается, товар начинает терять конкурентоспособность и может стать (или становится) неконкурентоспособным. В ситуации, когда качественные и ценовые характеристики товара превосходные, но, например, из-за наличия высокой пошлины он не может продаваться на зарубежном рынке либо продается по более высокой цене и поэтому не пользуется большим спросом, речь должна идти о неблагоприятных условиях доступа, а не о неконкурентоспособности товара.

Сложнее провести разграничение, когда, например в зарубежной стране осуществляются программы поддержки производства какого-либо товара, а в России – нет. За счет этого российский товар может отличаться относительно менее высокими качественными и ценовыми характеристиками, чем зарубежный. Согласно приведенной выше

трактовке, в этом случае он будет менее конкурентоспособным. В то же время необходимо понимать, что такая ситуация возникла непосредственно по причине государственного вмешательства, то есть обусловлена мерами зарубежной экономической политики, следствием чего является неспособность (или низкая способность) ведения российскими предпринимателями экспортных операций. В этом случае имеются основания говорить и о неблагоприятных условиях доступа на рынок.

В случае с экологическими факторами (например пограничный корректирующий углеродный механизм в ЕС) ситуация тоже двойственна. В частности, российская стальная продукция с высокой углеродоемкостью, при импорте которой нужно будет платить соответствующий сбор, будет продаваться на рынке ЕС по более высокой цене и по этой причине не будет соответствовать требованиям рынка. В то же время необходимо учитывать, что по качеству эта продукция вполне соответствует требованиям европейских потребителей, и они были бы готовы ее покупать по прежним ценам, но этому препятствует соответствующая политика в области защиты окружающей среды. В этом случае также правомерно говорить и о неблагоприятных условиях доступа. Вместе с тем такая трактовка может быть субъективной, прежде всего с точки зрения европейской стороны.

Более однозначная ситуация складывается в случае факторов, связанных с национальной безопасностью. Если от изначально конкурентоспособного отечественного товара полностью либо частично отказываются, без объективных экономических (а точнее, рыночных) оснований, соответственно, речь идет об изменении условий доступа на зарубежный рынок.

Разграничение понятий «доступ на внешние рынки» и «конкурентоспособность» необходимо также для вынесения заключения относительно того, что должно быть первичным для ведения экспортной деятельности. Это задача во многом философского характера, аналогичная вопросу: что было раньше – курица или яйцо?

В этом отношении применим подход М. Портера, который не включил роль правительства в качестве пятой детерминанты конкурентного ромба [15, с. 169] и, по сути, считал первичными детерминантами конкурентоспособности четыре группы факторов (факторные условия; стратегия и структура фирм, внутриотраслевая конкуренция; условия внутреннего спроса; родственные и поддерживающие отрасли). Руководствуясь аналогичным подходом, автор считает, что для успешного ведения экспортной деятельности необходимо сначала на основе указанных базовых детерминант создать и иметь возможность предложить на внутреннем рынке конкурентоспособную продукцию. Это можно сделать в условиях, создаваемых государством (не

обязательно при активной поддержке или вмешательстве государства, но хотя бы при отсутствии препятствий с его стороны).

При наличии относительно конкурентоспособной продукции успех экспортной деятельности будет определяться уже условиями доступа на внешние рынки и комплексом мер поддержки экспорта. Такая ситуация, прежде всего, касается продукции большинства развитых стран.

Не имеет стратегической перспективы продвижение на внешние рынки товаров, отличающихся заведомо низкой конкурентоспособностью на внутреннем рынке. Это относится ко многим видам российской продукции обрабатывающей промышленности, в том числе машинно-технической. Актуальна данная проблема и для большинства других менее развитых стран. Как отмечает польский экономист Г. Колодко, «более слабым партнерам, находящимся на более низком уровне технологической оснащенности, у которых и инфраструктура хуже, и институты слабее, которые испытывают проблемы с квалификацией работников и качеством управления, трудно, а порой и просто невозможно пробиться со своими товарами на другие рынки» [6, с. 124]. Указанные Г. Колодко факторы обуславливают низкую конкурентоспособность товаров многих менее развитых стран, из-за чего даже при благоприятных условиях доступа на внешние рынки спрос на такую продукцию слабый. При этом из-за низкой конкурентоспособности на внутреннем рынке многих видов продукции этой группы стран более развитые экономики относительно «безболезненно» предоставляют преференциальные ввозные таможенные пошлины в рамках Общей системы преференций, не опасаясь вытеснения своих товаров и/или снижения своего производства.

Таким образом, без решения проблем, связанных с базовой конкурентоспособностью на внутреннем рынке, не имеет смысла ставить вопрос об условиях доступа на внешние рынки. В идеальном сценарии цепочка, определяющая успешность ведения экспортной деятельности, должна выглядеть следующим образом: производство – доступ на внешние рынки – поддержка экспорта.

В то же время есть и другая логика, которая заключается в том, что без благоприятных условий доступа не имеет смысла вести экспортную деятельность. С ней можно согласиться при определенных допущениях – либо если имеется производство конкурентоспособной продукции, либо если имеются предпосылки и благоприятные конкурентные детерминанты для организации такого производства. В этом случае цепочка, определяющая успешность ведения экспортной деятельности, будет выглядеть следующим образом: доступ на внешние рынки – производство и/или экспорт – поддержка экспорта.

Вместе с тем, даже если приведенные выше допущения не соблюдаются, по мнению автора, такая постановка вопроса тоже нужна, при-

чем не только для научных целей. В частности, оценка возможностей и перспектив производства и/или экспорта в сценарии с благоприятными условиями доступа на внешние рынки может иметь ценность для принятия практических решений в области выработки государством внутриэкономической и внешнеэкономической политики.

Таким образом, в настоящее время доступ на внешние рынки становится все более важным условием формирования экономической (общехозяйственной и товарной) конъюнктуры, косвенно воздействуя на все элементы воспроизводственного процесса. В связи с этим повышается значение исследования доступа на внешние рынки для полноценного выполнения целей и задач конъюнктурных исследований – принятия правильных управленческих решений на уровне отдельных компаний и государства, выстраивания тактики и стратегии поведения на рынке, что зависит от текущих и перспективных условий реализации продукции. В то же время благоприятные условия доступа на внешние рынки автоматически не означают успех внешнеэкономической деятельности, который недостижим без базовой конкурентоспособности экономики в целом и конкретной продукции в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горячев А.А. Проблемы прогнозирования мировых товарных рынков. М.: Международные отношения, 1981.
2. Дмитриев С.С. Протекционистский вектор торговой политики администрации Трампа // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 2. С. 15–23.
3. Клинов В.Г. Экономическая конъюнктура. Факторы и механизмы формирования. М.: Экономика, 2005.
4. Клинов В.Г., Сидоров А.А. Модификация больших циклов и перспективы динамики мирового хозяйства в 2021–2050 гг. // Проблемы прогнозирования. 2021. № 3. С. 159–167.
5. Клинов В.Г., Сидоров А.А. Экономическая конъюнктура. М.: Экономика, 2019.
6. Колодко Г.В. Куда идет мир: политическая экономия будущего. М.: Магистр, 2014.
7. Костюхин Д.И. Конъюнктура мирового капиталистического хозяйства. М.: Международные отношения, 1973.
8. Левшин Ф.М. Мировой рынок: конъюнктура, цены и маркетинг. М.: Международные отношения, 1993.
9. Мануковский А.Б., Хартуков Е.М. Экономическая конъюнктура. Как изучать современный рынок. М.: Школа международного бизнеса МГИМО, 1991.
10. Никитин С.П. Конъюнктура мировых товарных рынков: преемственность и специфика. М.: Международные отношения, 1982.
11. Новая парадигма развития международных экономических отношений: вызовы и перспективы для России / под общ. ред. Т.М. Исаченко, Л.С. Ревенко. М.: МГИМО-Университет, 2022.
12. Озеров И.Х. Чему учит нас Америка? СПб: Книгоиздательство «Польза» В. Антикъ и К°, 1908.

13. Пископтель Ф.Г. Основы изучения конъюнктуры капиталистического хозяйства. М.: Международные отношения, 1960.
14. Поляков В.В. Мировой рынок: вопросы прогнозирования. М.: КНОРУС, 2016.
15. Портер М. Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер, 2016.
16. Ревенко Л.С., Крюков А.Е. Конъюнктурные исследования мировых товарных рынков. М.: МГИМО-Университет, 2010.
17. Рудомино А.В. Методология изучения и прогнозирования конъюнктуры мировых товарных рынков. М.: МГИМО, 1981.
18. Сидоров А.А. Доступ на внешние рынки: теоретический подход и факторы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 2. С. 86–107.
19. Сидоров А.А. Конъюнктура еврозоны: формирование и динамика. М.: ИНИОН РАН, 2019.
20. Ушкалова Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 218–226.
21. Цыгичко Л.И. Теория и практика экономической конъюнктуры. М.: МГИМО, 1995.
22. Fugazza M., Nicita A. On the importance of market access for trade. New York and Geneva: United Nations, 2011.
23. Global Trade Alert. Global Dynamics. https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/area_goods/.
24. IMD World Competitiveness Booklet 2022. Lausanne: International Institute for Management Development, 2022.
25. The Global Competitiveness Report 2019; ed. by K. Schwab. Geneva: World Economic Forum, 2019.
26. World Trade Statistical Review 2023. Geneva: World Trade Organization, 2023.

REFERENCES

1. Goryachev A.A. Problems of forecasting world commodity markets. M.: International Relations Publisher, 1981. (In Russ.).
2. Dmitriev S.S. Protectionist Vector of Trump Administration Trade Policy // World Economy and International Relations. 2020. № 2. Pp. 15–23. (In Russ.).
3. Klinov V.G. Economic conjuncture. Factors and mechanisms of formation. M.: Ekonomika, 2005. (In Russ.).
4. Klinov V.G., Sidorov A.A. Modifications of long economic cycles and prospects for global economic dynamics in 2021–2050 // Studies on Russian Economic Development. 2021. № 3. С. 159–167. (In Russ.).
5. Klinov V.G., Sidorov A.A. Economic conjuncture. M.: Ekonomika, 2019. (In Russ.).
6. Kolodko G.V. Whither the World: The Political Economy of the Future. M.: Magistr, 2014. (In Russ.).
7. Kostyukhin D.I. Conjuncture of the world capitalist economy. M.: International Relations Publisher, 1973. (In Russ.).
8. Levshin F.M. The world market: conjuncture, prices and marketing. M.: International Relations Publisher, 1993. (In Russ.).
9. Manukovsky A.B., Khartukov E.M. Economic conjuncture. How to study the modern market. M.: MGIMO School of International Business, 1991. (In Russ.).
10. Nikitin S.P. Conjuncture of world commodity markets: continuity and specificity. M.: International Relations Publisher, 1982. (In Russ.).

11. A new paradigm for the development of international economic relations: challenges and prospects for Russia; ed. by T.M. Isachenko, L.S. Revenko. M.: MGIMO-University, 2022. (In Russ.).
12. *Ozerov I.H.* What does America teach us? Saint Petersburg: Book Publishing House "Pol'za" V. Antik i Ko, 1908. (In Russ.).
13. *Piskoppel F.G.* Fundamentals of studying the conjuncture of capitalist economy. M.: International Relations Publisher, 1960. (In Russ.).
14. *Polyakov V.V.* World market: forecasting issues. M.: KNORUS, 2016. (In Russ.).
15. *Porter M.* International competition: the competitive advantage of nations. M.: Alpina Publisher, 2016. (In Russ.).
16. *Revenko L.S., Kryukov A.E.* Conjunctural studies of world commodity markets. M.: MGIMO-University, 2010. (In Russ.).
17. *Rudomino A.V.* Methodology of studying and forecasting the conjuncture of world commodity markets. M.: MGIMO, 1981. (In Russ.).
18. *Sidorov A.A.* Foreign market access: theoretical approach and factors // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. № 2. С. 86–107. (In Russ.).
19. *Sidorov A.A.* Eurozone general business situation: formation and dynamics. Moscow: INION RAN, 2019. (In Russ.).
20. *Ushkalova D.I.* Russia's foreign trade under sanctions pressure // The Journal of the New Economic Association. 2022. № 3. С. 218–226. (In Russ.).
21. *Tsygichko L.I.* Theory and practice of economic conjuncture. M.: MGIMO, 1995. (In Russ.).
22. *Fugazza M., Nicita A.* On the importance of market access for trade. New York and Geneva: United Nations, 2011.
23. Global Trade Alert. Global Dynamics. https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/area_goods/.
24. IMD World Competitiveness Booklet 2022. Lausanne: International Institute for Management Development, 2022.
25. The Global Competitiveness Report 2019; ed. by K. Schwab. Geneva: World Economic Forum, 2019.
26. World Trade Statistical Review 2023. Geneva: World Trade Organization, 2023.

Дата поступления рукописи: 07.11.2023 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сидоров Алексей Александрович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева МГИМО МИД России, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7632-3653
aa.sidorov@yahoo.com

ABOUT THE AUTHOR

Alexey A. Sidorov – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs of N.N. Liventsev, MGIMO University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7632-3653
aa.sidorov@yahoo.com

FOREIGN MARKET ACCESS IN THE SYSTEM OF MARKET RESEARCH

The article presents a theoretical understanding of the concept of access to foreign markets in the context of market studies. It is determined that market access is a condition of the economic situation (conjuncture) formation, which has an impact on the elements of the reproduction process. The analysis of this category is necessary within the framework of market studies to complete the task of assessing the current and potential market capacity. The dependence of market access on the state of economic situation in the short and long term is analyzed, including in the context of the descending wave of the long economic cycle since the beginning of the second decade of the 21st century. The inverse relationship is also traced – the state of the conjuncture dependence on market access. Different approaches to market access research are shown depending on various types of forecasts. The issues of access to foreign markets and competitiveness in the system of market studies are differentiated. The problem of determining the primary source of success of export activities – the availability of competitive products or favorable market access conditions – is revealed; the author's view is presented.

Keywords: *markets access, market situation, market studies, trade policy, protectionism, long economic cycles, forecasting, competitiveness.*

JEL: F13, F43, F44, F51, F52.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

Ю.Д. СОКОЛОВА

инженер-исследователь

Лаборатории экономической политики и природных ресурсов
Института экономики и управления Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, ассистент и аспирант
кафедры экономики Института экономики и управления Уральского
федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОСТОЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ПРИМЕР СТРАН БРИКС¹

Исследование посвящено изучению взаимосвязи экономического развития и загрязнения окружающей среды в странах БРИКС. В рамках исследования гипотеза экологической кривой Кузнеца не подтвердилась, однако Россия и Китай обладают наибольшим потенциалом для достижения того уровня доходов, когда экономический рост способен « позаботиться » о состоянии окружающей среды. С помощью продвинутого эконометрического метода анализа панельных данных Дрискола–Края (Driscoll–Kraay) мы выявили, что рост ВВП на душу населения, развертывание процессов индустриализации и урбанизации – факторы, в наибольшей степени ответственные за деградацию окружающей среды в странах БРИКС, тогда как приток прямых иностранных инвестиций, развитый финансовый сектор экономики, активная интеграция в мировое пространство, экологическая политика и использование альтернативных источников энергии способствуют улучшению состояния окружающей среды. По результатам исследования были определены несколько направлений реформирования государственной политики для поддержания состояния окружающей среды в странах БРИКС. Странам организации необходимо направить усилия на создание наиболее благоприятных условий для ПИИ, углубление финансового сектора, интенсификацию экологической политики и развитие сектора альтернативной энергетики.

Ключевые слова: БРИКС, экономический рост, окружающая среда, экологическая кривая Кузнеца, Driscoll–Kraay.

УДК: 332.025.12

EDN: WMTNDC

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_154_176

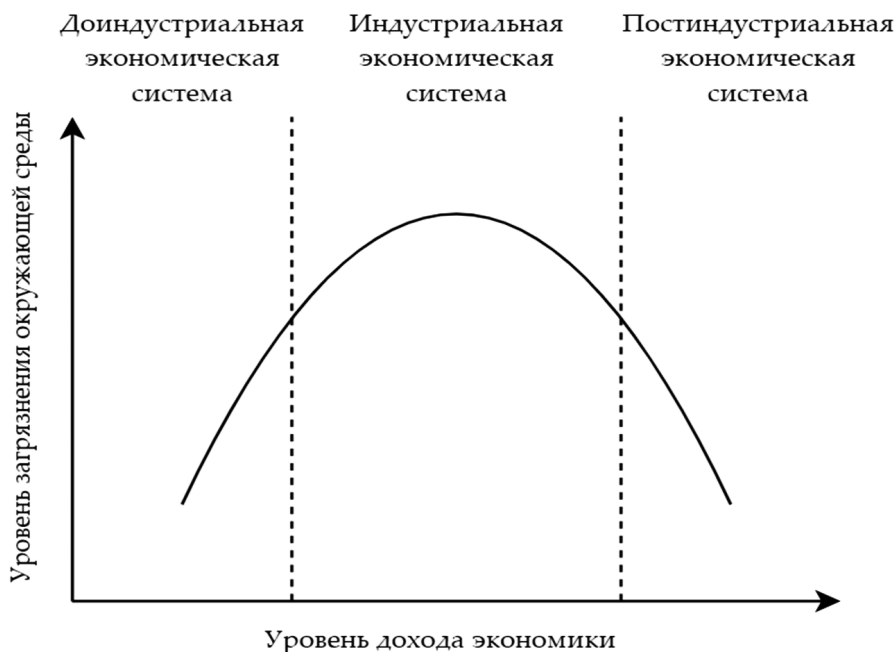
---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Совершенствование использования минерально-сырьевой базы российской экономики в условиях глобального энергетического перехода и геополитической напряженности» (грант № 23-18-01065).

Введение

Страны БРИКС играют центральную роль в будущем экономическом и политическом развитии мира [1]. Ожидается, что из-за беспрецедентного экономического роста государства могут столкнуться с экологической катастрофой. Так, расширение экономической активности связывают с экспансией «грязного» производства, интенсификацией торговли и более активным потреблением, что неизбежно ведет к деградации окружающей среды [2].

Однако приверженцы теории экологической кривой Кузнецца (см. рис. 1), подразумевающей U-образную зависимость между доходами страны и выбросами загрязняющих веществ, предполагают, что странам-участницам организации БРИКС нет необходимости беспокоиться об экологических проблемах во время экономического роста, поскольку рост, в конечном итоге, « позаботится » об окружающей среде, как только странами будет достигнут определенный уровень дохода на душу населения [3]. Уменьшение нагрузки на окружающую среду становится возможным из-за изменения структуры производства, введения энерго- и ресурсосберегающих технологий, развития национальной экологической политики, сдвига потребительских предпочтений в сторону экологически безопасных продуктов [4; 5].

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Экологическая кривая Кузнецца

В силу того, что за последние два десятилетия деградация окружающей среды стала одной из самых серьезных глобальных проблем, появилось множество работ, изучающих причины экологического кризиса. В данном исследовании мы концентрируемся на эмпирических работах, посвященных экономическим, социальным и институциональным детерминантам изменения климата в развивающихся странах и экономиках группы БРИКС.

Исследователи уделяют отдельное внимание уровню развития экономики при формировании объемов загрязнений или экологического следа страны – как правило, в моделях экономической рост представляется с помощью таких переменных, как ВВП на душу населения и индекс «сложности» экономической системы. В данном контексте эмпирические работы можно разделить на два лагеря: статьи, подтверждающие, что экономическое процветание в странах БРИКС способствует улучшению состояния окружающей среды [6; 7; 8; 9], и работы, эмпирически обосновывающие, что между темпами экономического роста и объемами загрязнений в странах БРИКС существует прямая зависимость [10; 11; 12; 13].

Большинство исследований учитывают такие факторы, как степень развитости финансовых рынков и приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ). А. Тамазян с соавторами [7], М. Айдин и Ю. Туран [10], М. Рафик с соавторами [11], К. Ли с соавторами [14], и М. Хуссаин и Е. Доган [15] выявили следующую зависимость: более высокая степень финансового развития экономики снижает степень деградации окружающей среды в странах БРИКС. Именно поэтому необходимо уделять должное внимание финансовому сектору при достижении целей устойчивого развития. Кроме того, К. Жу с соавторами [16] подтвердили, что для развивающихся стран существует обратная зависимость между развитием рынка «зеленых» финансов и ростом объемов выбросов. М. Хришти и А. Синха [17] доказали, что положительные шоки финансовых инструментов (например, появление нового финансового инструмента) благоприятно сказываются на состоянии окружающей среды, тогда как отрицательные шоки (например, закрытие банков или наложение санкций на банки) ухудшают состояние окружающей среды.

Роль ПИИ в создании загрязнений также широко освящена в иностранной литературе. Г. Закария с соавторами [18] пришли к выводу, что приток ПИИ ухудшает состояние окружающей среды в странах БРИКС, так как, скорее всего, действует механизм «утечки углерода» – страны с более строгим экологическим регулированием переносят свое производство в страны с менее активной экологической политикой, какими являются страны БРИКС. Так, для исследуемых стран важно изучить требования к иностранным инвестициям для содействия охране окружающей среды и увеличения передачи техноло-

гий через иностранные компании для уменьшения экологического ущерба. Наоборот, М. Рафик с соавторами [11] и О. Мариев с соавторами [19] подтверждают, что существует долгосрочная отрицательная зависимость между ПИИ и экологическим следом экономики. Данные авторы рекомендуют экономикам стран БРИКС в первую очередь сконцентрироваться на создании условий для привлечения ПИИ.

Х. Рахман с соавторами [20] в своем исследовании учитывают роль повсеместного процесса глобализации и приходят к следующему выводу: глобализация отрицательно и существенно влияет на выбросы углекислого газа, подразумевая улучшение качества окружающей среды. Когда речь заходит о притоке ПИИ или роли глобализации, наиболее часто подразумевается обмен знаниями, технологиями, инновациями – в данном контексте можно отметить несколько исследований, фокусирующихся на роли технологий и инноваций. Так, Х. Замеер с соавторами [21], М. Хуссейн и Е. Доган [13], а также О. Оекеми с соавторами [22] подтвердили, что внедрение инноваций значительно улучшает состояние окружающей среды.

В то время как процесс глобализации положительно сказывается на состоянии окружающей среды в странах БРИКС, процесс урбанизации приводит к деградации окружающей среды [10; 19; 23].

Безусловно, экономический рост невозможен без использования источников энергии. Г. Захарья с соавторами [18] и Х. Рахман с соавторами [20] в своих работах демонстрируют, что потребление традиционной энергии является основным источником ухудшения состояния окружающей среды в странах БРИКС. Тогда как замена традиционных источников на альтернативные значительно сокращает углеродный след экономик в регионе [14; 24].

Наконец, качество институтов и человеческий капитал также могут выступать детерминантами состояния окружающей среды в странах БРИКС. М. Хуссейн и Е. Доган [13], М. Махалик с соавторами [25], М. Ахмад с соавторами [26], М. Шахбаз с соавторами [27], а также А. Максимова, Н. Николаева, С. Салий, И. Семина [28] выяснили, что качественные экономические и политические институты, развитый человеческий капитал отрицательно связаны с экологическим следом стран БРИКС.

Согласно проведенному обзору литературы, можно выделить следующие факторы состояния окружающей среды в странах БРИКС (см. рис. 2).

Целью данного исследования выступает эконометрическое моделирование влияния экономической деятельности на состояние окружающей среды на примере пяти стран БРИКС за период 1992–2022 гг. Работа предполагает проверку гипотезы об экологической кривой Кузнецца в рамках стран объединения БРИКС, но мы также намерены выявить экономические, социальные и экологические детерминанты состояния окружающей среды.

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Факторы состояния окружающей среды стран БРИКС

Для достижения цели работы были сформулированы следующие исследовательские задачи:

- определить список потенциальных факторов состояния окружающей среды в странах БРИКС;
- сконструировать и оценить параметры эмпирической модели, которая позволит оценить влияние экономической деятельности на состояние окружающей среды в странах БРИКС за период 1992–2022 гг.;
- в рамках полученных результатов сформулировать рекомендации по совершенствованию экономической политики стран БРИКС.

Данное исследование вносит вклад в существующую литературу по следующим направлениям: мы используем наиболее актуальные данные; мы представляем состояние окружающей среды в экономиках группы БРИКС двумя переменными – объемами выбросов CO₂ на душу населения и экологическим следом страны; мы учитываем в модели наиболее полный список факторов, определяющих состояние окружающей среды в странах БРИКС; мы дополняем модель такими переменными, как степень развитости национальной экологической политики и геополитические риски; мы используем продвинутый эконометрический метод Дрискола–Края, который позволяет решить следующие эконометрические проблемы: эндогенность, гетероскедастичность, автокорреляция и пространственная зависимость; мы рассчитываем так называемый декаплинг индекс (Decoupling Index, DI), чтобы проанализировать, насколько экономический рост каждой страны способен обеспечить сокращение объемов загрязнений; мы формулируем рекомендации для реформирования экономической политики для достижения экологических целей.

Методология

Для целей проведения анализа влияния экономической активности на состояние окружающей среды в странах БРИКС мы конструируем две эмпирические модели (см. (1) и (2)). Первая выступает основной моделью нашего исследования, тогда как вторая – служит для проверки устойчивости полученных результатов.

$$ICO_{2it} = lGDP_{it} + lIND_{it} + FD_{it} + lFDI_{it} + lUR_{it} + lHC_{it} + G_{it} + lRE_{it} + ES_{it} + GR_{it} + \alpha_{it} + \varepsilon_{it}. \quad (1)$$

$$lEF_{it} = lGDP_{it} + lIND_{it} + FD_{it} + lFDI_{it} + lUR_{it} + lHC_{it} + G_{it} + lRE_{it} + ES_{it} + GR_{it} + \alpha_{it} + \varepsilon_{it}. \quad (2)$$

где CO_{2it} и EF_{it} отражают состояние окружающей среды в странах БРИКС, GDP_{it} представляет доход экономик, IND_{it} , UR_{it} , G_{it} отвечают за влияние процессов индустриализации, урбанизации и глобализации соответственно, FD_{it} демонстрирует степень развития финансового сектора, HC_{it} отражает роль человеческого капитала, RE_{it} моделирует потребление альтернативных источников энергии, ES_{it} символизирует степень развития национальной экологической политики, GR_{it} отвечает за геополитические риски, α_{it} и ε_{it} – это фиксированные эффекты и стандартные ошибки соответственно.

Переменные эмпирических моделей (см. (1) и (2)) и источники данных представлены в табл. 1. Так, состояние окружающей среды в странах БРИКС характеризуется в модели двумя переменными: объемами выбросов CO_2 на душу населения и экологическим следом экономик. Экономическую деятельность в странах БРИКС мы описываем следующими переменными: ВВП на душу населения, доля обрабатывающей промышленности (измеряем влияние процессов индустриализации, урбанизации и глобализации соответственно, демонстрирует степень развития финансового сектора, роль человеческого капитала, моделирует потребление альтернативных источников энергии, символизирует степень развития национальной экологической политики, отвечает за геополитические риски, это фиксированные эффекты и стандартные ошибки соответственно).

Таблица 1

Переменные эмпирических моделей (см. (1) и (2)) и источники данных

Переменная	Описание	Источник данных
Зависимая переменная		
CO_{2it}	Средний объем выбросов CO_2 на человека в экономике i в момент времени t , тонн на человека	Global Carbon Budget
EF_{it}	Экологический след экономики i в момент времени t . Показатель измеряет площадь поверхности, необходимую для восстановления ресурсов, которые экономика i потребляет, и поглощения отходов, которые экономика i производит, гектар на человека	Footprint Network

Переменная	Описание	Источник данных
Объясняющие переменные		
GDP_{it}	ВВП на душу населения экономики i в момент времени t . Показатель представляет собой валовой внутренний продукт, разделенный на среднегодовую численность населения, долл.	The World Bank
IND_{it}	Доля обрабатывающей промышленности в ВВП экономики i в момент времени t , %	The World Bank
FDI_{it}	Индекс финансового развития экономики i в момент времени t . Индекс резюмирует, насколько развиты финансовые учреждения и финансовые рынки с точки зрения их глубины (размера и ликвидности), доступа (способности отдельных лиц и компаний получать доступ к финансовым услугам) и эффективности (способности учреждений предоставлять финансовые услуги по низким ценам и на постоянной основе, доходы и уровень активности рынков капитала), (0–1)	International Monetary Fund
FDI_{it}	Приток прямых иностранных инвестиций в экономику i в момент времени t , млн долл.	UNCTADstat
UR_{it}	Доля городского населения в экономике i в момент времени t , %	The World Bank
HC_{it}	Доля населения с высшим образованием в экономике i в момент времени t , %	UNESCO Institute for Statistics
G_{it}	Индекс глобализации экономики i в момент времени t . Позволяет оценить масштаб интеграции страны в мировое пространство (на основе экономических, социальных и политических характеристик)	KOF Swiss Economic Institute
RE_{it}	Доля альтернативных источников энергии в общем потреблении энергии экономикой i в момент времени t , %	International Renewable Energy Agency (IRENA)
ES_{it}	Строгость экологической политики экономики i в момент времени t , (0–6)	UNCTADstat
GR_{it}	Индекс геополитического риска экономики i в момент времени t	Dario&Iacoviello [29]
i = Россия, Бразилия, Индия, Китай, ЮАР t = 1992–2022 гг.		

Источник: составлено автором.

стриализации), приток прямых иностранных инвестиций, развитие финансового сектора. Кроме того, мы учитываем влияние процессов глобализации и урбанизации путем включения индекса глобализации *KOF* и доли городского населения. Также мы включаем в модель факт потребления альтернативных источников энергии и степень развитости национальной экологической политики. Наконец, мы принимаем во внимание возможное влияние человеческого капитала и геополитических рисков.

Эмпирический анализ данного исследования представлен следующими этапами. Во-первых, мы составляем панельную базу данных, содержащую информацию о социально-экономическом и экологическом развитии пяти стран БРИКС (Россия, Бразилия, Индия, Китай, ЮАР) за период 1992–2022 гг. Во-вторых, проводим тесты на наличие пространственной зависимости [30] и единичного корня [31]. В-третьих, если для эмпирической модели свойственна проблема пространственной зависимости и все временные ряды обладают свойством интегрированности первого порядка, мы оцениваем параметры модели (1) с помощью продвинутого эконометрического метода Дрискола–Края [32]. В-четвертых, мы проводим тест на устойчивость результатов модели (1) путем оценки модели (2), где состояние окружающей среды в странах БРИКС представлено экологическим следом экономики. Наконец, мы рассчитываем декарбонизационное отношение (*Decoupling Ratio*) (3) и декарбонизационный индекс (4), разработанные организацией ОЭСР, с целью проанализировать способность экономического роста каждой страны обеспечить сокращение объемов загрязнения [7].

$$DR = \frac{\frac{CO2_{it}}{GDP_{it}}}{\frac{CO2_{it0}}{GDP_{it0}}}. \quad (3)$$

$$DI = 1 - DR = 1 - \frac{\frac{CO2_{it}}{GDP_{it}}}{\frac{CO2_{it0}}{GDP_{it0}}}. \quad (4)$$

Где $CO2_{it}$ и GDP_{it} – объем выбросов на душу населения и ВВП на душу населения в текущем периоде, а $CO2_{it0}$ и GDP_{it0} – объем выбросов на душу населения и ВВП на душу населения в базисном периоде.

Результаты и обсуждение

В табл. 2 представлена описательная статистика данных, корреляционная матрица и тестирование на наличие проблемы пространственной зависимости и единичного корня моделей (см. (1) и (2)). Во-первых, мы наблюдаем, что для всех переменных модели свойственна проблема пространственной зависимости – данный факт сигнализирует о тесной взаимосвязи экономик группы БРИКС. Наличие данной проблемы предполагает использование специальных эконометрических методов оценки – например, метода Дрискола–Края, метода средних

Таблица 2

Описательная статистика, корреляционная матрица, тесты на стационарность и наличие проблемы пространственной зависимости

Переменная	CO2 _{it}	EF _{it}	GDP _{it}	IND _{it}	FD _{it}	FDI _{it}	UR _{it}	HC _{it}	G _{it}	RE _{it}	ES _{it}	GR _{it}
Среднее	1,3	0,8	8,1	3,4	0,5	2,6	4,0	3,4	59,3	2,8	0,9	0,7
Станд. отклон.	0,9	0,6	1,1	0,3	0,1	1,8	0,4	0,8	9,3	0,9	0,8	1,1
Мин.	0,3	0,3	5,7	2,9	0,3	0,1	3,3	1,1	33,2	1,2	0,0	0,5
Макс.	2,6	1,9	9,7	3,9	0,7	5,2	4,5	4,5	72,0	3,9	3,1	3,8
CD	6,1 ^b	4,3 ^b	15,7 ^b	7,7 ^b	13,3 ^b	13,4 ^b	16,4 ^b	14,8 ^b	17,3 ^b	8,6 ^b	12,3 ^b	3,3 ^b
UR	I(1)	I(1)	I(1)	I(1)	I(1)	I(1)	I(1)	I(1)	I(1)	I(1)	I(1)	I(1)
Наблюд.	155	155	155	155	155	155	155	155	155	155	155	155
<i>Корреляционная матрица</i>												
	CO2 _{it}	EF _{it}	GDP _{it}	IND _{it}	FD _{it}	FDI _{it}	UR _{it}	HC _{it}	G _{it}	RE _{it}	ES _{it}	GR _{it}
CO2 _{it}	1,0											
EF _{it}	0,8 ^b	1,0										
GDP _{it}	0,6 ^b	0,8 ^b	1,0									
IND _{it}	0,3 ^d	0,4 ^b	-0,3 ^b	1,0								
FD _{it}	0,2 ^b	0,3 ^b	0,6 ^b	-0,3 ^b	1,0							
FDI _{it}	-0,8	-0,1	0,3 ^b	0,2	0,6 ^b	1,0						
UR _{it}	0,5 ^b	0,9 ^b	0,8 ^b	-0,4 ^b	0,4 ^b	0,1	1,0					
HC _{it}	0,6 ^b	0,6 ^b	0,6 ^b	0,3 ^b	0,5 ^b	0,6 ^h	0,5 ^h	1,0				
G _{it}	0,6 ^b	0,6 ^b	0,7 ^b	-0,3 ^b	0,7 ^b	0,4 ^b	0,5 ^b	0,6 ^b	1,0			
RE _{it}	-0,9 ^b	-0,8 ^b	-0,5 ^b	-0,3 ^b	-0,1	0,1	-0,4 ^b	-0,6 ^b	-0,6 ^b	1,0		
ES _{it}	-0,1 ^b	-0,3 ^b	0,1	0,1	0,5 ^b	0,5 ^b	-0,3 ^b	0,2 ^b	0,3 ^b	0,1	1,0	
GR _{it}	0,4 ^b	0,2 ^b	-0,1 ^b	0,6 ^b	0,1	0,2 ^b	-0,2 ^b	0,6 ^b	0,1	-0,5 ^b	0,3 ^b	1,0

Примечание: CD – тестирование на наличие проблемы пространственной зависимости, UR – тестирование на наличие единичного корня в панельных данных с проблемой пространственной зависимости, *b* – значимость на уровне 5%, I(1) – временной ряд обладает свойством интегрированности первого порядка.

Источник: составлено автором.

групп (Mean Group, MG), метода общего коррелированного эффекта средних групп (CCEMG), метод межсекторной авторегрессии с распределенным лагом (CS-ARDL). Во-вторых, все переменные обладают свойством интегрированности первого порядка (стационарны на первых разностях), что позволяет нам использовать метод Дрискола–Края.

Исходя из корреляционной матрицы, существует положительная зависимость между загрязнением окружающей среды и ВВП на душу населения, процессом активной индустриализации, урбанизации, глобализации. В то время как экологическая политика и использование альтернативных источников энергии улучшает состояние окружающей среды. Геополитические риски и человеческий капитал также сонаправленно связаны с ухудшением состояния окружающей среды.

Результаты оценки основной модели (1), призванной установить зависимость между экономической активностью в странах БРИКС и объемами выбросов CO₂ в период 1992–2022 гг., представлены в табл. 3. Во-первых, стоит отметить, что наша эмпирическая модель обладает высокой объясняющей способностью, так как R-квадрат равен 94%. Во-вторых, нам не удалось подтвердить гипотезу об экологической кривой Кузнеця (включение квадрата ВВП на душу населения также демонстрирует отрицательный знак). Наши выводы соотносятся с результатами М. Хусейна и Е. Догана [13], Мозиаса и Шербако-

Таблица 3

Результаты моделирования влияния экономической активности на объемы выбросов CO₂ в странах БРИКС

Переменные	Коэффициенты	Стандартные ошибки
$lGDP_{it}$	0,320 ^a	0,062
$lIND_{it}$	0,986 ^a	0,259
FD_{it}	-0,250	0,360
$lFDI_{it}$	-0,097 ^a	0,018
lUR_{it}	0,350	0,327
lHC_{it}	0,327 ^c	0,130
G_{it}	-0,005	0,008
lRE_{it}	-0,693 ^a	0,063
ES_{it}	-0,006	0,051
lGR_{it}	-0,273 ^a	0,037
R^2	0,940	

Примечание: *a* – значимость на уровне 1%, *b* – значимость на уровне 5%, *c* – значимость на уровне 10%.

Источник: составлено автором.

вой [33], Курбацкого и Шаклеиной [34], Григорьева с соавторами [35]. Данный факт означает, что страны БРИКС еще не достигли той точки развития, где уровень благосостояния будет стимулировать сокращение объемов загрязнений. Именно поэтому для решения экологических проблем государству, частному бизнесу и населению необходимо занять проактивную позицию.

Табл. 3 позволяет проанализировать детерминанты объемов выбросов CO_2 в странах БРИКС за период 1992–2022 гг. Так, увеличение объемов ВВП на душу населения (GDP_{it}) и промышленное развитие (IND_{it}) влечет за собой рост выбросов CO_2 , что подтверждает выводы В. Азеведо с соавторами [12] и М. Рафика с соавторами [11]. Увеличение уровня благосостояния предполагает более активное потребление и передвижение населения. В данном контексте важно повышение экологической осведомленности граждан с помощью механизмов экологического регулирования – например, инструментов информирования. Кроме того, отрицательное влияние потребления может быть минимизировано за счет выхода на рынок экологически безопасной продукции ежедневного потребления. Прямая зависимость между процессом индустриализации и деградацией окружающей среды в свою очередь сигнализирует о недостаточном использовании энергоэффективных и экологически чистых технологий на производственных предприятиях [36].

Мы наблюдаем, что развитие финансового сектора (FD_{it}) и процессы глобализации (G_{it}) отрицательно связаны с объемами загрязнений, но коэффициенты оказались не значимы в данной модели, что может сигнализировать о недостаточном уровне развития финансового рынка и интеграции в мировое пространство. Финансовое развитие и глобализация напрямую связаны с эффективной интеграцией «зеленых» технологий в производственные процессы экономик блока БРИКС.

Одним из важных выводов выступает отрицательная зависимость между притоком ПИИ и приростом объемов выбросов CO_2 . Во-первых, данный факт означает, что гипотеза «утечки углерода» неверна для стран БРИКС. Во-вторых, посредством ПИИ происходит обмен технологиями, которые позволяют улучшить состояние окружающей среды. К таким же выводам пришли М. Рафик с соавторами [11] и Ф. Ганда [9]. В таком случае страны БРИКС должны быть сосредоточены на формировании наиболее благоприятных институциональных и экономических условий для привлечения ПИИ – данная рекомендация может быть в наибольшей степени актуальна для таких стран, как Бразилия, Индия и ЮАР. Кроме того, договоры по ПИИ должны учитывать экологический аспект и стимулировать передачу технологий от иностранных компаний национальным экономикам. В контексте российской экономики на современном этапе развития привлечение иностранных инвесторов с развитыми технологиями осложнено гео-

политической обстановкой – в силу данного факта фокус должен быть смещен на внутренних инвесторов и расширение сектора «зеленых» финансовых инструментов.

Следует отметить, что нам не удалось подтвердить гипотезу о том, что большая доля населения с высшим образованием будет стимулировать сокращение объемов выбросов CO_2 через канал большей экологической осведомленности. Однако мы можем предположить, что в случае стран БРИКС, образованность населения связана с дальнейшими процессами индустриализации, которые негативно влияют на состояние окружающей среды.

Мы подтверждаем, что использование альтернативных источников энергии и развитие национальной экологической политики являются эффективными инструментами для борьбы с загрязнениями. Наши выводы соотносятся с результатами Ю. Паты [24] и М. Хасана с соавторами [15]. Таким образом, для решения экологических проблем основное внимание экономик группы БРИКС должно быть нацелено на развитие сектора альтернативной энергетики и формирование эффективной экологической политики [37, 38]. В случае стран БРИКС возможна кооперация для реализации проектов по возобновляемой энергетике и унификация экологических стандартов.

Наконец, мы идентифицировали, что по мере роста геополитических рисков, объемы выбросов CO_2 сокращаются, что способствует улучшению состояния окружающей среды. Механизм взаимосвязи может быть следующий: геополитическая напряженность «тормозит» экономическую деятельность и производственные процессы, что выражается в виде сокращения объемов выбросов. Однако высокие геополитические риски не способствуют решению экологических проблем в долгосрочной перспективе: наблюдается перенаправление ресурсов государства с защиты окружающей среды, например, на военные нужды; сокращается благосостояние населения, что влечет за собой меньшую готовность «жертвовать» часть доходов на защиту окружающей среды и покупку экологически безопасной продукции. В нашем исследовании мы подтвердили результаты Л. Чена с соавторами [39].

Результаты оценки модели (2), где в качестве зависимой переменной определяется экологический след экономики, отражены в табл. 4. Объясняющая возможность модели также находится на высоком уровне, так как коэффициент детерминации равняется 98%. Данная эмпирическая модель также подтверждает наличие прямой зависимости между ростом ВВП на душу населения, разворачиванием процесса индустриализации и ухудшением состояния окружающей среды, а также обратную зависимость между притоком ПИИ, потреблением альтернативных источников энергии, экологической политикой и геополитическими рисками.

**Результаты моделирования влияния экономической активности
на экологический след в странах БРИКС**

Переменные	Коэффициенты	Стандартные ошибки
$lGDP_{it}$	0,128 ^a	0,028
$lUND_{it}$	0,486 ^a	0,054
FD_{it}	-0,159 ^c	0,084
$lFDI_{it}$	-0,011 ^c	0,007
lUR_{it}	0,914 ^a	0,095
lHC_{it}	0,036	0,029
G_{it}	-0,007 ^b	0,002
IRE_{it}	-0,326 ^a	0,024
ES_{it}	-0,053 ^b	0,0150
lGR_{it}	-0,050 ^c	0,018
R^2	0,980	

Примечание: *a* – значимость на уровне 1%, *b* – значимость на уровне 5%, *c* – значимость на уровне 10%.

Источник: составлено автором.

В данной модели становятся значимыми коэффициенты перед переменными финансового развития и роли глобализации. Таким образом, по мере развития финансового сектора и большей интеграции в мировое пространство страны БРИКС могут улучшить состояние окружающей среды. Предполагаемый механизм взаимодействия следующий. Так, глобализация подразумевает активный обмен экологическими товарами, энергоэффективными технологиями и знаниями в сфере экономики природопользования. В данном контексте либерализация в сфере торговли и ПИИ является эффективным инструментом достижения экологических целей. Для экономики России, находящейся под санкционным давлением, целесообразно углубление экономических и торговых отношений с Китаем, который обладает достаточными компетенциями в сфере защиты окружающей среды и «зеленых» технологий. Кроме того, активная интеграция в мировое пространство и участие в различных саммитах накладывает на страны БРИКС больше экологической ответственности, что подстегивает экономики активировать национальную экологическую политику. В данном исследовании мы подтверждаем выводы Х. Рахмана с соавторами [20] о роли процесса глобализации. Качественное развитие финансового сектора и внедрение «зеленых» финансовых инстру-

ментов, в свою очередь, предполагает больший доступ к финансовым ресурсам для целей интеграции энергоэффективных технологий в производственные процессы и реализации «зеленых» проектов на предприятиях. Данные выводы также отражены в работах А. Тамазяна с соавторами [7].

Наконец, как и М. Рафик с соавторами [11], мы констатируем, что процесс активной урбанизации отрицательно влияет на состояние окружающей среды в странах БРИКС.

С помощью модели (2) нам удалось подтвердить, что результаты модели (1) являются устойчивыми.

На последнем этапе мы рассчитываем декаплинг индекс для всех экономик стран БРИКС за промежутки равные 10 лет и за промежуток 30 лет. Согласно табл. 5, в период 1992–2002 гг. практически во всех экономиках группы БРИКС объемы выбросов росли быстрее, чем экономика, но в последующих периодах данная тенденция изменилась. Если рассматривать 30-летний промежуток, то для России и для Китая значения декаплинг индекса близко к единице, что говорит об абсолютной компенсации – то есть сокращение выбросов CO₂ по мере роста экономики. В случае Бразилии, Индии, ЮАР существует относительная компенсация – то есть существует сравнительно слабая зависимость между загрязнениями и уровнем дохода экономики.

Так, с помощью эмпирических моделей нам не удалось подтвердить наличие экологической кривой Кузнеця в странах БРИКС, но расчет декаплинг индекса указывает на то, что Россия и Китай обладают высоким потенциалом для проявления данной закономерности на последующих этапах развития.

Таблица 5

Значения декаплинг индекса (DI) в динамике

Страна	1992–2002 гг.	2002–2012 гг.	2012–2022 гг.	1992–2022 гг.
Россия	–0,020	0,823	0,027	0,825
Бразилия	–0,140	0,704	–0,246	0,579
Индия	0,128	0,469	0,214	0,636
Китай	0,489	0,592	0,447	0,885
ЮАР	–0,347	0,617	0,056	0,514

Примечание: абсолютная компенсация ($DI > 0$, близко к единице) показывает сокращение выбросов CO₂ по мере роста экономики (данный вариант наиболее желательный для экономики). Относительная компенсация ($DI > 0$, близко к нулю) указывает на слабую связь между выбросами CO₂ и ВВП. В данном случае наблюдается одновременный рост величин, но экономика растет быстрее. Отсутствие компенсации ($DI \leq 0$): объемы выбросов CO₂ растут быстрее, чем экономика (случай деградации окружающей среды).
Источник: составлено автором.

С помощью эмпирического анализа мы не смогли подтвердить, что рост уровня благосостояния является фактором улучшения состояния окружающей среды в странах БРИКС, но мы выявили ряд экономических и социальных факторов, которые отрицательно связаны с ростом выбросов CO₂ или экологическим следом экономик.

Исходя из этого, рекомендации для реформирования государственной политики для решения экологических проблем в условиях беспрецедентного экономического роста могут быть разделены на два блока: стимулирование макроэкономического и экологического развития. К макроэкономическому блоку можно отнести формирование наиболее благоприятной среды для привлечения ПИИ, углубление финансового сектора и создания рынков «зеленых» финансовых инструментов, продвижение политики «открытых дверей» и активную интеграцию в мировое пространство. Второй блок содержит рекомендации по развитию национальной экологической политики, внедрению информационных инструментов экологического регулирования, кооперации в сфере альтернативной энергетики.

Заключение

За последние два десятилетия деградация окружающей среды стала серьезной проблемой для лиц, определяющих политику государства. Так, рост выбросов загрязняющих веществ объясняется стремительным экономическим развитием и деятельностью человека. Данное явление весьма актуально для группы государств БРИКС (Россия, Бразилия, Индия, Китай, ЮАР). Экономике БРИКС, благодаря стремительной индустриализации, пережили значительный экономический рост, о чем свидетельствует их уровень ВВП.

В данном исследовании мы проверяем гипотезу экологической кривой Кузнеця на примере стран БРИКС за период 1992–2022 гг. путем построения эмпирической модели и ее оценки с помощью метода Дрискола–Края, и расчета декаплинг индекса.

Гипотеза о наличии экологической кривой Кузнеця в странах БРИКС не подтверждается, однако Россия и Китай обладают наибольшим потенциалом для достижения того уровня доходов, когда экономический рост способен « позаботиться » о состоянии окружающей среды.

Мы выявили факторы, которые в наибольшей степени ответственны за деградацию окружающей среды в странах БРИКС: рост ВВП на душу населения, разворачивание процессов индустриализации и урбанизации. В список факторов, которые способствуют улучшению состояния окружающей среды мы включаем приток ПИИ, развитие финансового сектора экономики, активную интеграцию в мировое

пространство, развитую экологическую политику и использование альтернативных источников энергии.

Мы также определили несколько направлений реформирования государственной политики для поддержания состояния окружающей среды в странах БРИКС. Странам неформальной организации необходимо бросить усилия на формирование наиболее благоприятных условий для привлечения прямых иностранных инвестиций и развитие финансового сектора. Большая интеграция в мировое пространство также будет способствовать улучшению состояния окружающей среды. Ведение активной экологической политики и использование альтернативных источников энергии в равной мере выступают эффективными способами достижения углеродной нейтральности.

Исследование обладает рядом преимуществ: использует актуальные данные; интегрирует в эмпирическую модель наиболее полный список детерминант состояния окружающей среды стран БРИКС. Однако для работы свойственно ограничение – оценка эмпирической модели методом Дрискола–Края дает генерализированные результаты для всех стран БРИКС. Именно поэтому в качестве направлений для будущего исследования можно выделить следующие: включить в базу данных экономики, которые присоединились к организации в 2024 г. (Аргентина, Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия); использовать эконометрический метод, который позволит оценить эффекты экономической деятельности на состояние окружающей среды каждой экономики в отдельности – например, оценка может быть проведена с помощью метода средней группы общего коррелированного эффекта (Common Correlated Effect Mean Group, CCEMG) или подхода динамической средней группы общего коррелированного эффекта (Dynamic Common Correlated Effect Mean Group, DCCEMG).

ЛИТЕРАТУРА

1. Балыхин М., Шайлиева М., Цыпин А. Статистический анализ экономического развития стран БРИКС // Статистика и экономика. 2020. № 2 (17). С. 18–28. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-2-18-28>
2. Tian X., Sarkis J., Geng Y., Bleischwitz R., Qian Y., Xu L., Wu R. Examining the role of BRICS countries at the global economic and environmental resources nexus // Journal of Environmental Management. 2020. Vol. 262. No. 110330. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2020.110330>
3. Chakravarty D., Mandal S. Estimating the relationship between economic growth and environmental quality for the economies – a dynamic panel data approach // The Journal of Developing Areas. 2016. No. 5. Pp. 119–130. <https://www.jstor.org/stable/26415567>
4. Panayotou T. Empirical tests and policy analysis of environmental degradation at different stages of economic development // Working Paper. 1993. No. WP238. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-24245-02>

5. *Grossman G., Krueger A.* Environmental impact of a North American Free Trade Agreement // NBER Working paper. 1991. No. 3914. <https://doi.org/10.3386/w3914>.
6. *Cağlar A., Zafar M., Bekun F., Mert M.* Determinants of CO2 emissions in the BRICS economies: The role of partnerships investment in energy and economic complexity // Sustainable Energy Technologies and Assessments. 2022. Vol. 51. No. 101907. <https://doi.org/10.1016/j.seta.2021.101907>
7. *Tamazian A., Chousa J., Vadlamannati K.* Does higher economic and financial development lead to environmental degradation: Evidence from BRIC countries // Energy Policy. 2009. No. 1 (37). Pp. 246–253. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2008.08.025>
8. *Naseem S., Mohsin M., Zia-UR-Rehman M., Baig S., Sarfraz M.* The influence of energy consumption and economic growth on environmental degradation in BRICS countries: an application of the ARDL model and decoupling index // Environmental Science and Pollution Research. 2022. Vol. 29. Pp. 13042–13055. <https://doi.org/10.1007/s11356-021-16533-3>
9. *Ganda F.* The non-linear influence of trade, foreign direct investment, financial development, energy supply and human capital on carbon emissions in the BRICS // Environmental Science and Pollution Research. 2021. Vol. 28. Pp. 57825–57841. <https://doi.org/10.1007/s11356-021-14704-w>
10. *Aydin M., Turan Y.* The influence of financial openness, trade openness, and energy intensity on ecological footprint: revisiting the environmental Kuznets curve hypothesis for BRICS countries // Environmental Science and Pollution Research. 2020. Vol. 27. Pp. 43233–43245. <https://doi.org/10.1007/s11356-020-10238-9>
11. *Rafique M., Li Y., Larik A., Monaheng M.* The effects of FDI, technological innovation and financial development on CO2 emissions: evidence from the BRICS countries. *Environmental Science and Pollution Research*. 2020. Vol. 27. Pp. 23899–23912. <https://doi.org/10.1007/s11356-020-08715-2>
12. *Azevedo V., Sartori S., Campos L.* CO2 emissions: A quantitative analysis among the BRICS nations // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2018. Vol. 81. Pp. 107–115. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2017.07.027>
13. *Hussain M., Dogan E.* The role of institutional quality and environment-related technologies in environmental degradation for BRICS // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 304. No. 127059. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.127059>
14. *Li X., Ozturk I., Majeed M., Hafeez M., Ullah S.* Considering the asymmetric effect of financial deepening on environmental quality in BRICS economies: Policy options for the green economy // Journal of Cleaner Production. 2022. No. 10 (331). <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.129909>
15. *Hasan M., Wieloch J., Ali M., Zikovic S., Uddin G.* A new answer to the old question of the environmental Kuznets Curve (EKC). Does it work for BRICS countries? // Resources Policy. 2023. Vol. 87. No. 104332. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.104332>
16. *Zhou X., Tang X., Zhang R.* Impact of green finance on economic development and environmental quality: a study based on provincial panel data from China // Environmental Science and Pollution Research. 2020. Vol. 27. Pp. 19915–19932. <https://doi.org/10.1007/s11356-020-08383-2>
17. *Chishti M., Sinha A.* Do the shocks in technological and financial innovation influence the environmental quality? Evidence from BRICS economies // Technology in Society. 2022. Vol. 68. No. 101828. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101828>

18. *Zakarya G., Mostefa B., Abbes S., Seghir G.* Factors affecting CO2 emissions in the BRICS countries: a panel data analysis // *Procedia Economics and Finance*. 2015. Vol. 26. Pp. 114–125. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00890-4](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00890-4)
19. *Мариуев О., Давидсон Н., Емельянова О.* Влияние урбанизации на выбросы углекислого газа в регионах России // *Journal of Applied Economic Research*. 2020. № 3 (19). С. 286–309. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2020.19.3.014>
20. *Rahman H., Zaman U., Górecki J.* The role of energy consumption, economic growth and globalization in environmental degradation: empirical evidence from the BRICS region // *Sustainability*. 2021. No. 4 (13). Pp. 1924–1944. <https://doi.org/10.3390/su13041924>
21. *Zameer H., Yasmeen H., Zafar M., Waheed A., Sinha A.* Analyzing the association between innovation, economic growth, and environment: divulging the importance of FDI and trade openness in India // *Environmental Science and Pollution Research*. 2020. Vol. 27. Pp. 29539–29553. <https://doi.org/10.1007/s11356-020-09112-5>
22. *Ojekemi O., Rjoub H., Awosusi A., Agyekum E.* Toward a sustainable environment and economic growth in BRICS economies: do innovation and globalization matter? // *Environmental Science and Pollution Research*. 2022. Vol. 29. Pp. 57740–57757. <https://doi.org/10.1007/s11356-022-19742-6>
23. *Мариуев О., Давидсон Н., Борзова И.* Моделирование влияния урбанизации на загрязнение атмосферы в Российских регионах // *Журнал экономической теории*. 2021. № 4 (18). С. 627–641. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.11>
24. *Pata U.* Linking renewable energy, globalization, agriculture, CO2 emissions and ecological footprint in BRICS countries: A sustainability perspective // *Renewable Energy*, 2021. Vol. 173. Pp. 197–208. <https://doi.org/10.1016/j.renene.2021.03.125>
25. *Mahalik M., Mallick H., Padhan H.* Do educational levels influence the environmental quality? The role of renewable and non-renewable energy demand in selected BRICS countries with a new policy perspective // *Renewable Energy*. 2021. Vol. 164. Pp. 419–432. <https://doi.org/10.1016/j.renene.2020.09.090>
26. *Ahmad M., Ahmed Z., Yang X., Hussain N., Sinha A.* Financial development and environmental degradation: Do human capital and institutional quality make a difference? // *Gondwana Research*. 2022. Vol. 105. Pp. 299–310. <https://doi.org/10.1016/j.gr.2021.09.012>
27. *Shahbaz M., Nuta A., Mishra P., Ayad H.* The impact of informality and institutional quality on environmental footprint: The case of emerging economies in a comparative approach // *Journal of Management*. 2023. Vol. 348. No. 119325. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2023.119325>
28. *Максимова А., Николаева Н., Салий С., Семина И.* Оценка влияния экономических и институциональных факторов на выбросы CO2 // *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. 2020. № 4 (12). С. 51–69.
29. *Dario C., Iacoviello M.* Measuring geopolitical risk // *American Economic Review*. 2022. No. 4 (112). Pp. 1194–1225. <https://doi.org/10.1257/aer.20191823>
30. *Pesaran M.* General diagnostic tests for cross-section dependence in panels // *Journal of Econometrics*. 2004. No. 7 (69). <https://doi.org/10.2139/ssrn.572504>
31. *Pesaran M.* A simple panel unit root test in the presence of cross-section dependence // *Journal of Applied Econometrics*. 2007. Vol. 22. Pp. 256–312. <https://doi.org/10.2139/ssrn.457280>

32. *Driscoll J., Kraay A.* Consistent covariance matrix estimation with spatially dependent panel data // *The Review of Economics and Statistics*. 1998. No. 4 (80). Pp. 549–560. <https://doi.org/10.1162/003465398557825>
33. *Мозиас П., Щербачева А.* Перспективы перехода стран БРИКС к модели устойчивого развития (на примере Бразилии и Китая) // *Россия и мир в XXI веке*. 2023. Т. 4. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.04.04>
34. *Курбацкий А., Шаклеина Е.* Экономический рост и загрязнение окружающей среды в США и России: сравнительный пространственно-эконометрический анализ // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. № 2 (15). С. 92–107. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.6>
35. *Григорьев Л., Макаров И., Соколова А., Павлюшина В., Степанов И.* Изменение климата и неравенство: потенциал для совместного решения проблем // *Вестник международных организаций*. 2020. № 1 (15). С. 7–30. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-01>
36. *Сухарев О.* Экономический рост и политика декарбонизации // *Проблемы рыночной экономики*. 2022. № 1. С. 43–57. <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-1-43-57>
37. *Sohag K., Davidson N., Mariev O.* Revising environmental Kuznets curve in Russian regions: role of environmental policy stringency // *Environmental Science and Pollution Research*. 2021. No. 38 (38). <https://doi.org/10.1007/s11356-021-14515-z>
38. *Tsvetkov P., Andreichyk, A., Kosarev O.* The impact of economic development of primary and secondary industries on national CO2 emissions: The case of Russian regions // *Journal of Environmental Management*. 2024. Vol. 351. No. 119881. <https://doi.org/110.1016/j.jenvman.2023.119881>
39. *Chen L., Gozgor G., Mahalik M., Pal S., Rather K.* How does geo-political risk affect CO₂ emissions? The role of natural resource rents // *Resources Policy*. 2023. Vol. 87. No. 104321. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.104321>

REFERENCES

1. *Balyhin M., Shajlieva M., Tsybin A.* Statistical analysis of the economic development of the BRICS countries // *Statistics and Economics*. 2020. No. 2 (17). Pp. 18–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-2-18-28>
2. *Tian X., Sarkis J., Geng Y., Bleischwitz R., Qian Y., Xu L., Wu R.* Examining the role of BRICS countries at the global economic and environmental resources nexus // *Journal of Environmental Management*. 2020. Vol. 262. No 110330. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2020.110330>
3. *Chakravarty D., Mandal S.* Estimating the relationship between economic growth and environmental quality for the economies – a dynamic panel data approach // *The Journal of Developing Areas*. 2016. No. 5 (50) Pp. 119–130. <https://www.jstor.org/stable/26415567>
4. *Panayotou T.* Empirical tests and policy analysis of environmental degradation at different stages of economic development // *Working Paper*. 1993. No. WP238. https://doi.org/10.1007/978-1-349-24245-0_2
5. *Grossman G., Krueger A.* Environmental impact of a North American Free Trade Agreement // *NBER Working paper*. 1991. No. 3914. <https://doi.org/10.3386/w3914>
6. *Caglar A., Zafar M., Bekun F., Mert M.* Determinants of CO₂ emissions in the BRICS economies: The role of partnerships investment in energy and economic complexity //

- Sustainable Energy Technologies and Assessments. 2022. Vol. 51. No. 101907. <https://doi.org/10.1016/j.seta.2021.101907>
7. Tamazian A., Chousa J., Vadlamannati K. Does higher economic and financial development lead to environmental degradation: Evidence from BRIC countries // *Energy Policy*. 2009. No. 1 (37). Pp. 246–253. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2008.08.025>
  8. Naseem S., Mohsin M., Zia-UR-Rehman M., Baig S., Sarfraz M. The influence of energy consumption and economic growth on environmental degradation in BRICS countries: an application of the ARDL model and decoupling index // *Environmental Science and Pollution Research*. 2022. Vol. 29. Pp. 13042–13055. <https://doi.org/10.1007/s11356-021-16533-3>
  9. Ganda F. The non-linear influence of trade, foreign direct investment, financial development, energy supply and human capital on carbon emissions in the BRICS // *Environmental Science and Pollution Research*. 2021. Vol. 28. Pp. 57825–57841. <https://doi.org/10.1007/s11356-021-14704-w>
  10. Aydin M., Turan Y. The influence of financial openness, trade openness, and energy intensity on ecological footprint: revisiting the environmental Kuznets curve hypothesis for BRICS countries // *Environmental Science and Pollution Research*. 2020. Vol. 27. Pp. 43233–43245. <https://doi.org/10.1007/s11356-020-10238-9>
  11. Rafique M., Li Y., Larik A., Monaheng M. The effects of FDI, technological innovation, and financial development on CO2 emissions: evidence from the BRICS countries. *Environmental Science and Pollution Research*. 2020. Vol. 27. Pp. 23899–23912. <https://doi.org/10.1007/s11356-020-08715-2>
  12. Azevedo V., Sartori S., Campos L. CO2 emissions: A quantitative analysis among the BRICS nations // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2018. Vol. 81. Pp. 107–115. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2017.07.027>
  13. Hussain M., Dogan E. The role of institutional quality and environment-related technologies in environmental degradation for BRICS // *Journal of Cleaner Production*. 2021. Vol. 304. No. 127059. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.127059>
  14. Li X., Ozturk I., Majeed M., Hafeez M., Ullah S. Considering the asymmetric effect of financial deepening on environmental quality in BRICS economies: Policy options for the green economy // *Journal of Cleaner Production*. 2022. No. 10 (331). <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.129909>
  15. Hasan M., Wieloch J., Ali M., Zikovic S., Uddin G. A new answer to the old question of the environmental Kuznets Curve (EKC). Does it work for BRICS countries? // *Resources Policy*. 2023. Vol. 87. No. 104332. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.104332>
  16. Zhou X., Tang X., Zhang R. Impact of green finance on economic development and environmental quality: a study based on provincial panel data from China // *Environmental Science and Pollution Research*. 2020. Vol. 27. Pp. 19915–19932. <https://doi.org/10.1007/s11356-020-08383-2>
  17. Chishti M., Sinha A. Do the shocks in technological and financial innovation influence the environmental quality? Evidence from BRICS economies // *Technology in Society*. 2022. Vol. 68. No. 101828. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101828>
  18. Zakarya G., Mostefa B., Abbas S., Seghir G. Factors affecting CO2 emissions in the BRICS countries: a panel data analysis // *Procedia Economics and Finance*. 2015. Vol. 26. Pp. 114–125. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00890-4](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00890-4)

19. *Mariev O., Davidson N., Emelyanova O.* The impact of urbanization on carbon dioxide emissions in Russian regions // *Journal of Applied Economic Research*. 2020. No. 3 (19). Pp. 286–309. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/vestnik.2020.19.3.014>
20. *Rahman H., Zaman U., Górecki J.* The role of energy consumption, economic growth and globalization in environmental degradation: empirical evidence from the BRICS region // *Sustainability*. 2021. No. 4 (13). Pp. 1924–1944. <https://doi.org/10.3390/su13041924>
21. *Zameer H., Yasmeen H., Zafar M., Waheed A., Sinha A.* Analyzing the association between innovation, economic growth, and environment: divulging the importance of FDI and trade openness in India // *Environmental Science and Pollution Research*. 2020. Vol. 27. Pp. 29539–29553. <https://doi.org/10.1007/s11356-020-09112-5>
22. *Ojekemi O., Rjoub H., Awosusi A., Agyekum E.* Toward a sustainable environment and economic growth in BRICS economies: do innovation and globalization matter? // *Environmental Science and Pollution Research*. 2022. Vol. 29. Pp. 57740–57757. <https://doi.org/10.1007/s11356-022-19742-6>
23. *Mariev O., Davidson N., Borzova I.* Modeling the impact of urbanization on air pollution in Russian regions // *Journal of Economic Theory*. 2021. No. 4 (18). Pp. 627–641. (In Russ.) <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.11>
24. *Pata U.* Linking renewable energy, globalization, agriculture, CO2 emissions and ecological footprint in BRIC countries: A sustainability perspective // *Renewable Energy*, 2021. Vol. 173. Pp. 197–208. <https://doi.org/10.1016/j.renene.2021.03.125>
25. *Mahalik M., Mallick H., Padhan H.* Do educational levels influence the environmental quality? The role of renewable and non-renewable energy demand in selected BRICS countries with a new policy perspective // *Renewable Energy*. 2021. Vol. 164. Pp. 419–432. <https://doi.org/10.1016/j.renene.2020.09.090>
26. *Ahmad M., Ahmed Z., Yang X., Hussain N., Sinha A.* Financial development and environmental degradation: Do human capital and institutional quality make a difference? // *Gondwana Research*. 2022. Vol. 105. Pp. 299–310. <https://doi.org/10.1016/j.gr.2021.09.012>
27. *Shahbaz M., Nuta A., Mishra P., Ayad H.* The impact of informality and institutional quality on environmental footprint: The case of emerging economies in a comparative approach // *Journal of Environmental Management*. 2023. Vol. 348. No. 119325. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2023.119325>
28. *Maksimova A., Nikolaeva N., Saliy S., Semina I.* Assessing the influence of economic and institutional factors on CO2 emissions // *Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal*. 2020. No 4 (12). Pp. 51–69. (In Russ.)
29. *Dario C., Iacoviello M.* Measuring geopolitical risk // *American Economic Review*, 2022. No. 4 (112). Pp. 1194–1225. <https://doi.org/10.1257/aer.20191823>
30. *Pesaran M.* General diagnostic tests for cross-section dependence in panels // *Journal of Econometrics*. 2004. No. 7 (69). <https://doi.org/10.2139/ssrn.572504>
31. *Pesaran M.* A simple panel unit root test in the presence of cross-section dependence // *Journal of Applied Econometrics*. 2007. Vol. 22. Pp. 256–312. <https://doi.org/10.2139/ssrn.457280>
32. *Driscoll J., Kraay A.* Consistent covariance matrix estimation with spatially dependent panel data // *The Review of Economics and Statistics*. 1998. No. 4 (80). Pp. 549–560. <https://doi.org/10.1162/003465398557825>

33. *Moziias P., Shcherbakova A.* Prospects for the transition of the BRICS countries to a model of sustainable development (on the example of Brazil and China) // Russia and the world in the 21st century. 2023. Vol. 4. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.04.04>.
34. *Kurbatskiy A., Shakleina E.* Economic growth and environmental pollution in the USA and Russia: Comparative spatial-econometric analysis. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2022. No. 2 (15). Pp. 92–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.6>. (In Russ.)
35. *Grigoriev L., Makarov I., Sokolova A., Pavlyushina V., Stepanov I.* Climate change and inequality: potential for joint problem solving // Bulletin of International Organizations. 2020. No. 1 (15). Pp. 7–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-01>.
36. *Sukharev O.* Economic growth and decarbonization policy // Problems of market economy. 2022. No. 1. Pp. 43–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-1-43-57>.
37. *Sohag K., Davidson N., Mariev O.* Revising environmental Kuznets curve in Russian regions: role of environmental policy stringency. Environmental Science and Pollution Research. 2021. No. 38 (28). <https://doi.org/10.1007/s11356-021-14515-z>
38. *Tsvetkov P., Andreichyk, A., Kosarev O.* The impact of economic development of primary and secondary industries on national CO₂ emissions: The case of Russian regions // Journal of Environmental Management. 2024. Vol. 351. No. 119881. <https://doi.org/110.1016/j.jenvman.2023.119881>
39. *Chen L., Gozgor G., Mahalik M., Pal S., Rather K.* How does geopolitical risk affect CO₂ emissions? The role of natural resource rents // Resources Policy. 2023. Vol. 87. No. 104321. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.104321>

Дата поступления рукописи: 22.01.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Юлия Дмитриевна – инженер-исследователь Лаборатории экономической политики и природных ресурсов Института экономики и управления, ассистент и аспирант Кафедры экономики Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-5991-3061
yu.sokolova1999@gmail.com, iu.d.sokolova@urfu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yulia D. Sokolova – research engineer at the Laboratory of the Natural Resources Policy at the Graduate School of Economics and Management, assistant and postgraduate student at the Department of Economics at the Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-5991-3061
yu.sokolova1999@gmail.com, iu.d.sokolova@urfu.ru

THE IMPACT OF ECONOMIC ACTIVITY ON THE ENVIRONMENT:
EMPIRICAL EVIDENCE FROM BRICS COUNTRIES

The research is devoted to the nexus between economic development and environmental pollution in the BRICS countries. Within the framework of the study, the hypothesis of the Kuznets environmental curve was not verified, but Russia and China have the greatest potential to reach the income level where economic growth is able to "take care" of the environment. Applying the advanced econometric method of Driscoll–Kraay panel data analysis, we found that GDP per capita growth, industrialization and urbanization are the factors most responsible for environmental degradation in the BRICS countries, while the inflow of foreign direct investment, developed financial sector, active integration into the global space, environmental policy and the use of alternative energy sources contribute to environmental improvement. As for the policy implications, the BRICS countries should direct their efforts to create the most favourable conditions for FDI, deepen the financial sector, intensify environmental policy and develop the alternative energy sector.

Keywords: *BRICS, economic growth, environment, environmental Kuznets curve, Driscoll–Kraay.*

JEL: O44, Q56, R11.

С.М. СЕРОШТАН

студентка 3 курса факультета экономики и бизнеса
ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В РОССИИ: ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

В статье представлены результаты анализа основных макроэкономических показателей, характеризующих состояние туризма в России в 2018–2022 гг. и его вклад в национальную экономику. Показано, что в настоящее время в развитии туристской индустрии наблюдается положительная динамика. В то же время спад, ставший следствием прежде всего пандемии COVID-19, до конца еще не преодолен. Сохраняется также значительная дифференциация масштабов туристского рынка в разрезе федеральных округов Российской Федерации. Отмечена необходимость решений, направленных на дальнейшее раскрытие потенциала туристской индустрии, прежде всего касающихся наращивания инвестиций в основную капитал отрасли, реализация которых приведет к усилению ее роли в развитии национальной экономики.

Ключевые слова: валовая добавленная стоимость туристской индустрии, туризм, туристская индустрия, туристские услуги, экспорт туристских услуг.

УДК: 338.48

EDN: XINDXR

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_177_189

В современной глобальной экономике туризм выступает в качестве одной из наиболее крупных и динамичных индустрий. В соответствии с данными ежегодного исследования Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC) с участием экспертов Oxford Economics вклад сферы туризма в 2022 г. в мировой ВВП исчисляется суммой 7,7 трлн долл. США, число рабочих мест в сфере туризма составило 295,4 млн, а объем инвестиций в основную капитал достиг 855,9 млрд долл. США¹. Важно подчеркнуть, что туризм является сферой деятельности, поддержка которой входит в число приоритетных задач развития

---

¹ Статистический бюллетень Росстата к Всемирному дню туризма – 2023. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turism_2023.pdf (дата обращения: 01.10.2023).

экономики практически каждого государства. В России туризм представляет собой крупный межотраслевой комплекс, связанный более чем с 50 смежными отраслями, и вносит весомый вклад в развитие национальной экономики. Он выполняет и важную гуманитарную функцию, способствуя всестороннему развитию личности и раскрытию творческого потенциала человека, а также «играет огромную роль в выстраивании партнерства и взаимопонимания между странами и народами»².

Российский туристский рынок обладает значительным потенциалом развития, для него характерны такие конкурентные преимущества, как «...наличие множества точек притяжения для внутренних и въездных туристов, имеющих в том числе общемировое значение для развития разнообразных видов туризма, ориентированных практически на любые группы потребителей»³. В частности, в общемировом рейтинге Россия по количеству объектов всемирного наследия ЮНЕСКО занимает 10 место, а по количеству объектов всемирного природного наследия ЮНЕСКО – 4 место⁴. В глобальном рейтинге конкурентоспособности в сфере туризма Всемирного экономического форума, составленного по данным за 2019 г., рассчитанного на основе четырех показателей («Благоприятность среды», «Инфраструктура», «Политика в области туризма и благоприятность условий для путешествий», «Природные и культурные ценности»), наша страна находится на 39 позиции. По показателю «Природные и культурные ценности» Россия занимает 20 позицию из 140 стран мира⁵.

По данным Росстата, в 2022 г. валовая добавленная стоимость (ВДС) туристской индустрии составила 3,6 трлн руб., или 2,6% в валовом внутреннем продукте, объем инвестиций в основной капитал – 593,2 млрд руб., или 2,7% от их общего объема по всем видам экономической деятельности, а средняя численность работников сферы туризма – 1137,2 тыс. человек, или 3,4% от средней общей численности работ-

² Стенограмма заседания Президиума Госсовета по вопросам развития туризма. 6 сентября 2022 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69291> (дата обращения: 01.10.2023).

³ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р (ред. от 07.02.2022) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». https://www.consultant.ru/document/consdoc_LAW_333756/?ysclid=lqj8pw4e7u825491152 (дата обращения: 01.10.2023).

⁴ Там же.

⁵ The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019. <https://www.weforum.org/publications/the-travel-tourism-competitiveness-report-2019/> (дата обращения: 01.10.2023). В рейтинге за 2021 г. Россия, к сожалению, не представлена (см.: Travel&Tourism Development Index 2021: Rebuilding for a Sustainable and Resilient Future. https://www3.weforum.org/docs/WEF_Travel_Tourism_Development_2021 (дата обращения: 01.10.2023).

ников⁶. При этом необходимо подчеркнуть, что в последнее время на развитии туризма сказывается не только негативное воздействие последствий пандемии COVID-19, но и беспрецедентное санкционное давление коллективного Запада. Оно проявляется в существенном изменении приоритетов российских потребителей туристских услуг, ставших в большей степени сориентированными на внутренний рынок, выступает фактором, ограничивающим туристский поток в нашу страну иностранных граждан, и безусловно, сдерживает рост отраслевых макроэкономических показателей, что уже отражено в ряде научных публикаций [2; 3; 4; 5].

Для анализа основных макроэкономических показателей, характеризующих состояние туристской индустрии в России в условиях последствий пандемии и беспрецедентного санкционного давления, что являлось основной целью исследования, использовались официальные статистические данные Росстата, а также материалы глобальной платформы для сбора данных и бизнес-аналитики «Statista»⁷. При оценке вклада туризма в развитие национальной экономики учитывались результаты исследований, подтверждающие важную роль ресурсной поддержки данной сферы экономики в увеличении валового внутреннего продукта (см., например: [1; 6]).

В 2018–2022 гг., судя по динамике показателей, приведенных в табл. 1, можно выделить три периода. До пандемии наблюдался рост трех из четырех анализируемых показателей (валовая добавленная стоимость туристской индустрии, средняя численность работников и инвестиции в основной капитал в сфере туризма, экспорт услуг по статье «Поездки»). Так, в 2019 г. в сравнении с предыдущим годом валовая добавленная стоимость в туристской индустрии увеличилась на 299,1 млрд руб., средняя численность работников – на 13,3 тыс. человек, инвестиции в основной капитал – на 10,6 млрд рублей. Исключением стал экспорт услуг по статье «Поездки» – снижение на 0,6 млрд долл. США. В пандемийный 2020 г. отмечался спад всех этих показателей. В сравнении с 2019 г. абсолютное снижение валовой добавленной стоимости составило 465,0 млрд руб., средней численности работников – 33,3 тыс. человек, инвестиций в основной капитал – 9,1 млрд руб., экспорта услуг по статье «Поездки» – 7,1 млрд долл. США. В постпандемийном периоде (2021–2022 гг.) наметился значительный абсолютный прирост рассматриваемых показателей. Так, в 2021 г. по отношению к 2020 г. валовая добавленная стоимость увеличилась на 844,9 млрд руб., средняя численность работников – на 15,5 тыс. чело-

---

⁶ Статистический бюллетень Росстата к Всемирному дню туризма – 2023. https://rosstat.gov.ru/storage/media/bank/turism_2023.pdf (дата обращения: 01.10.2023).

⁷ <https://www.statista.com/> (дата обращения: 01.10.2023).

**Динамика основных абсолютных показателей туристской индустрии
в 2018–2022 гг.**

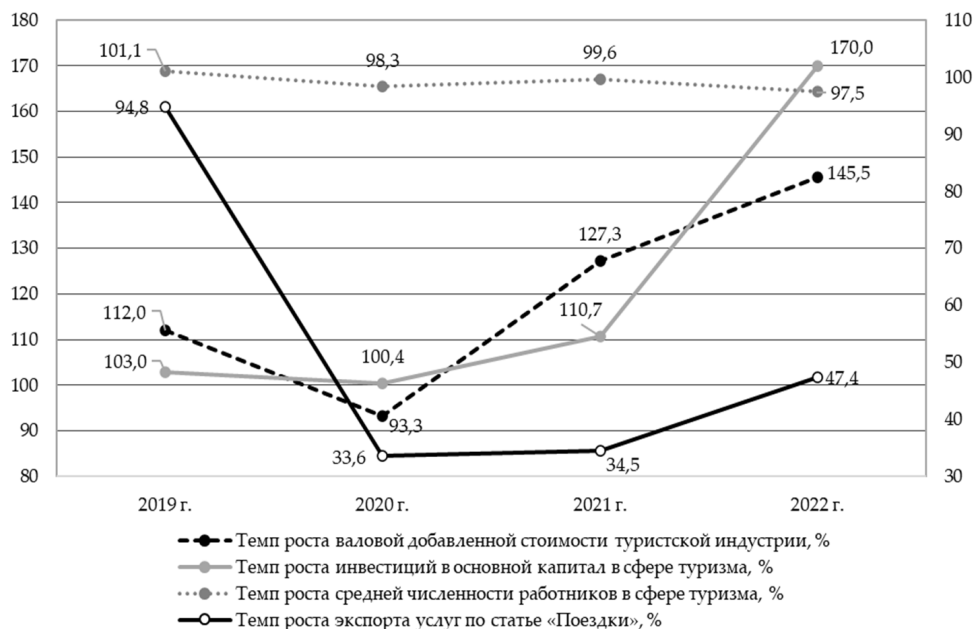
Показатели	2018	2019	2020	2021	2022	2022 г. по отношению к 2021 г.	2022 г. по отношению к 2018 г.
Валовая добавленная стоимость туристской индустрии, в основных текущих ценах, млрд руб.	2490,8	2789,9	2324,9	3169,8	3623,1	453,3	1132,3
Средняя численность работников в сфере туризма, тыс. человек	1166,4	1179,7	1146,4	1161,9	1137,2	-24,7	-29,2
Инвестиции в основной капитал в сфере туризма, млрд руб.	348,9	359,5	350,4	386,2	593,2	207,0	244,3
Экспорт услуг по статье «Поездки», млрд долл. США	11,6	11,0	3,9	4,0	5,5	1,5	-6,1

Источник: составлено автором по: данные Статистического бюллетеня Росстата к Всемирному дню туризма – 2023. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turism_2023.pdf (дата обращения: 01.10.2023).

век, инвестиции в основной капитал – на 35,8 млрд руб., экспорт услуг по статье «Поездки» – на 0,1 млрд долл. США. Вместе с тем динамика прироста не стала устойчивой. В 2022 г. по сравнению с 2021 г. темпы прироста существенно замедлились. Однако из приведенных выше данных следует, что в 2022 г. объем ВДС туристской индустрии превысил уровень допандемийного периода (в основных текущих ценах). Его абсолютный прирост в сравнении с 2018 г. составил более 1,1 трлн руб. Объем инвестиций в основной капитал за этот период увеличился на 244,3 млрд руб. По двум другим анализируемым показателям все еще не удалось достигнуть уровня 2018 г. Так, средняя численность работников в сфере туризма в 2022 г. оказалась меньше, чем в 2018 г., на 29,2 тыс. человек. Зафиксировано также отставание объема экспорта услуг по статье «Поездки» на 6,1 млрд долл. США.

Анализируя темпы роста рассматриваемых показателей, можно видеть, что отрицательная динамика трех из них наблюдалась в разгар пандемии – в 2020 г. По итогам 2020 г. в туристской индустрии лишь значение уровня инвестиций в основной капитал в сопоставле-

нии с 2018 г. практически не изменилось – темп роста составил 100,4% (см. рис. 1). В 2021–2022 гг. наблюдалась положительная динамика темпов роста валовой добавленной стоимости и инвестиций в основной капитал. В 2022 г. по сравнению с 2018 г. они составили 145,5% и 170,0% соответственно. Но по двум другим анализируемым показателям все еще не удалось достигнуть уровня 2018 г. Зафиксировано снижение темпов роста средней численности работников на 2,5 п.п. и экспорта услуг по статье «Поездки» – на 42,6 п.п.

Источник: расчеты выполнены автором по: данные Статистического бюллетеня Росстата к Всемирному дню туризма – 2023. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turism_2023.pdf (дата обращения: 01.10.2023).

Рис. 1. Динамика темпов роста показателей туристской индустрии в 2019–2022 гг. (по отношению к 2018 г., %)

Из результатов анализа динамики среднегодовых темпов прироста показателей, характеризующих развитие туризма и его вклад в экономику России, следует, что если в 2018–2022 гг. в среднем ежегодно валовая добавленная стоимость туристской индустрии увеличивалась на 283,1 млрд руб., или на 9,8%, инвестиции в основной капитал также в среднем ежегодно росли на 61,1 млрд руб., или на 14,2%, то для средней численности работников и экспорта услуг по статье «Поездки», наоборот, было характерно уменьшение – соответственно на 7,3 тыс. человек, или на 0,6 %, и на 1,5 млрд долл. США, или на 17,0% (см. табл. 2).

Динамика среднегодовых уровней показателей туристской индустрии в 2018–2022 гг.

Показатели	Средний абсолютный прирост	Средний темп роста, %	Средне-годовой темп прироста, %
Валовая добавленная стоимость туристской индустрии, в основных текущих ценах, млрд руб.	283,1	109,8	9,8
Средняя численность работников, тыс. человек	-7,3	99,4	-0,6
Инвестиции в основной капитал в сфере туризма, млрд руб.	61,1	114,2	14,2
Экспорт услуг по статье «Поездки», млрд долл. США	-1,5	83,0	-17,0

Источник: рассчитано автором по: данные Статистического бюллетеня Росстата к Всемирному дню туризма – 2023. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turism_2023.pdf (дата обращения: 01.10.2023).

Что касается доли основных показателей туризма в 2018–2022 гг. в их уровнях в целом по экономике России (см. рис. 2), то такие из них, как валовая добавленная стоимость туристской индустрии в валовом внутреннем продукте в основных текущих ценах и средняя численность работников в средней численности работников всех видов экономической деятельности, оставались стабильными – на уровне 2,6 и 3,4% соответственно, что, однако, несколько ниже допандемийного уровня. Так, в 2022 г. по сравнению с 2019 г. величина каждого из указанных показателей снизилась на 0,2 п.п. Вклад инвестиций в основной капитал в сфере туризма в общий объем инвестиций по всем видам экономической деятельности, наоборот, увеличился на 0,3 п.п. и достиг 2,7%, а вклад экспорта услуг по статье «Поездки» в общем объеме экспорта услуг значительно уменьшился, составив 11,4%.

По приведенным показателям Россия пока значительно уступает развитым странам мира. Например, вклад туристской отрасли в мировой валовой внутренний продукт в 2022 г. находился на уровне 7,6%, а занято в ней было около 9,0% всей рабочей силы⁸. Но важно отметить тот факт, что восстановление после спада, вызванного пандемией, в России шло быстрее, чем в среднем по странам мира. Так, если в 2022 г. доля туристской отрасли в мировом валовом внутреннем про-

⁸ Global tourism industry – statistics & facts. <https://www.statista.com/topics/962/global-tourism/#topicOverview> (дата обращения: 01.10.2023).

Источник: составлено автором по: данные Статистического бюллетеня Росстата к Всемирному дню туризма – 2023. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turism_2023.pdf (дата обращения: 01.10.2023).

Рис. 2. Динамика доли показателей туристской индустрии по отношению к их уровням в целом по российской экономике в 2018–2022 гг., %

дукте была ниже уровня 2019 г. в 1,4 раза, то в России только на 0,2 п. п., а доля инвестиций в основной капитал, которая в среднем по миру составила 73% от уровня 2019 г., в нашей стране выросла на 0,3 п.п.

Данные о валовой добавленной стоимости в разрезе федеральных округов Российской Федерации, приведенные в табл. 3, говорят о высоком уровне региональных различий в использовании потенциала туристской индустрии. По этим данным мы также можем видеть, что пандемия по-разному повлияла на региональную динамику развития туризма. Так, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в наибольшей степени сократился объем ВДС туристской индустрии в Северо-Западном федеральном округе – на 21,1%, а в наименьшей степени – в Южном федеральном округе – на 11,0%. Остальные федеральные округа по темпу снижения указанного показателя распределились следующим образом: Приволжский – 12,1%, Уральский – 15,0%, Центральный – 15,3%, Сибирский – 16,5%, Северо-Кавказский – 17,0%, Дальневосточный – 17,3%. В 2021 г., когда ВДС туристской индустрии во всех округах отыгрывала потери, связанные с пандемией, темпы прироста рассматриваемого показателя по отношению к 2020 г. составили: Центральный и Северо-Западный округа – более 40,0%, Южный и Сибирский – более 30,0%, Северо-Кавказский и Уральский – более 20,0%, Приволжский – почти 17,0%, Дальневосточный федеральный округ – 4,1%.

Но важно отметить, что туристской индустрии удалось не только восстановить объемы валовой добавленной стоимости в основных ценах во всех федеральных округах до уровня 2019 г., но и превысить их: Центральный округ – на 23,3%, Южный – 16,8%, Северо-Западный – 10,1%, Сибирский – 9,9%, Уральский – 4,2%, Дальневосточный – 4,1%, Приволжский – 2,7%, Северо-Кавказский – на 1,4%.

Таблица 3

Валовая добавленная стоимость туристской индустрии в разрезе федеральных округов Российской Федерации в 2019-2021 гг. (в основных ценах, млрд руб.)

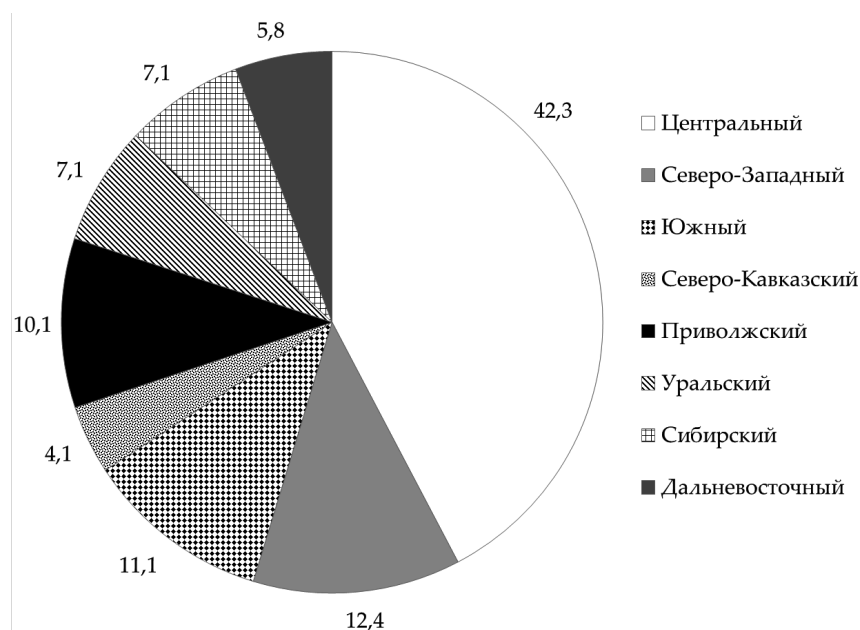
Федеральные округа	Годы			Темп роста, %		
	2019	2020	2021	2020/2019	2021/2020	2021/2019
Центральный	1117,8	946,8	1378,4	84,7	145,6	123,3
Северо-Западный	366,2	286,1	403,2	78,1	140,9	110,1
Южный	310,6	276,5	362,9	89,0	131,2	116,8
Северо-Кавказский	131,2	108,9	133,1	83,0	122,2	101,4
Приволжский	321,5	282,6	330,3	87,9	116,9	102,7
Уральский	221,7	188,4	231,1	85,0	122,6	104,2
Сибирский	212,7	177,7	233,7	83,5	131,5	109,9
Дальневосточный	181,0	149,5	188,5	82,6	104,1	104,1

Источник: рассчитано автором по: данные Росстата. Туризм. <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 01.10.2023).

Наибольший вклад в формирование валовой добавленной стоимости туристской индустрии национальной экономики по данным за 2021 г. вносил Центральный федеральный округ – 43,2%. Далее следуют Северо-Западный округ – 12,4%, Южный – 11,1 %, Приволжский – 10,1%, Сибирский и Уральский - 7,1%, Дальневосточный – 5,8%. Наименьшая доля приходилась на Северо-Кавказский федеральный округ – лишь 4,1% (см. рис. 3).

Анализ динамики доли валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом региональном продукте в разрезе федеральных округов Российской Федерации за 2019–2021 гг. показал, что в 2019 г. эта доля в половине из них превышала средний по Российской Федерации уровень: в Северо-Кавказском округе – в 2,1 раза, Южном – в 1,7 раза, Северо-Западном – в 1,3 раза, Центральном – в 1,2 раза. В Дальневосточном федеральном округе вклад туристской индустрии в региональный продукт соответствовал общероссийскому уровню, а в Приволжском, Сибирском и Уральском федеральных округах был значительно ниже.

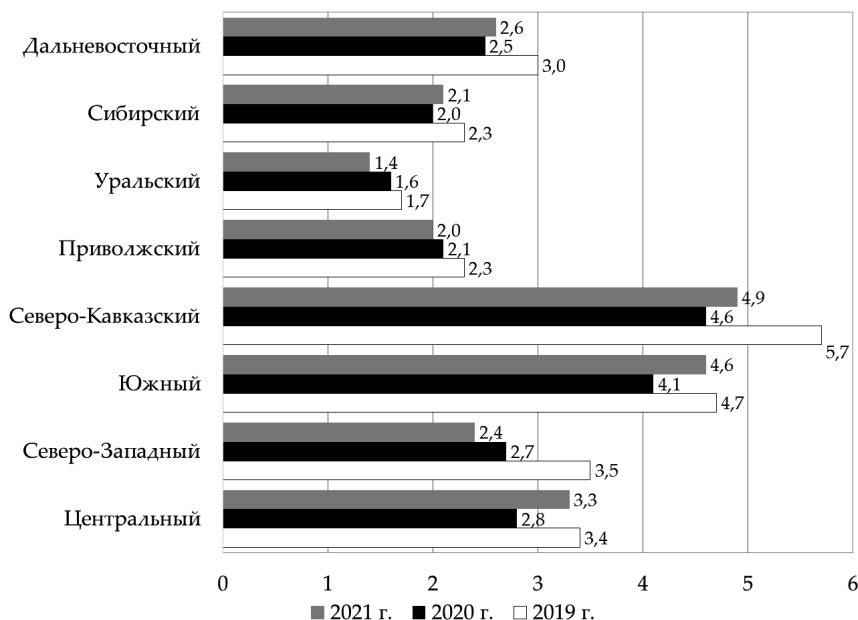

Источник: составлено автором по: данные Росстата. Туризм. [https:// rosstat.gov.ru/ statistics/turizm#](https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm#) (дата обращения: 01.10.2023).

Рис. 3. Вклад федеральных округов в формирование валовой добавленной стоимости туристской индустрии России в 2021 г., %

В 2020 г., как уже отмечалось, вклад валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовой внутренний продукт национальной экономики снизился до 2,4%. Снижение произошло и во всех федеральных округах – особенно значительно в Северо-Западном округе. Но отметим, что доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом региональном продукте в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах оставалась значительно выше уровня данного показателя в целом по Российской Федерации – в 1,9 раза и 1,7 раза соответственно. В то же время в Уральском федеральном округе доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом региональном продукте составляла лишь 66,7% от общероссийского показателя.

Итоги 2021 г. показали, что в сравнении с предшествующим годом вклад валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовой региональный продукт продолжал снижаться в Северо-Западном, Уральском и Приволжском федеральных округах. В остальных федеральных округах этот показатель несколько увеличился. Например, в Центральном и Южном федеральных округах он вырос на 0,5 п.п. Однако в 2021 г. ни в одном из федеральных округов не был достигнут уровень 2019 г. (см. рис. 4).

Источник: составлено автором по: данные Росстата. Туризм. <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm#> (дата обращения: 01.10.2023).

Рис. 4. Динамика доли валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом региональном продукте в разрезе федеральных округов Российской Федерации, %

* * *

Результаты поведенного исследования показывают, что в настоящее время в развитии туристской индустрии России наблюдается положительная динамика. По таким показателям, как объем валовой добавленной стоимости, создаваемой туристской индустрией, и объем инвестиций в основной капитал в сфере туризма, удалось не только выйти на уровень допандемийного периода, но и его превзойти. Показатели средней численности работников и объема экспорта услуг по статье «Поездки», которые продолжают оставаться ниже допандемийного уровня, в 2022 г. по сравнению с предыдущим годом росли значительно более высокими темпами. В то же время потенциал туризма России используется далеко не полностью. По ключевым показателям туристского рынка страна существенно уступает развитым странам мира. Острой остается проблема значительной региональной дифференциации туристской индустрии.

Развитие туризма в нашей стране признано одним из приоритетов экономической политики. В последние годы приняты и реализуются несколько стратегических документов и ряд системных мер государственной поддержки, направленных на комплексное развитие отрасли

на основе программно-целевого подхода, с явным приоритетом внутреннего и въездного туризма, путем создания конкурентоспособного туристского продукта и современной туристской инфраструктуры⁹. В то же время для ускорения темпов роста и усиления роли туризма в развитии российской экономики ключевым фактором, на наш взгляд, является наращивание инвестиций и повышение эффективности управления ими [7]. Именно инвестиции играют определяющую роль в развитии инфраструктуры, что является необходимым условием дальнейшего роста туристского потока и сглаживания региональных диспропорций туристского рынка России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Ю.О., Григорьева В.В., Поздняков К.К. Влияние туризма на национальную экономику и методы его оценки: обзор литературы // *Финансы и управление*. 2022. № 1. С. 58–73. DOI: 10.25136/24097802.2022.1.37282. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37282.
2. Карпова Г.А., Валеева Е.О. Проблемы и перспективы развития туризма в условиях пандемии // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2021. № 1 (127). С. 97–104.
3. Логунцова И.В. Индустрия туризма в условиях пандемии коронавируса: вызовы и перспективы // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2020. № 80. С. 50–67. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10063.
4. Полухина А.Н. Анализ современного состояния внутреннего туризма в регионах России в период пандемии (по итогам исследования 2022 г.) // *Инновационное развитие экономики*. 2022. № 1-2 (67–68). С. 175–181. DOI 10.51832/22237984_2022_1-2_175.
5. Шерешева М.Ю. Индустрия туризма: последствия пандемии и условия развития / М.Ю. Шерешева // *Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм*. 2020. № 2(6). С. 30–45. DOI: 10.18572/2686-858X-2020-2-6-30-45.
6. Qamarilka Nurul et al. The Impact of the Travel and Tourism Sector on the Growth of the National Economy // *Journal of Environmental Management and Tourism*. [S. l]. 2023. Sep. Vol. 14. № 6. Pp. 2715–2724. DOI: [https://doi.org/10.14505/jemt.v14.6\(70\).19](https://doi.org/10.14505/jemt.v14.6(70).19).
7. Sembiyeva Lyazzat et al. The Relationship Between Tourism and the Efficiency of Budget Investments as Important Area of Strategic Audit // *Journal of Environmental Management and Tourism*, [S. l]. 2023. Vol. 14. No. 6. Pp. 2704–2714. DOI: [https://doi.org/10.14505/jemt.v14.6\(70\).18](https://doi.org/10.14505/jemt.v14.6(70).18).

---

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р (ред. от 07.02.2022) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». https://www.consultant.ru/document/consdoc_LAW_333756/?ysclid=lqi8pw4e7u825491152 (дата обращения: 01.10.2023); Министерство экономического развития Российской Федерации. https://www.economy.gov.ru/material/directions/turizm/nacionalnyy_proekt_turizm_i_industriya_gostepriimstva/?ysclid=lqlyyy4xav186215311 (дата обращения: 01.10.2023).

REFERENCES

1. *Иванова Ю.О., Grigorieva V.V., Pozdnyakov K.K.* The influence of tourism on the national economy and methods of its assessment: a literature review // Finance and Management. 2022. No. 1. Pp. 58–73. DOI: 10.25136/2409-7802.2022.1.37282. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37282. (In Russ.).
2. *Карпова Г.А., Valeeva E.O.* Problems and prospects of tourism development in the context of a pandemic // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. 2021. No. 1 (127). Pp. 97–104. (In Russ.).
3. *Loguntsova I.V.* Tourism industry in the context of the coronavirus pandemic: challenges and prospects // Public administration. Electronic Bulletin. 2020. No. 80. Pp. 50–67. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10063. (In Russ.).
4. *Polukhina A.N.* Analysis of the current state of domestic tourism in the regions of Russia during the pandemic (based on the results of the 2022 study) // Innovative development of the economy. 2022. No. 1–2 (67–68). Pp. 175–181. DOI: 10.51832/22237984_2022_1-2_175. (In Russ.).
5. *Sheresheva M.Y.* Tourism industry: consequences of the pandemic and conditions of development / M.Y. Sheresheva // Professorial Journal. Series: Recreation and Tourism. 2020. No. 2(6). Pp. 30–45. DOI: 10.18572/2686-858X-2020-2-6-30-45. (In Russ.).
6. *Qamarilka Nurul et al.* The Impact of the Travel and Tourism Sector on the Growth of the National Economy // Journal of Environmental Management and Tourism, [S. I.]. 2023. Sep. Vol. 14. No. 6. Pp. 2715–2724. DOI: [https://doi.org/10.14505/jemt.v14.6\(70\).19](https://doi.org/10.14505/jemt.v14.6(70).19).
7. *SembiyevaLyazzat et al.* The Relationship Between Tourism and the Efficiency of Budget Investments as Important Area of Strategic Audit // Journal of Environmental Management and Tourism, [S. I.]. 2023. Sep. Vol. 14. No. 6. Pp. 2704–2714. DOI: [https://doi.org/10.14505/jemt.v14.6\(70\).18](https://doi.org/10.14505/jemt.v14.6(70).18).

Дата поступления рукописи: 11.01.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сероштан Стефания Михайловна – студентка 3 курса факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
seroshtan.sm@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Stefania M. Seroshtan – 3rd year student of the Faculty of Economics and Business of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
seroshtan.sm@mail.ru

TOURISM DEVELOPMENT IN RUSSIA: DYNAMICS OF THE MAIN MACROECONOMIC INDICATORS

The article presents the results of the analysis of the main macroeconomic indicators characterizing the state of tourism in Russia in 2018-2022 and its contribution to the national economy. It is shown that currently there is a positive trend in the development of the tourism industry. At the same time, the recession, which was primarily the result of the

COVID-19 pandemic, has not yet been completely overcome. There is also a significant differentiation in the scale of the tourist market in the context of the federal districts of the Russian Federation. The need for solutions aimed at further unlocking the potential of the tourism industry, primarily related to increasing investments in the fixed capital of the industry, the implementation of which will lead to strengthening the role in the development of the national economy, was noted.

Keywords: *gross value added of the tourism industry, tourism, tourism industry, tourist services, export of tourist services.*

JEL: Z32.

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 05.03.2024
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 1083-24

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
<https://vestnik-ieran.ru>

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2024

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru